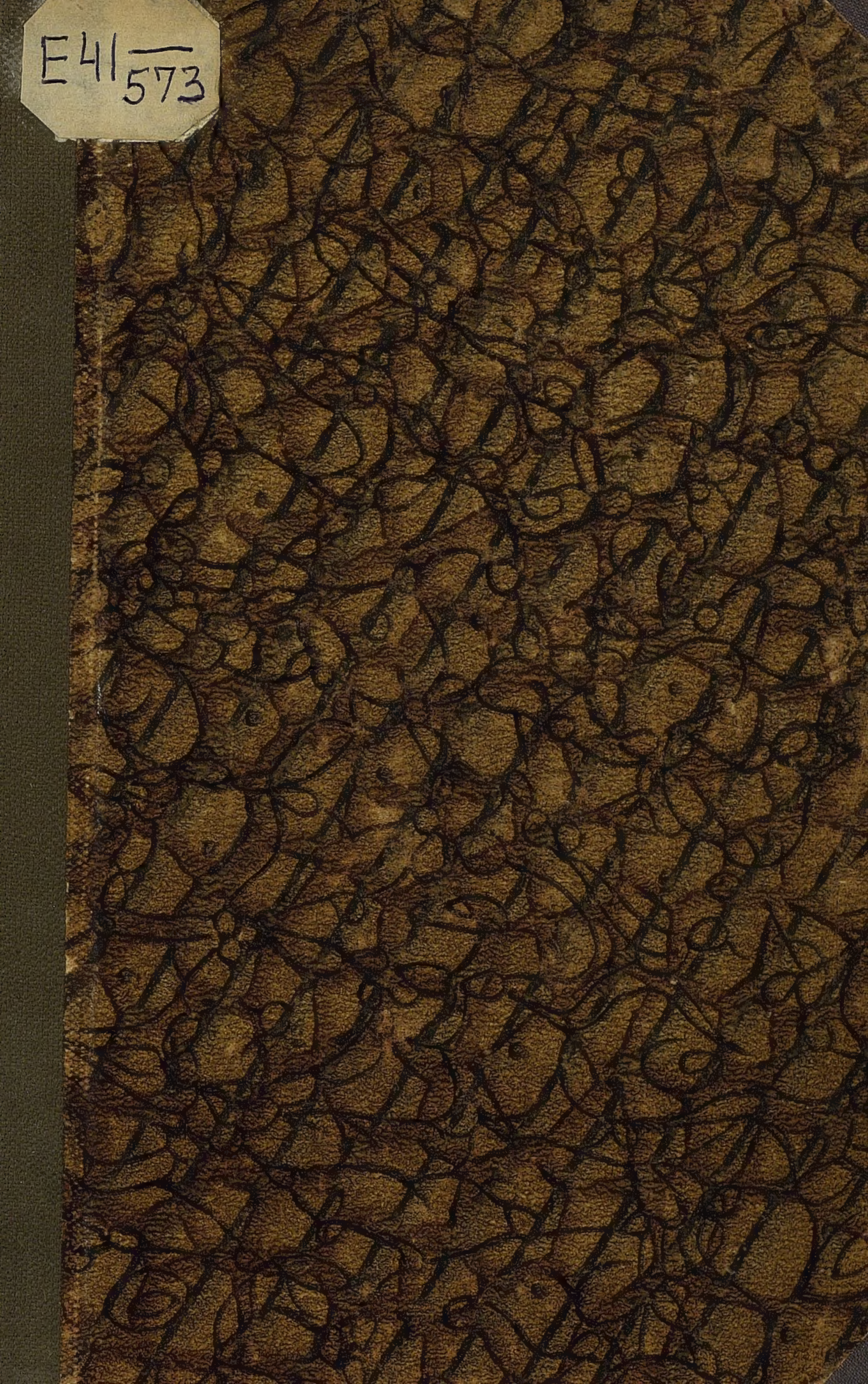
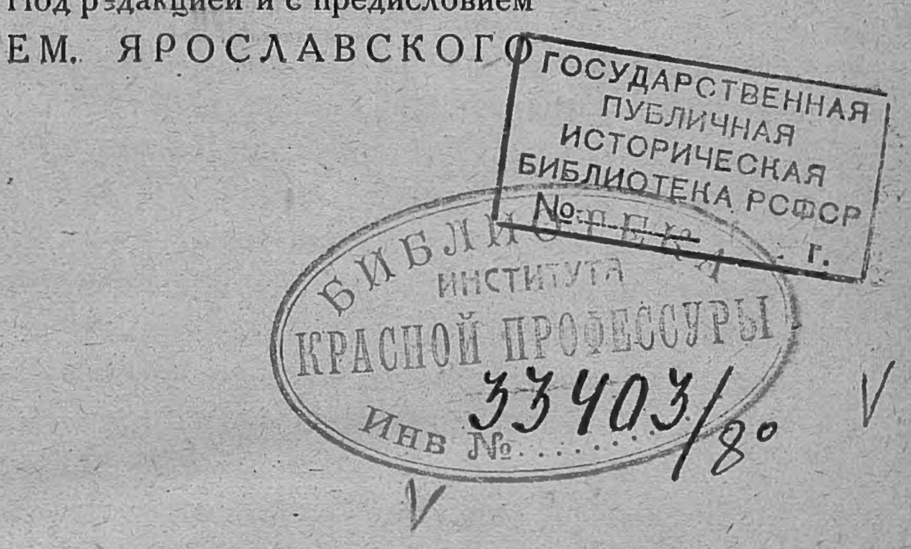

ВОПРОСЫ
ЖИЗНИ
И
БОРЬБЫ
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
Е. ЯРОСЛАВСКОГО
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1924

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ И БОРЬБЫ

СБОРНИК

Под редакцией и с предисловием
ЕМ. ЯРОСЛАВСКОГО

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1924 ЛЕНИНГРАД

Отпечатано в типографии
изд. „Молодая Гвардия",
Ленинград, В. О, 5 линия, 28,
в количестве 10.000 экземпл.
Ленинградский Гублит
№ 8960.

ПРЕДИСЛОВИЕ РЕДАКТОРА

Издательству «Молодая Гвардия» пришла несомненно удачная мысль собрать в одном сборнике статьи и отрывки из статей и речей теоретиков и практиков социалистического и коммунистического движения по вопросу о нравственности.

Нет ни одного вопроса, который так мало был бы разработан, как именно этот вопрос, и нет ни одного вопроса, разрешение которого было бы так удачно для подрастающего поколения, как именно вопрос о нравственности. Старые формы семейного быта ломаются под напором революции, изменяется социальное строение нашего общества, изменяются классовые отношения. Этот процесс происходит болезненно, мучительно в такой стране, как наша, где пролетариат составляет незначительное большинство, где мы имеем огромную многомиллионную массу крестьянства, сохраняющего местами патриархальные отношения в семье, где мы имеем чрезвычайно пестрый местами переплет различных систем хозяйства, различных общественных культур, начиная от бродячего охотничьего быта, от пастушеского родового быта и кончая зачатками подлинного социалистического строительства, подлинного социалистического быта в больших городах и в наших, правда, еще немногочисленных, но уже крепнущих сельско-хозяйственных коммунах.

На ряду со стремлением передовых пролетариев наших крупных промышленных центров построить эти отношения на новых основах, на основах коммунизма, молодежь многих мест живет в отсталых условиях мещанского быта, порой среди пережитков феодально-крепостнических отношений, порой, как горская молодежь, среди сохранившихся правил древнейших норм и обычаев родовой кровавой мести.

Что можно и чего нельзя делать комсомольцу? Что нравственно и что безнравственно? Как правильно построить взаимоотношения между полами? Как преодолеть существующие противоречия между требованиями равенства и существующим неравенством? Все эти и другие вопросы мучительно разрешаются молодежью в наш переходный период. Несомненно происходит большая ломка всех норм нравственности прежнего буржуазного государства, но новая коммунистическая нравственность не вылилась еще в какие-нибудь четкие формы. Поэтому чрезвычайно ценно то, что было написано по этим вопросам Марксом, Энгельсом, Лафаргом, Лениным, Бухариным, Троцким и другими товарищами, работавшими и думавшими над вопросами нравственности.

Вопросы быта волей-неволей врываются в круг вопросов, стоящих в настоящее время перед коммунистической партией, перед Комсомолом. Эти вопросы возникают с первого момента рождения ребенка: борьба с совершением религиозных обрядов, борьба за коммунистическое, за общественное воспитание. Юный пионер, как только он вступает в отряд, чувствует разлад между требованиями пионерской среды и тем мещанским буржуазным укладом, который еще очень часто остается даже во многих рабочих семьях, не говоря уже о семьях интеллигенции, дети которых очень мучительно переживают этот разлад, болезненно на него реагируют. Еще острее эти столкновения у комсомольцев. Нет никакого сомнения в том, что в комсомольской среде идеалистические настроения сильнее, чем у более взрослых товарищей. Эти идеалистические настроения очень часто могут увлечь комсомольца на неправильный путь разрешения вопросов нравственности вне зависимости от конкретных условий классовой борьбы, вне зависимости от конкретных интересов развития пролетарской революции. Поэтому подчеркнуть ту мысль, какая подчеркнута была В. И. Лениным, что нельзя искать каких-либо нравственных норм вне интересов классовой борьбы—не только целесообразно в настоящий момент, но крайне необходимо для того, чтобы дать правильное направление развитию пролетарской молодежи.

До сих пор, строго говоря, нет целостной попытки пересмотреть все вопросы нравственности под углом зрения этой пролетарской борьбы. Классическим в этом отношении произведением надо считать главу из «Анти-Дюринга» Энгельса: «Нравственность и право». У Маркса в «Капитале» и в других отдельных его произведениях разбросаны лишь отдельные мысли, замечания о том, как складывается нравственность того или другого класса, дается оценка этой нравственности.

Еще в «Коммунистическом Манифесте» Маркс и Энгельс пытались дать достойную характеристику хваленой буржуазной нравственности, вскрыли ее действительную сущность. К. Каутский в своей книге «Этика и материалистическое понимание истории» пробует дать более или менее целую теорию нравственности, выведенную из интересов классовой пролетарской борьбы.

Основным вопросом, который занимал нас раньше, до октябрьской революции, был вопрос о том, может ли выработаться коммунистическая нравственность при отсутствии коммунистического строя, так как нравственность, как и все остальные идеологические нормы, является лишь надстройкой над тем или иным фундаментом экономического устройства области. Октябрьская революция, передавшая средства и орудия производства, земли и фабрики в распоряжение трудящихся, впервые утвердившая диктатуру пролетариата семилетней упорной организационной борьбой за сохранение диктатуры пролетариата, за ее углубление, расширение, за переустройство общества на началах коммунизма, конечно, оставила глубочайший след в сознании трудящихся, произвела глубокий переворот. Теперь вопрос стоит не так, как до октябрьского переворота: можно ли строить коммунистическую нравственность, когда нет коммунистического строя? Теперь есть элементы этого коммунистического строя, все более и более расширяющиеся, и, стало быть, есть и элементы для выработки новой коммунистической нравственности.

Однако велико еще влияние мелко-буржуазной крестьянской стихии. НЭП с возрождением части буржуазии также оказывает свое влияние и на пролетариат, и на крестьянство. Борются в нашем обществе, в советском нашем союзе, два начала: начало коммунистическое и начало буржуазное. И эта борьба сказывается на выработке нравственных норм как среди детей, как среди подростков, как среди нашей комсомольской молодежи, так и во всем обществе. Нельзя уже пройти мимо вопросов быта. Естественно поэтому, что вопросам быта, вопросам выработки коммунистической нравственности уделяется все больше и больше внимания. Естественно, что возникают мысли о создании особого «Общества Друзей Нового Быта». И приветствовать надо, что «Молодая Гвардия» собирает в отдельном сборнике мысли социалистов и коммунистов по вопросам нравственности, чтобы дать материал молодежи для разработки этого вопроса, для уяснения себе этого труднейшего вопроса, связанного с созданием нового коммунистического общества, с выработкой целостного коммунистического миропонимания.

Ем. Ярославский

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Вопрос о том, как жить, как согласовать поступки и действия отдельной личности с борьбой и творчеством всего класса, многократно обсуждался в комсомольских организациях, на собраниях пролетарской учащейся молодежи, в рабочих клубах и кружках. Тов. Ярославский в своем предисловии к этому сборнику доказывает, что в эпоху НЭП'а эти вопросы нашей жизни и борьбы приобретают особую остроту и значимость. Между тем, посвященные «новой морали» статьи наших вождей и теоретиков разбросаны по разным изданиям и в большей своей части стали чуть ли не библиографической редкостью. Эта книга, в которую вошла большая и наиболее существенная часть материалов, освещающих коммунистический взгляд на вопросы нравственности, на нормы поведения пролетариата,—должна помочь нашей молодежи в вырешении этих сложнейших проблем.

Для удобства сборник разбит на три отдела. Первый отдел дает основные теоретические положения, выдвигаемые революционной марксистской мыслью. Мы начинаем этот отдел с выдержки о морали из речи тов. Ленина на III С'езде РКСМ. Затем даем отрывок из книги тов. Бухарина («Исторический материализм»), из статей Каутского и Лафарга. Вместе с разбросанными по всей книге цитатами из работ К. Маркса и Ф. Энгельса читатель найдет здесь таким образом самое главное из того, что было написано нашими теоретиками по рассматриваемому вопросу. В заключение дана статья тов. Лепешинского, который сопоставляет наш взгляд на вопросы морали с взглядами различных философских школ.

II и III отделы рассматривают вопрос практически, каковы нормы поведения пролетариата (и, следовательно,

отдельных членов класса) в наше время, при диктатуре пролетариата в эпоху начавшейся мировой социальной революции. При этом мы считали целесообразным выделить отдельно (III отдел) вопросы быта, семьи и брака.

II отдел открывается статьей тов. Крупской (вернее, выдержкой из статьи о коммунистическом воспитании—«Юный Коммунист» 22 г.) и речью тов. Бухарина, в которых даны основные положения, основные «правила поведения». Отрывки из статей и речей тов. Ленина, т.т. Преображенского и Шубина рассматривают ряд частных случаев, отдельных «правил» по отношению к определенным моментам нашей борьбы и строительства. Мы нашли также полезным поместить известную статью о религии С. Хеглунда и ответ тов. Ярославского.

III отдел в значительной части построен на дискуссионном материале. В качестве вводной статьи мы дали главу о семье из книги Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Статьи тов. Троцкого и Степанова (последняя—заключительная) ставят вопрос о быте и семье в наше время. Наконец, мы привели две дискуссии: одна—тов. Тольма (Балабанова) и Незнамова. Этой дискуссией в журнале «Юный Коммунар» (орган ЦК КСМУ), собственно, и началось широкое обсуждение вопросов быта и брака в Комсомоле. 2-я дискуссия, прошедшая на страницах жирналов «Молодая Гвардия» и «Красная Новь», поставлена более серьезно и дает (в ответах на статью тов. Коллонтай) выводы последнего года.

Между статьями читатель найдет цитаты из работ Маркса, Энгельса и Ленина, которые помогут вынести правильное решение поставленным вопросам.

Для удобства читателей мы большинство статей разбили на подзаголовки, в некоторых подчеркнули наиболее существенные, по нашему мнению, места. Таким образом, вся ответственность за подзаголовки и выделенные места в статьях тов. Ленина, Бухарина, Крупской, Преображенского и Шубина лежит на нас.

Вся работа по составлению сборника проделана тов. А. Борисовым.

I

СОДЕРЖАНИЕ:

Н. Ленин

МОРАЛЬ БУРЖУАЗНАЯ И КОММУНИСТИЧЕСКАЯ

Вы должны воспитать из себя коммунистов. Задача Союза Молодежи — поставить свою практическую деятельность так, чтобы учась, организуясь, сплачиваясь, борясь, эта молодежь воспитывала бы коммунистов в себе и во всех тех, кто в ней видит вождя. Надо, чтобы все дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали.

Но существует ли коммунистическая мораль? Существует ли коммунистическая нравственность? Конечно, да. Часто представляют дело таким образом, что у нас нет своей морали, и очень часто буржуазия обвиняет нас в том, что мы, коммунисты, отрицаем всякую мораль. Это—способ подменять понятия, бросать песок в глаза рабочим и крестьянам.

В каком смысле отрицаем мы мораль, отрицаем нравственность? В том смысле, в каком проповедывала ее буржуазия, которая выводила эту нравственность из велений бога. Мы на этот счет, конечно, говорим, что в бога не верим. Мы очень хорошо знаем, что от имени бога говорило духовенство, говорили помещики, говорила буржуазия, чтобы проводить свои эксплоататорские интересы. Мы знаем, что они выводили эту мораль либо из велений бога, либо из идеалистических фраз, которые всегда сводились тоже к тому, что очень похожи на веления бога. Всякую такую нравственность, взятую из внечеловеческого, внеклассового понятия, мы отрицаем. Мы говорим, что это обман, что это надувательство и забивание умов рабочих и крестьян в интересах помещиков и капиталистов.

Мы говорим, что наша нравственность подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата.

Наша нравственность выводится из интересов классовой борьбы пролетариата. Старое общество было основано на угнетении помещиками и капиталистами всех рабочих и крестьян.

Нам нужно было это общество разрушить, надо было угнетателей скинуть, но для этого создать об'единение. Боженька такого об'единения не создаст. Такое об'единение могли дать только фабрики, заводы, только пролетариат, обученный, пробужденный от старой спячки. Лишь тогда, когда этот класс образовался, тогда началось массовое движение, которое привело к тому, что мы видим сейчас, к победе пролетарской революции в одной из самых слабых стран, три года отстаивающей себя от натиска буржуазии всего мира.

И мы видим, как пролетарская революция растет во всем мире. Мы говорим теперь на основании опыта, что только пролетариат мог создать такую сплоченную силу (за которою идет раздробленное, распыленное крестьянство), которая устояла при всех натисках эксплоататоров. Только этот класс может помочь трудящимся массам об'единиться, сплотиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить.

Вот почему мы говорим: для нас нравственность, взятая вне человеческого общества, не существует; это обман. Для нас нравственность подчинена интересам классовой борьбы пролетариата.

А в чем состоит эта классовая борьба? Это—царя свергнуть, капиталистов свергнуть, уничтожить класс капиталистов.

Если одна часть общества присваивает себе всю землю — мы имеем класс помещиков и крестьян. Если одна часть общества имеет фабрики и заводы, имеет акции и капиталы, а другая работает на этих фабриках—мы имеем класс капиталистов и пролетариев.

Не трудно было прогнать царя, для этого потребовалось всего несколько дней. Не очень трудно было прогнать помещиков, это можно было сделать в несколько месяцев. Не очень трудно прогнать и капиталистов. Но уничтожить классы несравненно труднее. Все еще осталось разделение на рабочих и крестьян. Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, т. е. хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплоататора. Чем больше оставляет он себе хлеба, тем ему выгоднее, а другие пусть голодают: «чем больше они голодают, тем дороже я продам этот хлеб».

Надо, чтобы все работали по одному общему плану на общей земле, на общих фабриках и заводах и по общему распорядку. Легко ли это делать? Вы видите, что тут нельзя добиться решения так же легко, как прогнать царя, помещиков и капиталистов. Тут надо, чтобы пролетариат пере-

воспитал, переучил часть крестьян, перетянул тех, которые являются крестьянами трудящимися, чтобы уничтожить сопротивление тех крестьян, которые являются богачами и наживаются за счет нужды остальных.

Значит, задача борьбы пролетариата еще не закончена тем, что мы свергли царя, прогнали помещиков и капиталистов. Классовая борьба продолжается; она только изменила свои формы. Это—классовая борьба пролетариата за то, чтобы соединилась раздробленная масса темного крестьянства в один союз.

Классовая борьба продолжается. Наша задача — подчинить все интересы этой борьбе.

И мы свою коммунистическую нравственность этой задаче подчиняем. Мы говорим: нравственность—это то, что служит разрушению старого эксплоататорского общества и об'единению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов.

Коммунистическая нравственность — это та, которая служит борьбе, об'единяет трудящихся против всякой эксплоатации, против всякой мелкой собственности, ибо мелкая собственность дает в руки одного лица то, что создано трудом всего общества.

Земля у нас считается общей собственностью. Ну, а если из этой общей собственности я беру себе известный кусок, возделываю на нем вдвое больше хлеба, чем нужно мне, и излишком хлеба спекулирую? Если я рассуждаю так: «чем больше голодных, тем дороже будут мне платить»,—разве я тогда поступаю, как коммунист?

Нет, как эксплоататор, как собственник. С этим нужно вести борьбу.

Старое общество было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя; либо ты рабовладелец, либо ты раб. И понятно, что воспитанные в этом обществе люди, можно сказать, с молоком матери воспринимают психологию, привычку, понятие: либо рабовладелец, либо раб, либо мелкий собственник, мелкий служащий, мелкий чиновник, интеллигент—словом, человек, который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет:

— Если я хозяйничаю на этом участке земли, мне дела нет до другого!

— Если другой будет голодать, тем лучше: я дороже продам свой хлеб!

— Если я имею свое местечко, как врач, как инженер, учитель, служащий,—мне дела нет до другого! Может быть, притворствуя, угождая власть имущим, я сохраню свое местечко да еще смогу и пробиться, выйти в буржуа...

Такой психологии и такого настроения у коммуниста быть не может.

Когда рабочие и крестьяне доказали, что мы умеем своею силою отстоять себя и создать новое общество, вот тогда и началось новое коммунистическое воспитание, воспитание в борьбе против эксплоататоров, воспитание в союзе с пролетариатом, против эгоистов и мелких собственников, против той психологии и тех привычек, которые говорят:

— Я добиваюсь своей прибыли, а до остального мне нет никакого дела!

Вот в чем состоит ответ на вопрос, как должно учиться коммунизму молодое подрастающее поколение.

Оно может учиться коммунизму, только связывая каждый шаг своего учения, воспитания и образования с непрерывной борьбой пролетариев и трудящихся против старого эксплоататорского общества.

Когда нам говорят о нравственности, мы говорим:

— Для коммуниста вся нравственность—в этой сплоченной солидарной дисциплине и сознательной массовой борьбе против эксплоататоров. Мы в вечную нравственность не верим, мы обман всяких сказок о нравственности разоблачаем. Нравственность служит для того, чтобы человеческому обществу подняться выше, избавиться от эксплоатации труда. Чтобы это осуществить, нужно то поколение молодежи, которое начало превращаться в сознательных людей в обстановке дисциплинированной отчаянной борьбы с буржуазией. В этой борьбе оно воспитает настоящих коммунистов, этой борьбе оно должно подчинить и связать с ней всякий шаг в своем учении, образовании и воспитании.

Воспитание коммунистической молодежи должно состоять не в том, что ей подносят всякие усладительные речи и правила о нравственности. Когда люди видели, как их отцы и матери жили под гнетом помещиков и капиталистов, когда они сами участвовали в тех муках, которые обрушивались на тех, когда они начинали борьбу против эксплоататоров, когда они видели, каких жертв стоило продолжать эту борьбу, чтобы отстоять завоеванное, каким бешеным врагом являются помещики и капиталисты,—тогда эти люди воспитывались в такой обстановке коммунистами.

В основе коммунистической нравственности лежит борьба за укрепление и завершение коммунизма.

Быть членами Союза Молодежи—значит вести дело так, чтобы отдавать свою работу, свои силы на общее дело. Вот в этом состоит коммунистическое воспитание. Только в такой работе превращается молодой человек или девушка в настоящего коммуниста. Только в этом случае, если они этой работой сумеют достигнуть практических успехов, они становятся коммунистами.

Коммунистический Союз Молодежи должен быть ударной группой, которая во всякой работе оказывает свою помощь, проявляет свою инициативу, свой почин. Союз должен быть таким, чтобы любой рабочий видел в нем людей, учение которых, быть может, ему непонятно, учению которых он сразу, может быть, не поверит, но на живой работе которых, на их деятельности он видел бы, что это действительно те люди, которые показывают ему верный путь.

Буржуа, разумеется, свято чтит закон, потому что он создал его, потому что он издан с его согласия для защиты его самого и его интересов. Он знает, что, если даже отдельный закон может оказаться специально для него вредным, то все законодательство в целом служит для охраны его интересов. Потому же и палка полицеского, которая в сущности является его собственной палкой, имеет для него такую удивительную умиротворяющую силу. Но для рабочего это, поистине, не так. Рабочий прекрасно знает и очень часто уже испытывал, что для него закон—плеть. сплетенная буржуазией, и рабочий, когда необходимость не заставляет его подчиняться закону, игнорирует последний.

Какие есть основания у пролетария не воровать? Очень красиво и очень приятно звучит для слуха буржуазии, когда говорят о «святости собственности». Но для того, кто ее не имеет, само собой, не существует и святости собственности. Богом этого мира являются деньги. Буржуа отнимает у пролетария деньги и превращает его таким образом в атеиста-практика. Неудивительно, что пролетарий обнаруживает свой атеизм, что он не признает святости и могущества земного бога. Когда бедность пролетария достигает степени настоящей нужды в самых необходимых средствах к жизни, степени нищеты и голода, уважение к общественному порядку еще более падает.

Ф. ЭНГЕЛЬС

Н. Бухарин

ЧТО ТАКОЕ СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ

Социальные нормы и их сущность.

Из того, что люди и в обществе, как целом, и в отдельных своих частях находятся в положении или прямой борьбы, или неполного единства, вытекает общественная необходимость социальных норм (правил поведения). Сюда относятся обычай, нравственность, право и целый ряд разнообразных других норм («правила приличия», «этикет», «церемонии» и проч.; с другой стороны, уставы различных обществ, организаций, корпораций и так далее). Что является причиной их роста? Да не что иное, как рост жизненных противоречий в разросшемся и усложненном до крайности обществе. Наиболее резкое противоречие—это противоречие между классами. Поэтому оно и «требует» наиболее мощного регулятора, подавляющего до поры до времени это противоречие; таким регулятором является государственная власть и ее распоряжения, так называемые нормы права. Но есть еще ряд производных противоречий и между классами, и внутри классов, и внутри профессий, групп, об'единений и всевозможных рязрядов людей вообще. Каждый человек, вне зависимости от его классового положения, приходит в соприкосновение с всевозможнейшими людьми, подвергается обстрелу со стороны громаднейшего количества влияний, которые перекрещиваются по самым разнообразным направлениям; он бывает в различных положениях, которые быстро меняются, чередуются одно за другим, исчезают и вновь появляются. Противоречия здесь на каждом шагу. А общество все же существует, и в нем существуют различные группы, которые обладают как-никак относительно прочным характером. Капиталисты, владельцы предприятий, торговцы, купцы выступают на рынке, как конкуренты; а тем не менее они в одном и том же государстве не лезут с ножом друг против друга, и их класс не распадается оттого, что его члены ведут конкурентную борьбу. Покупатели и продавцы заинтересованы

в совершенно противоположных вещах. Однако, дело вовсе не доходит каждый раз до драк. Среди рабочих есть и безработные, которых во время стачки капиталисты не прочь подкупить. Но не всякого удается подкупить, и классовая спайка среди рабочих побеждает. Как же это возможно? Эта возможность облегчается именно благодаря существованию разнообразных добавочных норм, кроме права. Эти добавочные нормы (правила поведения) внедряются в самые головы людей, действуют, так сказать, извнутри, представляются людям священными по своей природе и выполняются ими, как говорят, «по совести», а не страха ради иудейска. Таковы, например, правила морали, которые в товарном обществе представляются вечными, незыблемыми и священными, светящимися каким-то внутренним светом и обязательными для каждого порядочного человека. Таков обычай, «заветы предков». Таковы правила «приличия», «вежливости» и проч.

Нормы определяются экономическими условиями общества.

Однако, несмотря на всю кажущуюся «надземность» этих священных правил, не трудно прощупать их земные корешки, в какой бы богобоязненный трепет ни приходили от этого их беспрекословные почитатели. При рассмотрении их мы прежде всего натыкаемся на два основных факта: во-первых, на изменчивость этих правил; во-вторых, на их связь с классом, группой, профессией и т. д. А обнаружив эти факты, мы, углубившись еще немного, увидим, что они тоже, в конечном счете, зависят от развития производственных сил. В общем и целом можно сказать, что эти правила намечают линию поведения, при которой сохраняется данное общество или класс, или группа, где минутные интересы отдельного человека подчиняются интересам группы. Эти нормы суть таким образом условия равновесия, сдерживающие внутренние противоречия людских систем. Понятно, почему они неизбежно должны оказаться более или менее согласованными с экономическим строем общества. Поставим лишь такой вопрос: если общество существует, может ли быть так, чтобы система его господствующих обычаев и господствующей морали долгое время противоречила его основному, т. е. экономическому строению. Ответ ясен: конечно, это состояние, как длительное состояние, невозможно. Если бы все обычаи и мораль, господствующие в обществе, были в резком противоречии с его экономическим строением, тогда налицо не оказалось бы одного из основных условий общественного равновесия. На самом деле и право, и обычаи, и мораль, господствующие в данном обществе, всегда приспособляются к экономическим отношениям, на их основе

вырастают, вместе с ними изменяются и исчезают. Представим себе такой пример: в капиталистическом обществе, как известно, господствует над вещами (средствами производства) капиталист. В законах капиталистического государства это выражается в так называемом праве частной собственности, которое защищается всем аппаратом государственной власти. Производственные отношения капиталистического общества называются на языке права (на «юридическом» языке) имущественными отношениями, и вот эти-то имущественные отношения и защищаются многочисленными законами. А могло бы быть так, чтобы в капиталистическом обществе правовые нормы (законы) не защищали имущественных отношений этого общества, а разрушали их? Конечно, это предположение нелепо. Но то же самое нужно сказать и о морали. «Моральное сознание» капиталистического общества отражает и выражает его материальное бытие. Возьмем хотя бы тот же пример с частной собственностью. Мораль гласит, что воровать нехорошо, что нужно быть добросовестным и чужого ни под каким видом не брать. Оно и понятно. Если бы, например, не было этой моральной узды, вкоренившейся в головы людей, тогда капиталистическое общество живо бы разложилось.

На это можно сказать следующее: вы говорите, что здесь все просто. Но вот, например, коммунисты не признают, что частная собственность священна, а тем не менее не отважатся сказать, что воровство—хорошая вещь. Значит, есть что-то такое, что священно для всех людей и что нельзя об'яснить земными причинами. Это возражение, однако, неправильно, хотя на первый взгляд как будто бы и убедительно. Суть дела вот в чем. Во-первых, коммунисты вовсе не за полную неприкосновеность частной собственности. Национализация предприятий—это экспроприация буржуазии. У нее берут «задарма». Рабочий класс берет здесь «чужое», нарушает право частной собственности, «деспотически вторгается в имущественные отношения» (Маркс). Во-вторых, коммунисты против воровства. Почему? Да потому, что если бы рабочий по отдельности брал в свою пользу у капиталистов, он не мог бы вести общей борьбы, а сам превращался бы в мещанина. Конокрады и домушники, хотя бы они происходили из самого чистого пролетариата, никогда не будут борцами за класс. Если бы многие из класса стали воровать, класс распался бы и был бы обессилен. Вот почему у коммунистов правило: не воруй, а то будешь негодяй. Это есть норма не охраны частной собственности, а средство поддержать в целости класс, предохранить его от «деморализации», распада, предостеречь его от неправильных путей, средство

направить людей из пролетариата по всем другим рельсам. Это есть классовая норма поведения пролетариата. Не нужно после этого уже особенно распространяться, что рассмотренные правила поведения определяются экономическими условиями общества.

Доказательства и примеры.

Конечно, пролетарские нормы поведения противоречат экономическим условиям капиталистического общества. Но мы говорили о господствующих нормах. Когда пролетарские правила поведения становятся господствующими, тогда—конец капитализму.

Чтобы пояснить сказанное, приведем ряд примеров. В половой области на определенной ступени развития, когда род держался на кровной связи, а люди другого рода (т. е. по сути дела другого общества) были врагами, не считался предосудительным брак между ближайшими родственниками; особенно священным считался брак с матерью и дочерью (напр., в древне-иранской религии).

Когда производительные силы были слабо развиты и для экономики общества было не по силам выдерживать лишний балласт, обычай и мораль считали нужным убивать стариков (об этом сообщают древние историки Геродот, Страбон и др.) Теми же причинами вызывался обычай (о нем сообщает Страбон), в силу которого старики добровольно умерщвляли себя ядом. Наоборот, когда эти старики играли роль в производстве или в управлении им, обычай повелевал их чтить. Сплоченность рода, его солидарность в борьбе с жестокими врагами выливалась в форму кровной мести, в чем принимали участие и женщины, Достаточно вспомнить образы Брунгильды или Гудрун из сказания о Нибелунгах; вот как характеризуется Гудрун (менее свирепая, чем Брунгильда):

За братьев мстила,
Собак спустила
И кровь излила
Концом меча.

Э. Мейер совершенно справедливо пишет: «По своему содержанию положения морали, обычая и права зависят от имеющегося в данное время социального строя и живущих в данном обществе воззрений... Поэтому они в разных обществах и в различные времена могут иметь диаметрально противоположный характер» (43). В древнем Китае огромное значение имела своеобразно-построенная феодальная государственаня власть, с большим строем чиновников различных степеней. Господство этого землевладельческо-

бюрократического слоя идеологически опиралось на учение Конфуция, состоявшее из систематизированных правил поведения.

Одним из важных пунктов этого морального учения было учение о почтительности и уважении к вышестоящим; «должно итти на то, чтобы переносить клевету, и даже итти под ее преследованиями на смерть, если это полезно для чести государя; можно (и должно) вообще верной службой выправить все ошибки государя, и в этом заключается хиао (почтительность)». Нарушение этого «хиао» является единственным грехом. Варвар тот, кто этого не понимает, кто поэтому не понимает «благопристойности» (основное понятие в учении Конфуция). Хиао упоминается и по отношению к родителям, учителям, начальникам в бюрократической иерархии и к должностным лицам. Дисциплина, вместе с почтительностью,—тоже одна из важнейших добродетелей. «Неподчинение хуже подлого образа мыслей». Обобщающая идея—идея данного порядка: «Лучше жить, как собака, но в мире, чем быть человеком, но в состоянии анархии»—говорит Чен-Ки-Тонг. «Как всякая бюрократическая мораль, и мораль конфуционизма отклоняла, конечно, участие чиновников в приобретательном труде... как деле, сомнительном этически и недостойном этого сословия». Друзей нужно выбирать себе только из равных по социальному положению; богатые лучше бедных, ибо могут выполнять все церемонии; народ—«глупый народ» в противоположность «джентльмену» (буквально: человеку-князю). Характерно то, что вся эта громадная система норм, поддерживавших феодально-дворянский строй, называлась хунг-фан, т. е. «великий план». Связь этого учения с устройством общества ясна, как на ладони. И все многочисленные «китайские церемонии» стояли на самом деле в связи с господствовавшими течениями мысли и служили сложной шелковой сеткой, опутывавшей общество и поддерживавшей соответствующий строй.

Или возьмем средневековых северно-французских рыцарей XII и XIII столетий. Они воспевали «прекрасных дам» и дрались «за них» на турнирах. Однако их «идеальные представления о чести и любви» носили форму «сословной чести». Главной ролью рыцарства в обществе была война и военные действия. Немудрено поэтому, что «нормы» способствовали выработке военного типа людей, замкнутых в особый класс: «рыцарь, который.... показал себя в споре трусом, изгонялся, бывал публично опозорен герольдом, проклят церковью; палач разбивал его

герб и оружие, щит привязывали к конскому хвосту...» и т. д. «Для упражнения в военном деле служили... турниры...»

С нарастанием капиталистических отношений меняются и господствующие нравы, мораль и проч. На месте расточительности становятся страсть к накоплению и сответствующие добродетели. «Не поведение феодального сеньора делает честь порядочному человеку, а то, что у него в порядке его хозяйство». «Нужно жить корректно... нужно воздерживаться от всяких излишеств, показываться только в порядочном обществе; нельзя быть пьяницей, игроком, охотником до женщин; нужно ходить к священной литургии и к воскресной проповеди; коротко говоря, нужно по отношению к внешнему миру быть хорошим «гражданином»—из интересов дела. Потому что каждая нравственная жизнь поднимает кредит».

Конечно, эта протестантски-ханжеская мораль уступила свое место другой, когда изменилось положение буржуазии и когда дела фирмы уже перестали зависеть от поведения ее владельца.

Показать изменчивость права в зависимости от экономического строя еще легче, ибо классовый характер законов виден везде и всюду. Но даже и такие неуловимые нормы, как мода, как это можно доказать, стоят в зависимости от общественных условий. У буржуа считается «непорядочным» быть неподходяще одетым: в этом его классовое отличие, по одежде он узнает «порядочных людей». Но и в революционной среде есть много похожего. Так, например, в революцию 1905 года была прямо партийная мода: социал-демократы ходили в черных рубашках (знак пролетариата), эс-эры предпочитали красные (революционное крестьянство); вряд ли нашлась бы дюжина интеллигентов в большом городе, участвовавших в революции и не носивших той или другой молчаливо признаваемой партийной формы.

Кроме классовой морали, есть еще подвиды ее: например, профессиональная мораль: такова профессиональная мораль врачей, юристов и проч. Сходными условиями вызывается и воровская мораль (своего не выдавай), которая очень строго соблюдается. Таким образом, все вышерассмотренные нормы являются скрепами, поддерживающими единство общества, класса, профессиональной группы и т. д.

Если идеолог конструирует нравственность и право не из действительных общественных отношений окружающих его людей, но из понятия или из так называемых простейших элементов «общества», то в таком случае, какой материал имеется для такого конструирования? Очевидно, двоякого рода: во-первых, скудные остатки реального содержания, которые еще могут заключаться в этих положенных в основание абстракциях, а во-вторых, то содержание, которое наш идеолог привносит из своего собственного сознания. Но что находит он в своем сознании? Большею частью нравственные правовые воззрения, которые более или менее точно выражают в положительной или отрицательной форме общественные и политические условия, среди которых он живет; далее, быть может, представления, заимствованные из соответствующей литературы и, наконец, весьма вероятно, и личные фантазии... Автор, воображая, что он составляет нравственное и правовое учение для всех миров и всех времен, на самом деле выработал теорию, представляющую собой оторванное от своей реальной почвы, искаженное, словно в вогнутом зеркале, изображение консервативных или революционных течений своего времени.

Ф. Энгельс—«Анти-Дюринг».

К. Каутский

КЛАССОВАЯ БОРЬБА И ЭТИКА

Классовое самосознание—это сознание солидарности всех пролетариев; распространять классовое самосознание—это значит распространять сознание обязанностей, которые имеет каждое отдельное лицо в отношении к своему классу, как целому. Неужели господа моралисты ничего не слышали о несказанных жертвах, которые проникнутый классовым сознанием пролетариат приносит не для «чисто своекорыстных и личных интересов», а для дела своего класса, не только своей страны, но всех культурных стран? Конечно, проникнутые классовым самосознанием пролетарии считают ниже своего достоинства вести мелочной торг своей этикой, но они голодают, терпят нужду, жертвуют своим ночным и воскресным отдыхом, отдают свои сбережения, свою свободу, а часто и здоровье не для себя, а для всех обездоленных и, прежде всего, для тех из них, которые не могут сами себе помочь.

Пролетарская классовая борьба и пролетарское классовое сознание являются, однако, этическими факторами высшего разряда не только потому, что они развивают в необычайно высокой степени чувство обязанности, чувство преданности отдельного лица общему делу всего класса.

Пролетариат, как низший слой общества, не может освободиться, не положивши конца всякому гнету, всякой эксплоатации. Поэтому проникнутый классовым сознанием пролетариат, там, где он стал силой, является защитником всех угнетенных, поскольку их интересы не становятся на пути общего социального развития угнетенных классов, угнетенных наций, угнетенного пола. Из этой его исторической роли вырастают для него обязанности, которые лежат вне его непосредственных классовых интересов. Но даже и этим не исчерпывается еще круг тех социальных обязанностей, которые берет на себя борющийся, проникнутый классовым сознанием пролетариат. Он не может освободить себя при сохранении

системы наемного труда. Его интересы требуют уничтожения существующей системы собственности и производства; он должен ставить себе высокую социальную цель, и он является в настоящее время единственным классом, который действительно ставит себе подобную цель. Он является единственным классом, который не ограничивается мелкой борьбой за интересы дня, но стремится к социальному идеалу; в этом смысле он является единственным классом, которому свойственны идеальные побуждения.

Из классовой борьбы пролетариата вырастает, таким образом, высочайшая моральная сила, беззаветное служение высокому идеалу, и революционная классовая борьба пролетариата является теперь почвой, на которой сходятся все способные к борьбе и жаждущие борьбы идеалисты и других классов, поскольку они еще имеются.

Чем революционнее, идеалистичнее пролетарская классовая борьба, чем резче она подчеркивает конечную цель, тем прочнее ее моральная сила, сила морального возрождения пролетариата. Тем самым облагораживается даже повседневная практическая мелкая деятельность пролетариата, которая, в противном случае, очень легко воспитала бы в нем склонность опуститься до морального уровня современного мещанина.

П. Лафарг

СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ГУМАННОСТЬ, ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Господствующий класс об'являет справедливым все то, что служит его экономическим и политическим интересам, а несправедливым—все, что им противоречит. Справедливости, как он ее понимает, приятно, когда удовлетворяются его классовые интересы. Справедливость идет, таким образом, на поводу у классовых интересов буржуазии, которая с бессознательной иронией представляет себе справедливость с повязкой на глазах,—без сомнения, чтобы помешать ей видеть, какие жалкие, низкие интересы она собою прикрывает.

Итак, феодальная и цеховая организация, преграждавшая буржуазии путь к политической власти и тормозившая ее развитие, была несправедлива. И поэтому она была разрушена имманентной справедливостью истории, ибо,—говорят моралисты,—справедливость не могла, сложа руки, смотреть на хищения баронов, которые знали одно только средство для округления своих владений и для наполнения своих денежных мешков. Но та же почтенная имманентная справедливость защищает своим броненосным кулаком те хищения, которые мирные буржуа совершают в варварских странах Азии, Африки, Океании, не рискуя даже при этом своей собственной шкурой. Впрочем, добродетельной даме не особенно нравится этот род хищений; во имя права она одобряет только экономическую кражу, ту кражу, которую буржуазия изо дня в день, без всякого насилия, практикует по отношению к наемному труду, и только ее она украшает всеми законными привилегиями. Экономическая кража до того соответствует темпераменту и характеру этой дамы, что она с готовностью принимает на себя обязанность сторожевой собаки при капиталистическом богатстве, которое ведь составляется из целого ряда столь же законных, сколь и справедливых краж.

Буржуазия, умеющая все устраивать себе на пользу, украшает свой специальный строй громким именем «цивилизация», а свойственный ей способ обращения с живыми существами—не менее громким именем «гуманность». Свои колониальные экспедиции она предпринимает лишь для того, чтобы просветить варварские народы духом цивилизации и улучшить жалкие условия их существования. И эта ее цивилизация и гуманность проявляются в форме отравления алкоголем, принудительного труда, ограбления и истребления туземцев. Но не следует думать, что она оказывает предпочтение варварам; нет, она осыпает благодеяниями своей цивилизации и гуманности также и рабочий класс в своей собственной стране. Мерой ее цивилизации и гуманности может служить та масса мужчин, женщин и детей, которые, не имея никакой собственности, осуждены на каторжный труд, днем и ночью, пока они не выброшены еще на улицу, и которые сотнями и тысячами падают жертвами алкоголизма, туберкулеза и рахита; мерой может также служить рост преступности, рост числа домов для умалишенных, развитие и усовершенствование пенитенционарной системы.

Никогда ни один господствующий класс не претендовал так сильно на приверженность к идеалам, ибо ни один господствующий класс в такой мере не нуждался в том, чтобы прикрывать свои поступки идеалистической болтовней. Это идеологическое шарлатанство является в руках буржуазии самым верным и действительным средством для сохранения ее политического и экономического господства. И однако это зияющее противоречие между словом и делом, которое может отрицать только слепой, не мешает историкам и философам считать идеи и принципы единственными двигателями истории живущих в буржуазном строе народов. Такое монументальное заблуждение историков и философов, — вполне искреннее, хотя оно и выходит за пределы дозволенного в интеллектуальном отношении,—служит неоспоримым доказательством громадного влияния идей и принципов и вместе с тем доказательством плутовства буржуазии, которая сумела так их культивировать и эксплоатировать, что они приносят ей солидный барыш.

Политическое предательство и экономический обман развертывают знамя идей и принципов.

П. Лепешинский

ЧТО ЕСТЬ НРАВСТВЕННОСТЬ?

(В вольно-дискуссионном клубе).

На этот раз гвоздем дискуссии стал вопрос, случайно возникший за столиком, вокруг которого расположилась небольшая компания клубных завсегдатаев: столяра Афанасьева (из кустарей)—человека строгого и умственного, молодого токаря по металлу—жизнерадостного Левко и «вечного студента» Махонина, насмешливого скептика с мефистофельской наружностью.

— Э-эх, ежели бы к этим бутербродам с селедочкой да еще и графинчик...—с вожделением промолвил Левко.—Внутри-то оно так бы и возликовало...

— Сочувствую...—тряхнул козлиной бородкой Махонин.

— Беспутный народ...—презрительно процедил сквозь зубы Афанасьев.

— Это почему такое? — бурно запротестовал Левко. — Аль скажешь: «безнравственно»?..

— Ну, разумеется, безнравственно...

— «Что есть нравственность?» сказал бы покойничек Пилат...—бросил как бы в пространство старый студент.

— Я тоже так думаю,—пылко подхватил Левко.—Всю эту самую мораль—«не прелюбы сотвори» да «не пожелай жены ближнего твоего» и прочее тому подобное—все это выдумали попы толстопузые, чтобы дураков-простаков морочить...

— Языком мелет, а без всякого, видно, понятия,—возмущается столяр.—Ну, соображаешь ли ты, что язык-то твой выкраивает, а?.. Ведь, ежели у тебя никакой нравственности нет, следовательно, ты есть человек безнравственный... Следовательно, тебя нужно за вихри, да и вон из общества...

И вот вокруг вопроса о нравственности возгорается шумный спор. К первоначальной тройке минут через пять примкнули уже дюжины две слушателей или активных участни-

ков дискуссии. Со всех сторон посылались реплики.

— Позвольте, позвольте... ведь это же очень даже просто: не делай другому того, чего себе не желаешь... Вот вам в двух словах вся основа общечеловеческой морали.

— Почему же отрицательный признак. Я могу знать, что я должен делать, а не то, чего мне не делать...

— Ну, конечно, делай для другого то, что хотел бы получить для себя...

— Гм... Я хотел бы, например, чтобы жена избавила меня от забот и хлопот по кухне... По вашему же выходит так, что по сему случаю я сам должен засучить рукава и мыть посуду для удовольствия своей дрожайшей половины...

— Ну да, разделите с ней неприятные заботы о кухне, и это будет вполне нравственно...

— А если я хочу, чтобы она родила мне сына?—ехидно скривил тонкие губы Махонин.—Что же, прикажете и мне держать курс на превращение себя в детородящую самку, нуждающуюся в повивальной бабке...

— Вы просто циник... Вместо серьезного возражения отливаете лишь пули... Воздержались бы лучше от таких пошлостей...

Дискуссия все более и более превращалась в галдеж, выходящий из каких бы то ни было рамок дискуссионной дисциплины. С каждой минутой назревала общественная потребность в установлении некоторого порядка, и когда кто-то выкинул лозунг «пора в большой зал», все охотно подчинились этому призывному кличу.

Иван Иванович Иванов занял свое обычное председательское место и спокойным тоном возвестил, что предметом дискуссии является вопрос о проблеме нравственности. Просмотрев список записавшихся ораторов, он предоставил первое слово худенькому человечку с глубокими ввалившимися глазами, Петру Невзначаеву.

— Вопросы морали, — начал издалека Невзначаев, — так же древни, как и человечество. Мы знаем мораль дикаря, ту самую мораль, которую и посейчас исповедуют готтентоты: добро — это, когда я твою жену с'ем, и зло—если ты мою жену с'ешь... Но люди далеко ушли от первобытного состояния и вместе с развитием их сознания, их правосознания, культуры, религиозных верований, одним словом, всего того, что отличает человека и человеческое общество от мира животных (голос из аудитории: «а в том числе и от муравьев»)... Ну да, и муравьев... Ибо только в баснях Крылова и Лафонтена муравей мыслит и рассуждает, как человек... Так вот, по мере развития человеческой мысли, растет в людях и чувство долга — нравственное, так сказать, начало.

Хотя в наше упадочное время некоторые легкомысленные и не очень вдумчивые индивидуумы хвастливо заявляют, что они свободны от всякого нравственного принудительного закона, что они аморальны. Это, однако, вздор и пустое бахвальство якобы свободою их якобы независимого от стеснительных принципов морали духа...

— Эге-ге... В чей же это огород камешки-то?..

— В ваш, милейший Махонин, именно, прежде всего, в ваш...

— Ну-ну, зажаривайте... Не стесняйтесь, пожалуйста...

— Повторяю, что как бы ни атрофировалось чувство нравственности в человеке, как бы ни притупилась в нем идея долга, как бы ни заглохла совесть, а все-таки с его стороны очень легкомысленно думать, что он стал выше всякой человеческой этики, выше того нравственного закона, который является для человеческой личности основной предпосылкой ее духовного бытия и который повелительно диктует этой личности формы и сущность ее поведения, ее волевой актуальности.

— Ну, теперь сел на своего конька... пошел-поехал прямо по Канту.

— И горжусь, что по Канту... И не боюсь признать открыто, что кантовская этика, синтетически соединившая все то, что есть здорового в материализме с глубочайшими началами идеализма, стоит на недосягаемой высоте. Ведь в чем тут суть? Есть два мира: мир вещей, то-есть об'ективно существующий мир сам по себе, и есть познающее этот мир человеческое «я», которое в процессе своего самопознания не может не признать своей особой природы, своего, так сказать, родства с миром иного происхождения, с миром потусторонним, сверхчувственным или, как говорят философы, трансцендентным...

— Знаем, знаем... врожденные идеи... Идеальные понятия пространства и времени...

— Ну да, совершенно правильно изволили заметить.. Познание невозможно без врожденных идей пространства и времени. Таким же наперед данным, внушенным, так сказать, повелительным требованием для личности является и основной закон нравственности или, как выражается Кант, «закон чистого практического разума»: «Поступай так, чтобы правила, руководящие твоей волей, могли всегда стать принципом всеобщего законодательства»...

— Все это старо и общеизвестно... Скажите что-нибудь посвежее...

— Прошу не перебивать оратора.

— Да чего там не перебивать... Будет с нас, довольно!..

— В таком случае я должен спросить у собрания: кто за прекращение речи Невзначаева... Раз, два, три... десять... двадцать... большинство. В таком случае, слово предоставляется следующему оратору: Махонину.

— Уважаемые граждане, — пощипывая бородку, бойко повел свою речь Махонин. — Не знаю, как вам, но мне казалось, на протяжении всей речи достопочтенного кантианца, только что сошедшего с этой кафедры, что под его предводительством мы совершили экскурсию в затхлые погреба того дуалистического идеализма, который был огромным шагом назад по сравнению даже с материализмом французских энциклопедистов.

— Нельзя ли поменьше этой самой тарабарщины: дуэлизмы разные... цикл... циклопедисты... Тьфу, не выговоришь даже...—отозвался с места столяр.

— К сведению специально Афанасьева поясняю: дуализм означет признание двух несовместимых между собой сущностей—в данном случае мира материального и духовного...

Итак, перед нами только что были воскрешены, подобно ожившему вдруг трупу смердящему евангельского Лазаря, кантовские категорические императивы... В скобках, к сведению Афанасьева отмечаю, что под категорическими императивами нужно понимать безусловные веления того нравственного закона, который свалился на человечество откуда-то из потустороннего, метафизического, т. е. невещественного, сверх'естественного мира и который, по мнению Канта, выявляется через «свободную» волю человеческой личности.

Теперь, пожалуй, редко сыщешь кого, кто не знал бы, что воля человеческая не свободна, что она «детерминирована», т. е. ограничена естественными законами природы, предопределяющими и обусловливающими жизнь всего как органического, так и неорганического мира вещей (а кроме мира вещей, то-есть познаваемого нами физического мира, никаких других сверхфизических миров мы не знаем).

Но, скажут, есть все-таки какие-то этические предпосылки для волевых действий человека... И пусть эти предпосылки не небесного, а земного происхождения, а все-таки, разве нельзя их назвать в известном смысле нравственным законом жизни?

Отвечаю: да, есть одна такая предпосылка, и эта предпосылка есть не что иное, как способность человека (впрочем, не только человека, но и всякого, стоящего на известной

ступени развития, животного) различать, что для его «я» является благом и что ему противно и неприятно, как источник более или менее отрицательных состояний его психики или его физиологической природы.

— Мораль готтентота...—выкрикнул Невзначаев.

— Это основа морали и готтентота, и даже высоконравственного Невзначаева. Кстати сказать, нет ли у вас, товарищ Невзначаев, папиросочки?.. А-а... как вы любезны, благодарю вас... И уж кстати, позвольте мне воспользоваться этим эпизодом для иллюстрации моей мысли. Вот, например, все присутствующие были сейчас свидетелями маленького, но все же как будто очевидного проявления альтруизма. Руководимый чувством товарищества или каким-нибудь иным столь же хорошим побуждением, вы, т. Невзначаев, не отказали мне, другому «я», в папироске. То, что я для своего личного удовольствия выклянчил у вас сие «благо»—это может вам показаться явлением совершенно не того нравственного порядка, который лежит в основе вашего поступка, имевшего целью предоставить «благо» другому лицу. А между тем, мотивы и моего, и вашего волеиз'явления совершенно одни и те же. Я х о т е л выкурить папироску, а вы в свою очередь з а х о т е л и в силу тех или иных тоже личных соображений и побуждений не отказать мне в моей просьбе. И даже если бы я не сказал вам за это спасибо, — а я, насколько помню, захотел сказать и сказал вам таковое,— то не находите ли вы, что и в таком случае мы были бы с вами квиты. Каждый из нас не вышел, да и не мог выйти (все равно, как не мог бы поднять самого себя за волосы на аршин от земли), не мог, говорю, выйти за пределы более чем естественного и ничем другим логически незаменимого эгоизма.

Эгоизм есть альфа и омега всей этики. Без сознания того, что для моего «я» полезно, что ему нужно, и без свободы выбора, без способности различения блага от неблага, или большего блага от меньшего, или еще более мучительного, более неприятного состояния моего «я» от меньшего зла — ни о каком нравственном начале в области моих реакций на внешний мир не могло бы быть и речи.

— Ко мне поступило заявление ускорить продвижение очереди записавшихся ораторов,—воспользовавшись паузой в речи Махонина, сказал председатель.

— Кто за то, чтобы дать слово следующему оратору? Явное большинство. Слово принадлежит т. Петрониеву.

— Я не буду долго задерживать вашего благосклонного внимания и удовлетворюсь тем, что позволю себе внести одну

только поправку в концепцию моего друга и единомышленника т. Махонина. Он совершенно правильно исходит из материалистической точки зрения: идеалистический подход к обоснованию этической природы человека—плод величайшего недомыслия. Но он, как мне кажется, узко трактует вопрос, когда во главе угла своих рассуждений о происхождении морали ставит принцип пользы, т. е. так называемый утилитарный взгляд. От этого принципа—да не посетует на меня т. Махонин—пахнет все-таки мещанством, каким-то меркантилизмом... Высшее начало жизни заключается в том, чтобы не урезывать скудное сегодня в пользу ближайшего или отдаленного воскресного обеда из трех блюд, а наслаждаться жизнью в меру всех возможностей и сегодня, и завтра, и всегда... Если все люди поставят перед собою цель достижения высших форм наслаждения, то уж поверьте, вся жизнь наша разукрасится розами... Сколько отпадет тогда глупых предрассудков, сколько отойдет в область прошлого ненужных страданий... Вот передо мною цветущая и прекрасная, как майская роза, девушка. Я полон сил, здоровья и желаний...

— Не хочу учиться, хочу жениться...

— Не мешайте, Махонин, прошу вас... Я говорю девушке: «Иди ко мне... Ты так же мне нужна, как и я тебе»... Я вижу в ее глазах огонь желаний... Но она, глупенькая, боится счастья... Папа-мама не велит, боженька разгневается, люди осмеют и осудят, как бесстыжую и порочную... Она бежит от меня... О, глупая кретинка...

— Это за что же так? За то только, что сорвалось... а?..

— Иван Иванович, призовите к порядку и скажите, чтобы не мешали... Ну, конечно, кретинка... И меня больно ударила по нервам, и сама, дура этакая, уткнувшись в подушку, будет поливать ее бесполезными и никому ненужными слезами.

Или вот еще пример. Передо мной божественный нектар. Благородный, искрящийся, янтарный напиток, от которого кровь играет по жилам и дух переполняется радостями жизни... И отчего бы, кажется, не того...

— Не нализаться до положения риз...

— Отчего бы не прикоснуться алчущими устами к наполненному до краев хрустальному бокалу... Нет, стой, не смей!.. Пьянство, дескать, порок... Да ведь порок или то, что вы, милые моралисты, называете этим именем, очень часто и есть высочайшая форма наслаждения, т. е. максимум человеческой нравственности... Панглос был прав, когда считал наш мир лучшим из миров. Но мир пока еще прекрасен лишь

в потенции. Люди еще не сумели превратить его в рай, потому что многовековая, продолжающаяся миллионы лет, жестокая борьба за существование провела в их психике такой след, от которого они не скоро еще отделаются. Что за глупый, идиотский предрассудок—борьба с грешной плотью во имя божественного «бессмертного» духа. Для меня, если и есть что-либо божественное, если я и признаю каких-нибудь богов, то разве лишь древнегреческого Вакха, прекрасную Венеру и еще, если хотите, Великого Пана...

— Вы кончили?..

— Да, пожалуй... самое существенное я успел сказать.

— Товарищ председатель... Можно задать один вопрос?..

— Запишитесь, т. Афанасьев, в очередь и тогда говорите сколько вам угодно...

— Нет, я по-ученому говорить не умею, а только прошу слова для вопроса.

— Просим, просим, — одобрительно отозвалась аудитория.

Тов. Афанасьев крякнул и обратился с вопросом к только что говорившему оратору.

— А дозвольте поинтересоваться... Вот вы все говорите про счастливых людей... Она вот, борьба-то за существование, когда один, можно сказать, старается спихнуть в яму другого—это все для вашего счастливого мира не подходит... Ну, а ежели счастливых-то людей в земном рае расплодится очень уж много... так что не токмо что сладкого пирожного, а и хлеба станет маловато... Как в таком разе быть? Ведь, пожалуй, и в раю-то начнется скрежет зубовный. И в раю люди начнут хватать друг друга за глотку...

А потом—еще вот... Венеру, вы говорите, обожаете... А венерические болезни?.. Как у вас насчет этого?..

Раздался дружный смех в зале.

— Отвечаю по пунктам,—нисколько не смутился Петрониев.—Если для счастья людей будет большой угрозой их плодовитость, способность к быстрому размножению, то им очень легко будет принять против этого зла свои меры...

— Не аборт ли?..

— Или предохранительные средства?..

— И то, и другое... Да и формы эротического наслаждения станут, быть может, иными, не обращающими женщину... по крайней мере чаще, чем это нужно... в родящую самку... Наконец, и самая смерть для человека, превыше всего ставящего наслаждения, будет приятным моментом перехода в нирвану... Нужно только уметь со вкусом умереть... Ну, например, с перерезанной веной—в этакой теплой душистой

ванне... с последним сладким поцелуем в алые уста прекрасной девушки... под звуки раздающихся кругом симфоний...

А что касается тех болезней, которые в представлении т. Афанасьева связываются с именем Венеры, то я должен сказать, что они, эти болезни, являются спутниками вашего, уважаемый товарищ, высоконравственного мира. Они преследуют грозными призраками тех, которые считают грешную землю юдолью скорби и плача, молятся, постятся и спеленывают свой ум, свою душу всякого рода строгой моралью,—той самой моралью, под сенью которой и расцветает пышно проституция, а вместе с этой последней сифилис и тому подобные прелести...

— Вишь ты, как отбрехался,—удивился столяр.

— Слово предоставляется тов. Минорному.

Выскочил какой-то унылый человек и застонал плачущим голосом...

— Я не согласен с предыдущим оратором и исповедую другой принцип морали. Истинным и единственным источником нравственного состояния человека является не наслаждение, а страдание.

Разве чаша жизни, из которой человечество пьет тысячи и миллионы лет, не полна до краев горьким напитком вековечных мук и страданий? Разве душа человека не томится постоянными страхами опасностей и смерти, не вянет от тоски по несбыточным идеалам?.. И разве бывает на свете чистое удовольствие, не отравленное мыслью о готовящейся за него расплате?.. Вслед за наслаждением идет, как неотступная его тень, пресыщение... Вот я достиг желаемого... Я хочу наслаждаться. Но судьба уже зло смеется надо мною и похищает у меня то, что стало для меня дорогим, и рвет мое сердце на части... А когда я смело бросаюсь в пучину страданий, у меня появляется надежда, что вслед за полосой мук будет лучше. Я живу этой надеждой и даже... и даже познаю иногда как будто то, что называется призраком счастья...

Вот я сыт по горло. Но ведь сколько голодных, алчных глаз глядят на меня .. Я и предпочитаю уйти из стана сытых, уйти туда, где голод и смерть... Я тоже щелкаю от голода зубами, но зато я приобрел право смотреть вызывающими, дерзкими глазами на людей с сытым брюхом и бросать им в лицо свой недобрый смех, и проклинать их, и угрожать им своим кулаком... Вот я здоров и окружаю себя десятками докторов... Но вечный, подлый ужас смерти, от которой в конце концов не спасут никакие доктора, делают мою жизнь страшной, невыносимой. А когда я сам решительной поступью иду навстречу смерти, я уже не боюсь ее, я больше не раб ее

и готов покрыть вселенную криками своего восторга... Вот я у власти. Меня охраняют сотни штыков от моих врагов, от козней тех, что стоят ко мне в оппозиции... Но я ежечасно, ежеминутно дрожу за крутой поворот в моей судьбе и смертельно боюсь падения с высоты вниз.

А когда я сам нахожусь в оппозиции к тому, который мнит себя моим властелином, я, правда, чувствую себя непривилегированным, я голоден, наг, и, быть может, буду ввержен в узилище, но зато я испытываю радость свободы от страха за завтрашний день, я сохраню за собой право критиковать моего властелина, я революционен и в своем роде счастлив...

Лучше быть жертвою, чем палачом... Страдание возвышает, наслаждение развращает и принижает. Страдание есть начало, которое сулит лучшее завтра, а удовольствие—это конец, увядание и тоска по минувшему. Страдание двигает человека на борьбу (а движение и жизнь суть синонимы), наслаждение же—это покой, сон, смерть. Страдание... впрочем, я кончил.

— В таком случае слово принадлежит т. Григорьеву.

— Да я, пожалуй, не скажу вам ничего интересного... От слова отказываюсь...

— Почему же?..—иронически отозвался Махонин.— А вы бы нам зажарили что-нибудь этакое... по части, например, непротивления злу...

— Тов. Махонин интересуется моим образом мыслей... Ну, что ж... я удовлетворю его любопытство.

— Когда поднимают в наше время вопросы о морали и говорят превыспренним языком, мне сейчас же представляется картина... голодного вымирания миллионов людей. Как... Скажите, как это могло случиться, что здесь вот собрались сытые люди (а если кто и проголодался, то к его услугам имеются бутерброды с маслом, сыром и паюсной икрой), собрались и благодушно толкуют о том, как бы им обосновать и углубить нравственное начало жизни, а там... там одичалая мать кромсает ножом труп собственного ребенка и алчными глазами смотрит на огонь, где поджариваются куски мяса, только перед этим еще дышавшего угасающей жизнью и стонавшего: «мамочка, родимая... хлебца дай...»

Мне хотелось бы спросить т. Невзначаева: когда оттуда, из царства смерти и людоедства, долетает крик: «спасите... помогите!», что в это время говорит ему и другим таким же, как он, этот самый категорический императив, предвечный нравственный закон?

Разве он не требует властно от них: эй, люди добрые, стряхните с себя чары сна, освободите свое «я» из об'ятий того удава, что Равнодушием называется, и ради вас самих, ради спасения себя от суда истории, спешите, не медля ни единой минуты, остановить взмахи косы проклятой костлявой старухи, покрывшей уже чуть ли не половину территории огромной страны бесчисленным количеством свежих могил!

И т. Махонину мне хотелось бы задать вопрос: неужели он считает, что все в порядке вещей и все находится в полном согласии с теорией эгоизма и утилитаризма, когда сытый тщательно взвешивает, что ему нравственно выгоднее—дать или не дать, а пока он взвешивает сие, судороги мучительного голода погашают все новые и новые огоньки жизни?

— Да ведь это факт, и не моя в том вина, что он находится в полном согласии с той теорией, которую вы изволите не одобрять...

— А если так, то да будет он проклят — этот возмутительнейший факт, это позорнейшее свидетельство озверелости и очерствелости человеческой души... Но мы-то с вами зачем ищем для него научного (и притом — якобы научного) оправдания, зачем говорим этим торгашам: «о, не беспокойтесь... все люди в конечном счете эгоисты»? Зачем окончательно усыпляем такого рода подлыми теориями их и без того дремлющую совесть, а не клеймим презрением, не подхлестываем ее, не кричим ей: «не будь преступной, пробудись»?..

— Говорят, что Иерихонские стены пали от дружного крика воинственного Израиля, но я сумлеваюсь, чтоб...

— Что же касается эпикурейской философии наслаждения,—продолжал, не смущаясь выходками Махонина, Григорьев,—то мой обывательский ум решительно не в состоянии постичь всей ее глубины. Ну да, когда уже на свете не будет голодных, может быть, и позволительно было бы радостно ликовать: да здравствуют наслаждения, да здравствует вечное, незаходящее солнце сплошного счастья!.. Но ведь это все потом, когда-нибудь, еще очень не скоро... а теперь-то, в данный вот момент?.. Смогут ли заглушить сладкие симфонии райских напевов эту музыку из плача околевающих детей, из скрежета зубовного и из душу раздирающих стонов, несущихся из края в край по всей голодной стране?.

Не нравится мне и теория страданий т. Минорного. Во-первых, бутафорские они, эти его страдания... А во-вторых, не верю я тому, что он всерьез хочет пострадать... Ведь если бы хотел, то был бы теперь не здесь, где светло, уютно и где

бутербродами угощают, а там, где картина человеческих страданий каленым железом проходит по нервам. Идите на голод, т. Минорный, и там познайте, удовлетворительна ли ваша этическая система... А если вы будете страдать лишь в теории после сытного обеда, то это будет очень невинное страдание...

Но не в том дело, товарищи. Я раздражителен сейчас, но не хотел бы быть злым. Смотрите на меня, как на обывателя, но не злобно брюзжащего, а тоскующего и взыскующего общечеловеческой правды и доброты. Одичание и озверение стали законом бытия. Жизнь человеческая сейчас дешевле той свинцовой пули, которая должна угодить в голову или грудь классового врага, и это, быть может, скоро станет единственной гарантией того, что дальше известного предела число жертв, приставленных к стенке, не пойдет. Порвана великая нравственная связь между членами одной и той же человеческой семьи, между людьми-братьями...

А современная, например, литература, современная поэзия? Так и хочется сказать словами поэта: «где вы, певцы любви, свободы, мира и доблести? Век крови и меча...»

— Довольно, довольно!

— Просим продолжать!

— Да неужели же с вас недостаточно еще этой обывательской философии?..

— Успокойтесь, господа!.. Я сейчас голосну, и дело с концом...

Но в это время на кафедру вскочил какой-то юноша с огненными, кавказского типа, чертами лица и громовым голосом стал завоевывать себе право на внимание аудитории.

— Э-э... — развел руками председатель. — Кто вы такой?.. Ведь я вам не давал слова...

— Кто я?.. Я анархист, что всегда говорю с гордостью, не пряча в карман этого для многих страшного и неприятного слова. Почему не попросил у вас позволения говорить?.. Да потому, что не нуждаюсь в таком позволении. Это мое право — говорить что угодно, когда угодно и кому годно, все равно как тот, к кому я обращаю свою речь, имеет право меня слушать или не слушать.

— Но ведь и я как будто имею некоторые права... ну, например, хотя бы право председателя...

— Это меня не касается.

Иван Иванович беспомощно махнул рукой, а анархист начал «выкладываться» при одобрительных возгласах из публики: «просим, просим»...

— Анархизм не знает в своем лексиконе слова должен. Почему я должен подчиняться таким-то вот нравственным предписаниям, а не иным? Кто вправе мне диктовать законы нравственности? Религия, то-есть попы? Традиция, то-есть мертвая рутина, инерция обывательских привычек мысли? Или власть, то-есть государство, то-есть узурпаторы, монархи, олигархи и тому подобная мерзость? Мошенник судья?.. Или жрецы современной науки? Авторитеты семьи, рода, племени?.. Мы, анархисты, прежде всего воюем с принципом всякого рода авторитарности. Долой государство, попов, законоведов якобинцев и тех людей якобы науки, которые проповедывают принцип принудительности и придумывают те или иные высшие санкции для морали.

Говорят, что если над головой человека не будет висеть дамоклов меч расплаты перед тем или иным верховным существом (все равно, будет ли то поповский бог, или кантовский потусторонний нравственный закон), то жизнь людей станет под знак нравственного и социального разложения... А мы вместе с Фурье говорим, что если не дать полной свободы проявлению страстей, то они выродятся в равное им количество пороков.

Человеку свойственно быть добродетельным в том смысле, что, будучи предоставлен самому себе, он инстинктивно стремится к анархизму, то-есть к принципу равенства, ибо анархизм и стремление к полному равенству людей в их общественных отношениях—это понятия разнозначащие... Если меня спросят, но почему же такого равенства нет на самом деле, нет ни в одной стране, то я отвечу: его нет, потому что попы одурачили людей, извратили их естественные понятия о добре и зле, сковали их ум призраком геенны огненной и внушили им идею власти над их бытием верховного существа. Его нет, потому что попам деятельно помогают пеленать человеческий мозг готовые к услугам всякого рода эксплоататоров представители реакционной философии и лже-науки. Его нет, потому что монарх, парламент, чиновники, судьи, а если угодно, то и вступивший на путь диктатуры пролетариат парализуют, ломают свободную волю человека и укладывают ее на прокрустово ложе своих политических и социальных экспериментов над человечеством... Но уничтожьте все эти аномалии общественной жизни, и вы будете свидетелями чудесного зрелища: все люди вдруг снова станут носителями естественного нравственного чувства, все пожелают установить принцип социального равенства, ибо для всех это будет самый выгодный закон... то бишь... не закон, а уклад человеческой жизни, что ли...

Если спросят: откуда же известно, что стремление к равенству присуще людям? Не отдают ли, мол, в этом анархисты дань тому самому мистицизму и идеализму, против которых они так воинственно ополчаются?.. Не является ли эта присущая человеку черта тем же самым кантовским категорическим императивом, но только иными словами выраженным?.. Отвечаю: отнюдь нет! Мистицизмом тут и не пахнет, и мы здесь, как, впрочем, и всегда, твердо стоим на почве научного материализма.

Сотни тысяч, а может быть, и миллионы лет воспитали в людях инстинкт сочувствия к себе подобным и чувство невольного уважения к свободе другого в интересах своей собственной свободы личного самоопределения. Это тот самый естественный инстинкт, который наука находит и у обезьян, и у муравьев, и у других животных, живущих обществами. Человек-дикарь, как ни бедна его культура, тем не менее гораздо ближе к тому продукту очень длинной эволюции, который условно можно назвать естественным, неизуродованным человеком, чем люди современного общества, основанного на рабстве, на эксплоатации, на принципе общественной дифференциации и крайнего неравенства. Но позднейшая форма социального развития, то-есть пришедшая на смену первобытному равенству и первобытному коммунизму, так называемая цивилизация, едва ли насчитывает себе десяток тысяч лет, а это ведь с точки зрения всей эволюции человеческого общества, начиная с появления петикантропа, один только миг... И разве последние пять или даже десять тысяч лет «цивилизованного» состояния людей могли оказать существенное влияние на коренное изменение природы человека, вырабатывавшейся на протяжении нескольких сот тысяч или миллионов лет ее постепенной эволюции? Путем приручения, скрещивания и разными другими искусственными приемами можно изменить как будто до неузнаваемости природу дикого голубя. Но предоставьте этого измененного голубя самому себе, и через несколько лет его потомство целиком восстановит свой прежний тип дикого голубя. Совершенно так же и человек: освободите его от оков рабства, от капитализма, от попов, от царей, от сатрапов, от судей, от формы государственной жизни, от всего того наносного, что вторглось в его жизнь, нарушив зоологическую правду его бытия, и его первое или второе поколение вернет себе ту простоту нравов, ту свободу и то равенство, которые были временно утеряны им, благодаря темным силам так называемой цивилизации...

Но как же освободится человечество от своих оков? Как и когда совершится это чудо?

Мы, анархисты, предусматриваем и этот вопрос и, не обинуясь, отвечаем: путем борьбы. Мы вовсе не стоим на точке зрения Толстого, которого совершенно напрасно ставят рядом с анархистами чистого типа; мы не думаем, что панацея освобождения человечества от нравственных болезней современной цивилизации заключается в непротивлении злу. Нет, мы признаем великое действенное начало борьбы и не считаем безнравственным убийство какого-нибудь мерзавца или целой кучки таковых. Если, например, хорошая динамитная бомбочка может порядочно наделать переполоху в обывательском курятнике мошенников и эксплоататоров, если она заставит сотни или тысячи окружающих двуногих задуматься над проблемами жизни и почуять в себе пробуждение тех сторон духа, из которых складывается анархизм, то да здравствует в таком случае и динамитная бомба!.. При этом не забывайте, что я последователен в своем нравственном принципе: и меня можете убить, если я изменил своему мировоззрению и стал в ряды обманщиков, сторонников проклятой Троицы в лице Закона, Религии и Власти, если обратился в эксплоататора и душителя свободы. Но это право убивать нужно себе завоевать, точно так же, как и право грабить, право воровать. Не всякий террорист имеет это право, и только последовательный, до фанатизма преданный своей идее анархист может рассчитывать на то, что его, быть может, будут проклинать, будут ненавидеть, но никто не откажет ему в своем уважении. Я говорю, конечно, не о формальном праве, а о логическом, о нравственном, о праве на самоуважение тех, с кем хочешь солидаризироваться. При этом, апеллируя к естественному здоровому инстинкту человека, излагая свой взгляд на сущность морали, мы никогда не забываем отрицать за нею всякого рода принудительность. Наш девиз— делай что хочешь и как хочешь. Но и я буду делать, что хочу.

Что же касается общества, то мы решительно не признаем за ним права наказания отдельных его членов за так называемые противообщественные поступки.

И вот отсюда сам собою вытекает взгляд на значение личности для дела прогресса. Общество не должно, не имеет права производить насилие над личностью, но не наоборот: личность вправе принимать все зависящие от нее меры, чтобы безжалостно разбивать данную общественную структуру или, если хотите, данное общество, построенное на рабстве, эксплоатации, лжи, лицемерии... Не человек для субботы, а суббота для человека. Не личность для общества, а общество для

личности, и притом общество из личностей, свободно кооперирующихся и не производящих насилия над волею один другого.

А если это так, то отсюда вытекает наша высокая оценка роли личности в истории. Люди с необычайным мужеством и самоотвержением являются подлинными творцами новой науки, новых форм жизни, новой морали, одним словом, они именно и являются движущими силами прогресса...

— Поступило предложение о прекращении прений.

— Извините... но когда я кончу, а это от меня зависит поставить точку в своей речи или продолжать, тогда вы можете пустить в ход свою предательскую гильотину. А пока что продолжаю. Итак...

—Но ведь это же своеволие... Это, чорт возьми, какой-то анархизм.

— Благодарю за комплимент. Именно так, это анархизм. Итак, продолжаю. Равенство и свобода—вот истинная основа человеческой морали. Я кончил. (Смех. Оратор под громкие рукоплескания сходит с трибуны).

— Будем мы приглашать кого-нибудь для заключительного слова?

— Да, да!.. Просим Григорьева...

— Не надо Григорьева... Дайте слово тов. Федорову...

— Григорьеву слово, Григорьеву...

— Федорову, Федорову...

Поднялся шум. Едва-едва председателю удалось успокоить расходившиеся страсти и выявить путем голосования, что большинство все-таки желает послушать Федорова.

На трибуну вышел Федоров и, начав тихо и медленно свою речь, он постепенно стал ускорять ее темп, властно овладевая вниманием всей аудитории.

— К вопросу, который стал центром внимания присутствующих, как и ко всякой другой проблеме человеческой жизни, может быть двоякий подход: научный и обывательский. Нельзя сказать, чтобы все говорившие здесь ораторы обнаружили истинно-научное глубокомыслие, трактуя каждый по-своему проблему этики, но в наибольшей мере и, повидимому, по совершенно сознательному выбору, стал на точку зрения обывателя т. Григорьев. С него я и начну.

Обывательские рассуждения, так называемый здравый смысл, голос непосредственного чувства и тому подобные выявления средней арифметической интеллекта двуногих, имя которым легион, — все это очень хорошие вещи, если только они не претенциозны и уместны. И в самом деле, мы охотно смеемся с Крыловым над тем чудаком, который раз-

водил философию о веревке вместе того, чтобы поспешить с помощью ее выкарабкаться из ямы. И когда т. Григорьев зло посмеивается над философией наивного эпикуреизма или гедонизма (а под этим словом разумеют учение о наслаждении, как высшей цели жизни), когда он, в противовес смакованиям нашей дискуссионной сирены, вздыхавшей тут о красивых девах и о шипучих винах, напомнил об ужасах голода,—все это очень хорошо, очень кстати! Когда он иронизирует над теорией пользы Махонина, ставя ее лицом к лицу все с той же самой картиной неслыханных бедствий в царстве голода, ну и это на здоровьице. Когда, наконец, он выражает сомнение насчет искренности тяготения к страданиям т. Минорного, и тут я готов рукоплескать ему; словом, в роли агитатора, тревожащего нашу совесть и указующего перстом туда, куда действительно должны быть направлены сейчас все силы общества, на борьбу с страшной стихией мучительной смерти, одичания и вырождения населения, он положительно великолепен. В этом отношении нечего бояться излишней крикливости и сгущения красок. Хуже того, что дает подлинная жизнь, пожалуй, и не придумаешь. Поэтому, кому бы ни принадлежал этот громовый, бьющий по нервам голос, не дающий нам забыть о том, что по соседству от нас—царство сплошного безумия, где людоедство становится бытовым явлением жизни,—будет ли нам об этом жужжать в уши моралист, христианский аскет или просто человек с чувствительным добрым сердцем, все равно этот голос во всякое время и везде сейчас уместен, лишь бы только он не звучал фальшивыми нотками, лишь бы только не возбуждал подозрения насчет некоторой посторонней, непосредственно к голоду не относящейся, спекуляции на больные вопросы нашей совести.

Ну, а если обывательская критика со своим критерием «здравого смысла» и непосредственного благодушия залезет в область вопросов несколько иного порядка, в область проблем жизни, требующих применения научно-диалектических методов мышления?.. О, тогда получается жалкая или смехотворная картина.

«Не хочу,—пищит обыватель,—классовой борьбы»...

Гм... и трясогузочка, отмахиваясь ножками, протестовала: нету моего согласия на то, чтобы надвинулась гадкая черная туча с ее молниями и проливным дождем...

Но черная туча не слышит гневного писка трясогузочки и идет себе своим путем. И классовая борьба не считается с «криком сердца» обывателя и развертывается в огромную картину зарождения новых форм социальной жизни. Обыва-

тель, чувствуя свою беспомощность и не веря в силу своих заклинаний против эксцессов классовой борьбы, ударяется, наконец, в самое бесплодное и до последней степени смешное занятие: он начинает вслух мечтать о втором пришествии мессии, о чудесном сошествии Любви, прописанной большими буквами, о новом пророке, проповедующем альтруизм и т. п. Да зачем же понадобился ему этот новый пророк? Или в том, что сказано на темы о любви к ближнему и о всеобщем братстве прежними пророками, древними и новейшими мудрецами, что-нибудь осталось еще недоговоренным, требующим новых пояснений? Ведь все формулы альтруизма были уже брошены в обращение среди людей две тысячи лет тому назад, и разве требуется их снова открывать, извлекать из-под мусора обломков христианской культуры?.. Ну, если на то уж пошло, перепечатайте и распространите евангелие, реставрированное Львом Толстым, вот у вас и будет самый чистый кодекс альтруистической этики...

Но обыватель, видимо, не верит больше в силу душеспасительного слова, исходящего из таких уже скомпрометированных источников морали, как христианство, хотя бы даже и очищенное от позднейших наслоений, и жадными глазами ищет вокруг себя пророка, который потушил бы бушующее сейчас пламя классовой борьбы и водворил бы в человецех мир и благоволение силою своего гипноза на массы или своего нравственного авторитета.

А так как здравый смысл обывателя подсказывает ему несбыточность химеры по части появления какого-нибудь нового Христа, то обыватель начинает хватать за полы современных «властителей дум» или проще—политических вождей тех или иных классов общества. «Дяденька,—пристает он,—скажи им, чтобы они перестали драться и отрезывать уши и носы друг другу. Дяденька, спрячь свою холодную и трезвую политику в карман и превратись хоть на короткое время в проповедника любви... Ведь ты популярен среди масс, и они тебя послушают. Скажи им, что люди—братья, и должны облобызать друг друга, а не душить один другого»...

О, простодушный обыватель! Он никак не может понять, что если все люди и братья, то ведь и Каин с Авелем тоже были братьями... Классовая борьба—это сущность и основа современных социальных отношений... Не Маркс, не Энгельс и не Ленин посеяли классовую рознь в человечестве, но они осознали этот закон жизни, изучили его и в результате этого изучения правильно поставили проблему о прекращении классовой борьбы после того, как класс эксплоатируемый

сбросит с себя, путем жесточайшей борьбы, иго класса эксплоататоров, уничтожит частную собственность на средства производства и таким образом в дальнейшем устранит основные условия социального неравенства, ведущие к порабощению и закабалению трудящихся кучкою паразитов. Но изжить классовую борьбу возможно только путем революционного напряжения сил со стороны того класса, которого история назначила быть могильщиком его классового врага. Быть может, т. Григорьев не разделяет этой теории и скажет, что по этому поводу он мог бы поспорить... О, это было бы очень хорошо, потому что из столкновения мнений рождается истина. Но в таком случае давайте действительно спорить, давайте забираться в гущу вопросов социологии, политической экономии и даже той самой политики, которая своей трезвостью и отсутствием сентиментализма возбуждает негодование т. Григорьева, давайте оперировать данными науки, а не поверхностными выводами здравого смысла и его плоской морали, давайте, словом, возвышаться над уровнем обывательской философии...

А если вы, милейший обыватель, научной точки зрения вместить никак не можете, то не умничайте, не касайтесь проблемы высшего порядка, не становитесь в позу разрушителя теорий с помощью своих упрощенных методов мысли, а говорите и поступайте просто, как вам подсказывают ваши непосредственные интересы.

Это не беда, что обыватель далеко не всегда сознает классовый характер этих своих интересов и воображает, что его устами говорит общечеловеческая истина или общечеловеческий интерес... Очень часто его личный интерес действительно совпадает с интересом широких масс, но никогда, в классовом обществе, не с интересами всех общественных групп. Примером может служить хотя бы тот же факт голода: французский, напр., капиталист, французский рантье и даже очень часто наш отечественный спекулянт вовсе не склонны разделить настроение хорошего русского интеллигента Григорьева, который в унисон со всеми трудящимися массами, в унисон с пролетариатом всего мира, протестует всеми силами своей души против индиферентизма буржуазии в борьбе с этим чудовищем. Беда заключалась бы только в том, если бы обыватель стал путаться в ногах борющихся между собою не на жизнь, а на смерть классовых врагов, заклинать их богом живым—прекратить братоубийственную войну во имя предвечной Любви и братства народов, замедляя, таким образом, исход боя и, независимо от своих суб'ективных намерений, увеличивая количество человеческих страданий.

Не понимают природы и значения классовой борьбы и другие ораторы, здесь выступавшие. Я не буду много распространяться насчет тех этических взглядов, которые построены на откровенно-метафизической и идеалистической предпосылке, признающей существование какого-то высшего начала совершенно иной субстанции, чем материалистический мир вещей. Этот грубо-идеалистический предрассудок был давно уже предметом энергичных нападений на него со стороны французских просветителей—энциклопедистов XVII века, и со стороны английских эмпириков, и со стороны немецких материалистов половины прошлого столетия, не говоря уже, наконец, о представителях марксизма. И русская интеллигенция еще со времен Чернышевского, Писарева и вообще так называемых нигилистов, давным давно отвернулась от мистических бредней средневековой поповской метафизики, раскланялась, à la Белинский, перед идеалистической системой Гегеля, отвернулась от Канта и через Фейербаха, с одной стороны, через Фохта и Молешота, с другой, пришла к материалистическому миросозерцанию, остановившемуся, впрочем, до появления у нас марксизма, на полдороге.

И тут вот, и в этой аудитории достаточно было бы натравить на наших идеалистов, в роде кантианца Невзначаева и поборника теории страдний Минорного, злого на язык Махонина и бурного анархиста, чтобы от откровенных этих идеалистов, что называется, пух во все стороны полетел.

Большего внимания заслуживают взгляды выступавших здесь—не скажу материалистов, а скорее, «с позволения сказать материалистов»; заслуживают внимания хотя бы по одному тому, что имеют больше шансов прийтись по вкусу широких масс нашей «свободомыслящей» интеллигенции и ввести даже в соблазн некоторую часть пролетариата...

— Ой, батюшки-матушки... «Ребенка долго ли смутить»...

— Да, да, любезнейший Махонин, соблазнителей и развратителей у пролетариата еще много...

— К чорту опеку, к дьяволу всех воспитателей... Свободный пролетарий не нуждается в опекунах...

— Не горячитесь, уважаемый анархист... Мы с вами оба претендуем на воспитание пролетариата... С той только разницей, что я не спешу вас послать к чорту или к чортовой бабушке, а вскрою лишь буржуазную сущность ваших взглядов, чем и выполню на этот раз свою роль воспитателя...

— Кажется, я вас пошлю немножко еще дальше, чем к родственникам чорта... Я просто заставлю вас прикусить свой паршивый язык...

— Ай-ай-ай, как страшно!.. А любопытнее всего — как это великолепно вяжется с широковещательной проповедью анархистов насчет уважения к свободе личности... Личность, изволите видеть, может быть свободна, но только не на предмет свободной критики анархизма...

— Я испугался вашей критики?.. Да в своем ли вы уме?..

— Ага!.. Значит, мне разрешается пуститься на оный скользкий путь?.. В таком случае я спокойно продолжаю... Сначала все-таки скажу несколько слов по адресу Махонина.

Тов. Махонин совершенно по заслугам бичует метафизическую сущность кантианства. Но он все-таки не последовательный материалист. Его схема рассуждений такова. Воля человека определяется природой физиологических и интеллектуальных состояний ее носителя. Она представляет собою равнодействующую волевых импульсов данного «я», данного индивидуума и выражает собою акт хотения, его «свободного» выбора форм реакции этого «я» на внешний мир... В этом и заключается вся нехитрая теория эгоизма... Каждое, мол, «я» (или по-латыни «эго») обладает способностью различать, что для него есть «благо» и что «не благо», что, в конечном счете, полезно ему, как личности, и что неполезно (это и есть теория утилитаризма).

И вот, теория господ утилитаристов как раз ставит заключительную точку там, где начинается самое интересное. Утилитаризм не отвечает на вопрос: а что же заставляет «я» считать для себя полезным то, а не это? Откуда у него критерий полезности?—Человеку присуще стремление к благу,— отвечает на это утилитарист.—Погоня за высшими формами наслаждения,—углубляет мысль своего союзника гедонист... Ну хорошо, пусть так... А почему же у различных «я» получается разная оценка моральных ценностей? Почему один за «благо» считает то, что другой не склонен относить к числу благ?

— У каждого своя индивидуальность, т. Федоров!..

— Вот, вот... отлично сказано, т. Махонин... такова, мол, индивидуальность А, отличная от индивидуальности Б... И весь в этом секрет... Для т. Махонина индивидуумы существуют, как нечто данное, как исходная точка его этических построений. Он не задается вопросом насчет того, откуда же явилось индивидуальное «я», кто или что, напр., породило личность Махонина...

— Породила madame Махонина с помощью повивальной бабки Матрены Пафнутьевны...

— Великолепно... Значит, индивидуум Махонин не с неба свалился, а появился на свет при благосклонном участии

почтеннейшей Матрены Пафнутьевны, от которой, между прочим, зависело при выправлении его черепа, несколько изуродованного при акте рождения (очень частый обычай у российских повивальных бабок), в известной мере повлиять на его дальнейшее умственное и нравственное развитие...

— Ха-ха-ха... Это все равно, что гоголевского Тяпкина-Ляпкина... или как его там... в детстве мамка ушибла!..

— Да, да... может быть, и мамка, а впоследствии и нянька наложили свой отпечаток на личность будущего блестящего представителя утилитарной философии... Мало этого, впоследствии махонинское «я» стало предметом явных покушений на его «особность» со стороны учителей гимназий, в которой маленький Махонин успешно переходил из класса в класс, затем со стороны профессоров, его товарищей по университету, его сослуживцев, всей окружающей его социальной среды... Короче сказать, если до тонкости разобрать процесс складывания махонинского «эго», то....

— То от него останется один только «пар»... Одним словом, как на загадочной картинке: «где Махонин»?..

— Ну зачем же так, т. Махонин?.. Ведь мы с вами материалисты и не станем предполагать беспричинного уничтожения того сложного комплекса материальных элементов, из которых получился Махонин... Но от его теории относительно «особности» индивидуального махонинского «я», самопроизвольно возникшего и в силу присущих ему свойств самоопределившегося независимо от окружающей его среды—от этой теории останется, пожалуй, один только «пар»....

— Но откуда мне сие?.. Где и когда я говорил о самопроизвольном зарождении, о независимом самоопределении и тому подобную, приписываемую мне вами, чушь?..

— Отлично... Итак, согласимся, что ссылка на индивидуальные особенности людей, как на разложимую предпосылку и первопричину их нравственного бытия, является у т. Махонина плодом недоразумения... В таком случае, не будем покрываться пустопорожней формулой личного эгоизма или утилитаризма, избавляя себя от труда ответить на очень существенный и важный вопрос: что же должно быть положено в основу классификации человечества по признаку его идеологических, в частности, нравственных состояний?.. Если даже предположить, что тов. Махонин «утилитарист» по недоразумению, то не нужно забывать, что теория эгоизма порождена буржуазной идеологией отнюдь не по недоразумению...

Вспомните, например, Адама Смита. Основной предпосылкой всей ~~его~~ философской и социологической концепции

является идея присущего человеку эгоизма. Все различные «эго» в нравственном смысле равноценны, все стремятся к «благу», каждый при этом по своему. Отсюда проистекает столкновение интересов различных «я», в результате которого, путем «свободной» конкуренции в процессе производства и в процессе «свободного» обмена товарами на рынке, выявляется вся картина «нормального» развития капиталистических отношений. Одним словом, ночью все кошки серы... Но мы сейчас живем не в медовые месяцы развития буржуазно-либеральной философии, не во времена Адама Смита, а в конце периода буржуазного развития, и при свете марксизма имеем полную возможность различать всевозможные цвета и оттенки различных кошек современного социального строя. Поэтому теорию эгоизма и утилитаризма мы можем совершенно свободно сдать в архив идеологических пережитков.

Попробую теперь взять всерьез ту путаницу взглядов, которая так характерна для анархизма и которую с большим талантом продемонстрировал здесь представитель этого учения... если только, конечно, я не встречу чисто механических для этого препятствий...

— Можете быть на этот счет спокойны... Мне наплевать на вашу, с позволения сказать, критику...

— Благодарю вас, мой благородный противник. Кроме того, что я уже сказал по поводу теории Махонина, находящейся в родстве с этической теорией анархизма, мне остается прибавить еще следующее относительно этой последней.

Анархисты всуе считают свое мировоззрение материалистическим. Вы слышали, напр., здесь утверждение, что человеку свойственно быть от природы добродетельным. И действительно, без такого постулата, без такого утверждения нельзя было бы без риска окончательно запутаться в противоречиях, говорить о возвращении людей к естественному состоянию социального равенства при снятии с человечества того корсета, в который зашнуровала его подлая, лицемерная, лживая, и т. д., и т. д., цивилизация. А где же доказательства этой гипотезы? Откуда анархическая теория почерпнула сведения о «естественной», пе умирающей склонности человека к установлению социального равенства и к добродетельному поведению? «Миллионы лет естественной эволюции»... «первобытный коммунизм»... Гм... Гм... Как будто социальная картина жизни человечества в период его «цивилизованного» состояния не является естественным продолжением той самой многовековой эволюции, которая предшествовала ей, как будто она не последнее неразрывное звено в цепи последова-

тельных моментов развития общества, как будто злая и подлая цивилизация с ее попами, монархами и судьями ниспослана на человечество свыше, как моровая язва, за грехи людей...

А затем, откуда у анархистов, или, по крайней мере, у выступавшего здесь анархиста, явилось представление о добродетелях первобытного человека, о его склонности к установлению общественного равенства и т. п.? Да и что такое «первобытное общество»?.. Если говорить о том собирательном, что называется человечеством, то ведь это же чистейшая сказка, будто отдельные единицы этого собирательного целого в давно прошедшие времена обнаруживали тенденцию к мирному взаимному сожительству. Не нужно даже учиться в семинарии, чтобы иметь представление о бесконечных войнах, которые ведут между собою отдельные племена дикарей, при чем результаты победы сейчас же после боя реализуются у костров, на которых поджариваются лакомые куски от человеческого мяса.

Правда, в отдельных первобытных коммунах как будто иногда наблюдали (или, лучше сказать, гипотезировали) признаки социального равенства и отсутствие общественной дифференциации, но, во-первых, это всегда было (если только вообще было) равенством необычайной убогости жизни, равенством одинаковой для всех беспомощности в борьбе с природою, а во-вторых, такое равенство в первобытной коммуне является очень неустойчивым и сейчас же нарушается при первом появлении более или менее сложных орудий труда...

Или вот еще—великолепная идея насчет того, что общество не должно производить насилия над человеческой личностью... По этому поводу опять-таки повторю: «Нету моего согласия»,—пропищала трясогузочка, бросая вызов грозовой туче... Разве можно говорить—должно или не должно?.. В праве или не в праве?.. Личность находится во власти общества, и это факт... и никакими динамитными бомбочками этого факта не устранить и даже ни на иоту не изменить, все равно как поповскими заклинаниями не испугаешь жаркого солнца, иссушающего почву своими жгучими лучами, и алчную землю не напоишь благодетельным дождем.

«Но личность,—говорят анархисты,—может и должна изменить тот порядок вещей, при котором имеет место насилие общества над индивидуумами... Мужественная, высокоодаренная, высоконравственная личность может сделать чудеса, может стать основным фактором прогресса»... Н-да, старые-старые, давно уже знакомые нам россказни господ идеа-

листов о «героях», о демиургах истории и тому подобных продуктах «просияния» их ума...

Довольно-таки бесплодное это дело—по тому или иному поводу исчерпать всю глубину «научных» откровений в каком-нибудь варианте анархической «теории»... Одно только можно сказать: у всех анархистов, независимо от различия в оттенках их блуждающей по дебрям анархизма мысли—и у Прудона, и у Толстого (от которого, кстати сказать, напрасно открещивается наш общий приятель, выступавший здесь), и у Штирнера, и у Крапоткина, и у Бакунина—есть нечто общее в голосах, дающее им право составлять свой особый хор. Это общее—детски-наивный и совершенно идеалистический подход к об'яснению того сложного комплекса явлений, который называется человеческим обществом. В лучшем случае анархизму удается обосноваться на точке зрения французских просветителей XVIII века с их теорией эгоизма и атеизма... Но затем от этой точки они не делают ни шагу вперед. О социальных законах жизни, о классовом строении общества, о производственных факторах общественной эволюции, о материалистическом понимании истории—они ровно ничего не знают и, что всего хуже, и знать ничего не желают. Центром их теоретических выкладок является человеческая личность—свободная, добродетельная, протестующая против всякого над ней насилия, не согласная ни на какие ограничения ее свободной воли—ни в форме государства с его чиновниками, законами, тюрьмами и парламентаризмом, ни в форме капитализма с его утонченными методами эксплоатации человеческого труда, и вообще ни под каким соусом современной цивилизации. Эту «личность» они фетишизируют, обоготворяют, обращают в какую-то метафизическую субстанцию, стоящую над обществом, над миром социальной материи, и лишь случайно спеленатую наносными «мерзостями» позднейшей цивилизации... Но наступит, мол, день, когда личность вдруг, по мановению волшебной палочки (у Толстого—благодаря всепобеждающей кротости толпы, приводящей в умиление насильников, у Бакунина—если не по доброй воле могучего самодержца восточной Европы, буде он заупрямится, то посредством всеобщего бунта, стихийно охватывающего всю Европу, а то, может быть, и весь мир, и т. д., и т. д.),—наступит, изволите видеть, день, когда вдруг все виды рабства и эксплоатации разлетятся в прах, и над миром воссияет солнце правды и свободы, согревая своими лучами счастливых людей, живущих коммунами, которые свободно федерируются между собою. А где же в этой картине борьба самой личности за ее идеалы, где

те силы, которые приведут человечество в царство свободы?.. О, не спрашивайте об этом... Это совершится либо чудом, по щучьему велению, по ихнему, анархистов, хотенью, либо вследствие устрашающего действия брошенной в людное место бомбочки...

— Довольно!.. Можно врать, но нужно же знать и меру!..

— Да и может ли деклассированная «личность», порожденная фантазией идеологов люмпен-пролетариата (или попросту философией нашего Хитрова рынка), раскачаться на какую-нибудь упорную, систематическую, ведущуюся в рамках классовой войны, серьезную борьбу с ненавистным ей строем, с капитализмом, который она, в сущности говоря, не столько отрицает, сколько на него дуется и сердится, считая его виновником своего падения на социальное дно...

— Долой... к чорту... Пошел вон...

— Призываю к порядку... прошу не шуметь...

— Долой его... Долой!.. Долой!..

— Успокойтесь, господа анархисты... Необычайный шум, поднятый вами (хотя вас, кажется, всего тут три или четыре человека), очень кстати... Мне самому уже пора кончать, и я обещаю вам больше об анархизме ни полслова...

Дать систематическое изложение марксистских взглядов на область этических проблем в короткое время, которым я располагаю, я не могу, а потому ограничусь только выражением этих взглядов в кратких тезисах. Думаю, что подробное содержание в эти тезисы может вложить каждый, кто захочет вдумчиво отнестись к ним и почитать соответствующую литературу.

1) Сознание порождается бытием. Мораль представляет систему норм или правил поведения, представляющих условия равновесия общественных сил, разрешающих для каждой исторической эпохи свойственные ей противоречия и имеющих тенденцию сохранить данную общественную структуру от разложения. Но, как и всякая другая форма идеологии, мораль имеет свою историю и зависит, в конечном счете, от развития производственных отношений. Таким образом, можно говорить о морали феодального общества, буржуазного и т. д.

2) Консервативная роль господствующей в том или ином обществе морали заключается в том, что она вырабатывается в данную историческую эпоху под знаком господства привилегированных, власть имущих классов. Но по мере развития классовой борьбы в обществе возникают новые системы этических норм, соответствующих интересам новых, выступающих на историческую авансцену, классов и обособляющихся

в самостоятельные комплексы моральных принудительных правил по мере самоопределения этих новых классов.

3) Сила действия моральных норм обусловливается накопленными в природе общественного человека социальными инстинктами. Но эти инстинкты сами представляют величину переменную и не могут долго задержать развитие моральных систем на одной точке, если условия общественного развития (развития производственных сил и производственных отношений) требуют от данного общества соответствующего сдвига с этой точки. Можно, однако, различать те условия общественности, которые охватывают более длительный период развития человечества, распространяются на большую сумму общественных групп и индивидуумов и порождают, так сказать, более устойчивую и живучую мораль (напр., формы семьи, отрицающие половое общение близких родственников); с другой стороны, те факторы общественного развития, которые обусловлены особыми чертами данного исторического момента, имеют местный характер и создают мораль непрочную, временную, неустойчивую, охватывающую иногда какой-нибудь класс только определенной страны, в определенный исторический момент, или даже какую-нибудь общественную группу. (Таковы, напр., мораль пуритан в период зарождения молодой английской буржуазии, или «распутиниада» в российских придворных и аристократических кругах в момент полного разложения царизма и т. д.).

Вообще, кроме классовой морали могут быть еще и другие, частные виды норм общежития или сотрудничества, складывающиеся в систему этических отношений. Таковы, напр., так наз. «врачебная этика», «профессорская» и даже «воровская мораль» («своих не выдавай») и т. п.

4) Однако, в обществах с развитой классовой структурой бесспорный приоритет принадлежит классовой морали, которая колеблет старые традиции, подчиняет себе «универсальную» мораль и господствует над всеми другими «межклассовыми», профессиональными, сословными и всякими иными подвидами морали.

5) В моменты крайнего напряжения классовой борьбы и революционного разрешения диалектических противоречий жизни действие традиционных законов нравственности, нормировавших до того поведение людей в обществе, становится ничтожным, и на поверхности жизни выпукло выступают новые факты морали, порожденные интересами борющихся сторон. Этика здесь создается на поле брани, под грохот пушек и пулеметов. Жвачная мораль расплывчатого «гуманиз-

ма» или христианской проповеди о любви становится смешной. Она лишь пытается с негодными средствами помешать борющимся сторонам довести свою борьбу до естественного конца.

6) Колоссальное разрушение во время революций старых и сданных историей на слом социальных построек влечет за собою разрушение и соответствующих идеологических надстроек, а прежде всего старой морали.

Те элементы общества, которые жили под знаком этой старой морали, чувствуют себя как бы оголенными, лишенными привычных нравственных покровов, и впадают в отчаяние. Наступает полоса нравственного маразма, разложения, полоса диких оргий, или самоубийств. В это же самое время тот класс, которого история нарекла наследником старого, умершего общества, начинает деятельно творить, создавая новый мир отношений. По мере развития этой творческой работы, и в меру такого развития, создаются новые формы нравственных устоев жизни. А если и этот класс победителей почему-нибудь останавливается, и темп нового строительства замедляется, он и сам в известной мере становится жертвою социального и нравственного разложения.

7) В настоящий момент мирового крушения капитализма таким классом, создающим новую мораль, является класс пролетариев, производящий сейчас переоценку всех ценностей. Если ему и суждено иногда в моменты напора на него со стороны агонизирующего, но не издохшего еще капиталистического чудовища временно ослабевать и терять как будто почву под ногами, то все же в общем и целом его дело верное. Силою об'ективного хода истории он должен будет довести свою освободительную миссию до конца. Зачатки иной морали, будущей внеклассовой, имеются уже и сейчас налицо, а пока что элементы этой новой морали входят лишь как составные части вынашиваемого классом пролетариата коммунистического нравственного идеала. Но на протяжении всей своей жестокой классовой борьбы пролетариат еще долгое время должен будет создавать свои этические нормы применительно к условиям военного времени, а не мирного благоденствия и благорастворения воздухов. И это вполне понятно и вполне законно.

Ну, вот вам, товарищи, несколько наспех выброшенных тезисов для желающих —в качестве тем для бесед или для размышления. На этом я думаю закончить. В заключение только кратко отвечу на несколько записок, которые ко мне здесь поступили.

Кто-то спрашивает: «может ли сейчас иметь место, с точ-

ки зрения исповедуемой вами коммунистической морали, совершенно свободная половая любовь, без брачных обязательств со стороны любящихся».

Гм... Если не распространяться на эту тему, то на данный вопрос могу ответить так. Совершенно «свободная» любовь, не стесняемая никакими социальными условиями общественного бытия, может и будет иметь место в обстановке лишь будущего коммунистического уклада жизни с его полнотой материальных предпосылок для человеческого благополучия. А пока что ригоризм в этом отношении диктуется условиями момента. Классовые интересы пролетариата требуют напряжения сил для жестокой борьбы за будущее и не позволяют предаваться всем утехам любви. Кроме того, если эта свободная любовь, благодаря неизжитым еще условиям социальных несовершенств жизни (отсутствию, например, учреждений общественного воспитания и питания детей), наталкивается на стеснительные условия при разрешении вопросов о естественных последствиях любви, в роде, например, деторождения, то с точки зрения классовой морали пролетариата нужно было бы осудить слишком легкомысленное решение этих вопросов. Скажу еще так: где соображения простой человечности (проявление полезных социальных инстинктов) не вступают в противоречие с интересами классовой борьбы пролетариата, там эта «человечность» не просто «допускается» этикой пролетариата, но и входит в нее в качестве составной ее части. Пролетариат, например, не отказывается, в случае надобности, убить классового врага, но он великодушен (и возводит это великодушие в этический принцип) к врагу побежденному и обезвреженному. С этим критерием нужно подходить и к решению половой проблемы, при чем в каждом конкретном случае такое решение может быть особым.

Одна записка гласит: «как вы смотрите на иезуитскую мораль: «цель оправдывает средства». С точки зрения класса иначе и быть не может, как только приспособление всяческих средств к достижению целей, которые ставит себе класс. Весь секрет только в том, чтобы правильно распознать это средство. Если средство только повидимому ведет к цели, а на самом деле отдаляет от нее, то средство плохое, и если оно при этом может стать предметом моральной оценки, то смело можете назвать его безнравственным. Я здесь не касаюсь вопроса о характеристике и «оправдании» или «осуждении» самой цели. Цель, например, иезуитов—подчинение всех форм общественности католической теократии—для нас несимпатична, и все их средства борьбы кажутся тем более отвратительными.

«Как вы смотрите на пытки? Оправдает ли их коммунистическая совесть, если к ним станет прибегать какая-нибудь чека?»

Отвечаю не обинуясь: пытки принадлежат к числу самых нецелесообразных способов раскрытия заговоров, преступлений или военных секретов. Даже царские генералы или штабы не прибегали к пыткам шпионов и уж во всяком случае не по человеколюбию. Поэтому никакими соображениями такого рода методы не могут быть оправданы—ни с точки зрения интересов классовой борьбы, хотя бы и очень острой, ни с точки зрения обычной житейской морали.

«Имеет ли коммунист нравственное право хлопотать за человека, сидящего в Москве на Лубянке»... Ну, конечно, имеет право и даже должен, если уверен, что его вмешательство в область компетенции «Лубянки» не только не воспрепятствует борьбе коммунистов с их классовыми врагами, а даже поспособствует исправить допущенную ошибку или устранит ненужную, бесцельную жестокость.

— Прошу разрешения ответить еще на одну записку. Это будет последняя. «Что вы порекомендуете о нравственности».

Порекомендую немногое, только на предмет первоначального ознакомления с вопросами этики, ибо тот, кто пожелает более основательно заняться этими вопросами, сам найдет в процессе ознакомления с философскими взглядами моралистов разных периодов подходящую литературу. Советую прочесть, во-первых, книжку К. Каутского: «Этика и материалистическое понимание истории» (издание «Знание», 1906 г.); во-вторых, Н. Бухарина: «Теория исторического материализма» (1922 г.) (см., напр., стр. 176—180). Очень хороша книга Бебеля «Очерки по женскому вопросу». Много могут дать по вопросам философии вообще и этики в частности работы Г. В. Плеханова, например, ряд статей в книге «От обороны к нападению», главным образом, при рассмотрении анархических теорий (Элизэ Реклю, Тэнера и др.). Для ознакомления с одной из популярнейших разновидностей анархизма (в области этики) можно порекомендовать книжку Крапоткина: «Нравственные начала анархизма». По вопросу об утилитаризме можно порекомендовать сочинения Дж. Стюарта Милля «Утилитаризм», «О свободе». Для знакомства с теорией эгоизма полезно перечитать роман Чернышевского «Что делать» и ряд статей Писарева («Реалисты» и др.). С взглядами Канта можно познакомиться по его сочинению «Критика практического Разума», которая, не в пример его «Критике чистого Разума», читается довольно легко.

Этим пока и ограничусь.

— Об'являю собрание закрытым,—поспешил положить конец затянувшейся дискуссии председатель.

Буржуа относится к учреждениям своего общества, как еврей к закону: он обходит их, насколько возможно, в каждом отдельном случае, но хочет, чтобы все остальные повиновались им. Если бы все буржуа в массе сразу обошли все законы буржуазии, то они перестали бы быть буржуа, что, конечно, не приходит им в голову и нисколько не зависит от их желания. Развратный буржуа обходит брак и тайно занимается прелюбодеянием; купец обходит институт собственности других при помощи спекуляции, банкротства и т. д., молодой буржуа добивается независимости от собственной семьи, практически разлагает семью в свою пользу, но брак, частная собственность, семья остаются теоретически неприкосновенными, ибо они представляют практическую основу, на которой буржуазия воздвигла свое господство, ибо в своей буржуазной форме они—условия, которые делают буржуа буржуем точно так же, как всегда обойденный закон делает религиозного еврея религиозным евреем. Это отношение буржуа к своим условиям существования находит общее выражение в буржуазной нравственности.

К. Маркс.

II

СОДЕРЖАНИЕ:

Н. Крупская

КАКИМ ДОЛЖЕН БЫТЬ КОММУНИСТ?

Коммунист прежде всего—человек общественный, с сильно развитыми общественными инстинктами, желающий, чтобы всем людям жилось хорошо, чтобы все люди были счастливы.

Коммунист — человек общественный.

Коммунистами могут быть выходцы из всех классов общества, но больше всего коммунистов выходит из рабочей среды. Почему? Потому, что условия жизни рабочих таковы, что воспитывают в них общественные инстинкты: коллективный труд, успех которого зависит от отдельных усилий каждого, общая обстановка труда, общие переживания, общая борьба за человеческие условия существования—все это сближает рабочих между собою, спаивает их узами классовой солидарности. Возьмем класс капиталистов. Условия жизни этого класса совершенно иные. Конкуренция заставляет всякого капиталиста видеть в другом капиталисте прежде всего конкурента, которому надо подставить ногу; в рабочем капиталист видит лишь «рабочие руки», которые должны работать над созданием прибыли для него, капиталиста. Конечно, общая борьба против рабочего класса сплачивает капиталистов, но той внутренней спайки, того растворения в коллективе, которые мы видим у рабочих—им делить между собой нечего—в классе капиталистов нет, капиталистическая солидарность раз'едается чревоточиной конкуренции. Вот почему человек с развитыми общественными инстинктами в рабочей среде является правилом, в капиталистической же среде такой человек складывается в виде исключения.

Передовой член своего класса.

Общественный инстинкт значит очень много. Часто он помогает чутьем находить правильный выход из положения, помогает найти правильный путь. Вот почему при чистке РКП обращалось внимание, принадлежит ли тот или иной член партии к рабочей среде или нет. Тому, кто принадлежит к рабочей среде, легче выправиться. У нас в России интеллиген-

ция,—видя, как легко дается рабочему, благодаря классовому инстинкту, понимание того, до чего интеллигент, например, доходит с большим трудом,—склонна была в конце 90 годов и в первой половине первого десятилетия XX века (1896—1903 г.), преувеличивать значение классового инстинкта. «Рабочая Мысль», одна из социал-демократических нелегальных газет, договорилась даже до того, что перестала допускать, чтобы не из рабочей среды мог выйти социалист. Потому что Маркс и Энгельс не были рабочими, «Рабочая Мысль» писала: «не надо нам Марксов и Энгельсов»!

Классовый—в рабочем классе он совпадает с общественным—инстинкт есть условие, необходимое для того, чтобы быть коммунистом. Необходимое, но не достаточное.

Необходимо знание.

Коммунисту надо еще немало знать. Во-первых, он должен понимать, что вокруг него делается, должен разбираться в механизме существующего строя. Когда в России стало развиваться рабочее движение, социал-демократы озаботились в первую голову распространением в широких массах таких брошюр, как например, Дикштейна, «Кто чем живет», «Рабочий день» и т. п. Но мало понимать механизм капиталистического строя. Коммунисту надо еще изучить законы развития человеческого общества. Он должен знать историю развития хозяйственных форм, развития собственности, деления на классы, развития государственных форм. Должен понимать их взаимозависимость, знать как из определенного общественного уклада вырастают религиозные и моральные представления. Поняв законы развития человеческого общества, коммунист должен ясно представлять себе, куда идет общественное развитие. Коммунизм должен представляться ему не только желанным строем, где счастье одних не будет строиться на несчастьи других, он должен понимать также, что коммунизм именно и является тем строем, к которому идет человечество, и что коммунисты должны расчищать лишь путь этому строю, содействовать его скорейшему наступлению.

В рабочих кружках, возникавших на заре рабочего движения в России, обычно проходилась с одной стороны политическая экономия, имеющая целью об'яснить структуру современного общества, и история культуры (история культуры противополагалась при этом обычному изложению истории, которая представляла собою часто набор исторических фактов самого различного значения). Вот почему в кружках того времени читался 1-й том «Капитала» Маркса и «Происхождение семьи, собственности и государства» Ф. Энгельса.

В 1919 г. в одном из сел Нижегородской губернии, в селе Работки, мне пришлось наткнуться на такое явление. Учителя рассказали мне, что во 2-й ступени они проходят политическую экономию и историю культуры; что ученики единогласно потребовали введения этих предметов в курс школы 2-й ступени.

Откуда в волжском селе, в котором все население занимается исключительно волжскими промыслами да земледелием, у крестьянских подростков могло появиться такое и так определенно формулированное желание? Очевидно, интерес к политической экономии и истории культуры был занесен в Работки каким-нибудь рабочим, ходившим когда-то в кружок и об'яснившим ребятам, что им надо знать.

Однако, в переживаемый момент русскому коммунисту надо знать не только это. Октябрьская революция открыла перед Россией возможность самого широкого строительства в направлении коммунизма. Но, чтобы использовать эти возможности, надо знать, что надо делать сейчас, чтобы хоть на шаг продвинуться к коммунизму; что возможно сейчас достигнуть и чего нельзя, надо знать, *как* строить новую жизнь. Надо прежде всего знать основательно ту отрасль работы, за которую берешься, а затем надо обладать методом коммунистического *подхода* к делу. Возьмем пример. Чтобы правильно поставить медицинское дело в стране, надо, во-первых, знать самое дело, во-вторых, знать, как оно было раньше поставлено у нас в России, как ставится в других государствах и, наконец, в-третьих, надо уметь подойти к нему по-коммунистически, а именно: повести агитацию среди широких слоев трудящихся, заинтересовать их, вовлечь в работу, создать усилиями трудящихся могучую организацию вокруг медицинского дела. Надо все это не только знать, как сделать, надо *уметь* это сделать. И выходит, что коммунист должен знать не только, что такое коммунизм и почему он неизбежен, но должен знать хорошо еще свое дело, должен уметь подойти к массе, повлиять на нее, убедить ее.

Личная жизнь подчинена интересам коммунизма.

В своей личной жизни коммунист должен всегда руководиться интересами коммунизма. Что это значит? Это значит, что как бы, например, ни хотелось остаться в привычной уютной домашней обстановке, раз для дела—для успеха коммунистического дела—надо бросить все и ехать в самое опасное место, коммунист это делает. Это значит, как бы трудна и ответственна ни была возлагаемая на коммуниста задача, раз это нужно, коммунист берется за нее и старается провести ее в меру своих сил и уменья, идет на фронт, на субботник, на из'ятие ценностей и т. п. Это значит, что коммунист

свои личные интересы отодвигает на задний план, подчиняет их общим интересам. Это значит, что коммунист не проходит равнодушно мимо того, что кругом него делается, что он активно борется с тем, что вредит делу коммунизма, борется с тем, что вредит интересам трудящихся масс; а с другой стороны отстаивает активно эти интересы, считает их своими...

Кого выбрасывали при чистке из партии? а) шкурников и примазавшихся, т. е. тех, кто свои личные интересы ставит выше интересов коммунистического дела; б) тех, кто равнодушен к коммунизму, ничего не делает, чтобы помочь ему осуществиться, кто далеко стоит от массы и не стремится сблизиться с ней; в) кто не пользуется уважением и любовью массы; г) за грубое обращение, чванство, неискренность и пр.

Итак, чтобы быть коммунистом, надо: 1) знать, что плохо в капиталистическом строе, куда идет общественное развитие и как надо содействовать скорейшему наступлению коммунистического строя; 2) надо уметь прикладывать свое знание к делу; 3) надо быть душой и телом преданным интересам трудящихся масс и коммунизму.

Во-первых—учиться, во-вторых—учиться, и в третьих—учиться, и затем проверять то, чтобы наука у нас не оставалась мертвой буквой или модной фразой (а это, нечего греха таить, у нас особенно часто бывает), чтобы наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом.

(Н. Ленин—«Лучше меньше, да лучше»).

Н. Бухарин

ИЗ ДОКЛАДА НА 5-м С'ЕЗДЕ РКСМ

Не „мораль", а правила поведения.

Обычно ставится вопрос о так называемой коммунистической морали. Я считаю такую терминологию и такой подход неправильным. Как известно, под моралью всегда разумеется такая норма, такое правило поведения, которое представляет собой нечто фетишистское. Говорят: ты должен делать то и то—и больше никаких. И совершенно естественно, вы встречаетесь с буржуазной моралью, а буржуазная мораль — самое сердце ее—заключается в этом фетишизме, норме, в этом подчинении поведения человека какому-то авторитету, который неизвестно откуда берется и неизвестно почему ему обязаны подчиняться. Вот эта самая вещь и вызывает совершенно естественно протест, и поэтому, самый элементарный, самый обычный подход к этому делу—как только начинаешь о таких вещах говорить—это есть некоторая усмешка: «начал проповедывать, знаем мы это».

В этом протесте есть, конечно, кое-что здоровое. Оно заключается в том, что совершенно ясно, что всякий фетишизм для рабочего класса и рабочей молодежи должен быть исключен. Мы не должны терпеть того, чего мы не понимаем и чего никто не может понять. Мы должны разрушать все то, что выходит за пределы рациональных познаний. С этой стороны фетишистские нормы, которые навязываются прошлым, нужно разрушить. Но, с другой стороны, я считаю, что для рабочего класса и для рабочей молодежи в особенности, нужны некоторые правила поведения. Я думаю, что их отличие от морали заключается в том, что за ними не стоит неизвестная, никому и никем необ'яснимая норма.

Я смотрю на дело этой нормы очень просто и очень, мне кажется, вразумительно. Если мы, например, желаем достигнуть какой-нибудь цели (а мы до сих пор исходили из той предпосылки, что мы желаем достигнуть социализма), то для того, чтобы достигнуть социализма, мы должны предприни-

мать определенные действия и не предпринимать других действий. Если столяру или плотнику нужно сделать табурет, он должен проделать определенные телодвижения, должен строгать, выбрасывать стружки, а не плясать трепака. Если он будет плясать трепака, то не сделает табуретов. Нужно делать одно и не делать другого. В общественной жизни точно такая же вещь. Если вы желаете ставить себе социализм в качестве задачи, которую желаете разрешить, вы должны этот социализм построить, и точно так же должны делать одно, а не делать другого. Если вы будете делать то, что называется вредным, гнусным, подлым и проч., то будете уподобляться столяру, который пляшет, и ничего не построите. Вы будете разрушать и не будете строить. Поэтому естественно, что определенные правила поведения у рабочей молодежи должны быть. Если этих правил и норм не будет, то ничего не будет. Мы это чувствуем на каждом шагу. Что такое партийная дисциплина? Это есть правило поведения. Но правила партийной дисциплины никто не удосужился назвать моральными, точно так же, как какой-нибудь устав кооперативной лавки не называется именем морального устава, но тем не менее это те нормы, которые регулируют поведение людей. Если мы таким образом поставим вопрос (с чем — я знаю — многие из старых товарищей и молодых не будут согласны, но я подвожу только теоретический базис под то, что я скажу в дальнейшем), из этого вытекает, что мы фетишизм уничтожаем, но трезво подходим к делу. Желаем мы достигнуть социализма? Желаем. Давайте же действовать так, чтобы достигнуть. Что здесь непонятного, туманного и т. д.? Мы от этих правил поведения не будем отказываться.

Некоторые считают, что если что-нибудь представишь в понятной форме, то это лишается привкуса. Если в божественности мы скажем, что это заповедь бога, то по позвоночному хребту должны проходить сладостные волны, и будем думать, что совершается какой-то подвиг. Но если поставить вопрос так, как я сказал, то мы не будем думать, что совершается подвиг. Может быть, для какой-нибудь старухи это и непонятно, но для молодежи это необходимо. Почему мы не можем совершать героического дела, если будем руководствоваться крепкими правилами, сущность которых целесообразна? Так нужно ставить вопрос.

Нельзя молчать.

Из такой не фетишистской, совершенно трезвой, реалистической и материалистической постановки вопроса вытекает необходимость этих правил поведения. Они должны быть. Я протестую против моральной оболочки, но в то же время заявляю с полной категоричностью, что эти правила

должны быть для рабочего класса, пролетарской партии, особенно, для несложившихся индивидуумов, т. е. для рабочей молодежи. Совершенно естественно, что значение таких правил должно увеличиваться, когда мы окружены врагами. Вообще это то, что связывает, сплачивает, дает возможность сохранять внутреннюю спайку и быть ударным, железным кулаком. Представьте, что в условиях новой экономической политики, когда существуют магазины, кабаки и пр. и пр., опасность разложения или деморализации чрезвычайно велика, но так же ясно, что этому явлению можно противопоставить группу или корпорацию, в роде вашего Союза Молодежи, противопоставить свою необычайно крепкую спайку.

Если спайка так необходима в период социалистической революции, то она втрое, вчетверо и в десять раз необходимее в такой период жизни рабочего класса и рабочей молодежи, когда они со всех сторон находятся в мещанском окружении, в капиталистическо-хищническом окружении. Я, товарищи, еще отмечаю следующий момент, который многих из вас может смутить. Со стороны более старших товарищей имеется такого рода отношение к вопросу, что они ухмыляются от мудрости, как будто бы ухмыляются в связи с этим серьезнейшим вопросом. Они имеют право ухмыляться по той простой причине, что они не желают разговаривать об этих вещах, потому что они сами очень хорошо знают, они прошли хорошую школу борьбы с идейными группировками, они не могут так легко сломаться, и сейчас им представляется, что раз этот разговор поднимается, они начинают такие добродетели разводить, что уши отсохнут. Но они забывают, что для них этот вопрос решен, а для вас не решен. Они этот вопрос решили много лет тому назад и совершенно естественно, — зачем зря болтать? Но для подростающего поколения и, помимо нас, для еще более широкой массы вашего союза — эти вопросы еще не разрешены. Откуда они могли быть разрешены? У более старого поколения была большая полемика в свое время с рядом группировок по этому вопросу, а теперь ведь, у нас ни одной книжки не было издано по этим вопросам, а если и были выпущены, то эти книги касались более старых вопросов, к которым нужно было подходить раньше.

Я считаю, что самую плохую службу по отношению к молодежи может сослужить идеалистическое отношение к этим вопросам. Нельзя сейчас молчать. Нужно ставить эти вопросы.

Воспитание молодых коммунистов.

Мне кажется, что в качестве переходного пункта нам необходимо в этой области прежде всего уяснять, воспитывать на изображении и принятии социалистического идеала. Мы слишком мало говорим относительно социализма в его раз-

вернутом виде. Для более сухомыслящих, для более взрослых людей—это не так необходимо: во-первых, они знают, что такое социализм, а во-вторых, для них нет такой потребности, чтобы обязательно впускать себе добавочный шприц одухотворяющего момента, который настраивал бы их на социалистический лад. Но для молодежи, которая более эмоциональна, нужно дать и более отчетливые выражения развернутого социализма, развертывать патетическую сторону борьбы за социализм и за социалистический идеал во всей широте: с точки зрения искусства, с точки зрения культуры, с точки зрения всего комплекса человеческих эмоций. Я повторяю, что более старые товарищи будут ухмыляться по поводу этого, но они все прошли это, они всю эту кашу с'ели, они теперь забывают, что они это проглотили и это вошло в их плоть и кровь. Наоборот, для молодежи эту сторону дела нужно развивать и культивировать, точно так же, как нужно культивировать другую сторону дела, которая идет тоже по линии нормировочных отношений и по линии отношений между людьми.

Нужно воспитывать совершенно инстинктивное отношение к страстной ненависти по отношению к нашим классовым противникам. С одной стороны, ненависть по отношению к противникам, а с другой стороны, обрисовка социалистического идеала в качестве громадного единства; это должно быть исходным пунктом в нашей работе, которая определяет собой правила поведения людей.

Должен еще сказать, что надо культивировать разные методы, когда вы будете изображать социалистов. Тут должны быть и рассудочные доказательства, тут должны быть и прямо картинные художественные изображения. Совершенно ясно, что отсюда вытекает безусловная необходимость всевозможного вида товарищеской спайки. Чтобы не ограничиваться общей задачей, которую ставит себе Комсомол, надо, кроме этого, воспитать и вообще чувство товарищества. Совершенно естественно, что союз, как целая организация, не может удовлетворять этим мелким потребностям. Мы должны внутри союза проповедывать системы всевозможных товариществ, кружков и пр., которые внутри себя культивировали бы чувство товарищества и были бы некоторым промежуточным звеном между личностью одного комсомольца, с одной стороны, и всей массой членов организации, которую представляет из себя РКСМ.

Заповеди Комсомола

Громадное значение, мне кажется, здесь должны иметь всевозможные обычаи, так сказать, «заповеди» Комсомола. Я знаю отлично, что против этого найдется очень много вра-

гов среди молодежи. Они скажут: зачем фиксировать, зачем писать, выдвигать внешние признаки, писанные заповеди. Я считаю, что это есть предрассудок. И этот предрассудок имеет своим основанием самые обычные предрассудки. Я вам сказал, что в области политической жизни и во всяких общественных отношениях мы очень часто замечаем одно повторяющееся явление. Так, например, чтобы разбить капиталистическую армию, нам нужно было устраивать полковые комитеты. И действительно, вся армейская публика, благодаря этому, развалилась. Некоторые товарищи, не зная, что полковые комитеты раздробили армию, хотят и теперь бросать лозунги полковых комитетов, потому что эти лозунги были брошены в 1917 году. Тут огромная ошибка. Ошибка заключается в том, что эти лозунги были брошены тогда, когда нам нужно было разложить старую армию. То же самое происходит и здесь. Если мы протестовали против всяких нормировок, то это было правильно, поскольку это было средством дезорганизации противника. Но мы то же самое начинаем переносить на себя и говорим: долой прописную мораль. Долой все эти штуки! Здесь мы средство разрушения своего классового противника переносим на самих себя и оказываемся, в результате, круглыми дураками. Само собою разумеется, происходит это оттого, что мы желаем отделаться от старого и построить новое. Но нельзя так делать, нужно взять то, что можно взять. Здесь есть нечто и положительное. Я утверждаю, что лозунги, которые заключают в себе правила поведения, и заповеди, которые выставлены на стенах, это есть положительная вещь, потому что они постоянно напоминают нам, постоянно будоражат, постоянно говорят о том, что мы должны помнить. Я позволю себе сравнение, которое на первый взгляд как будто к делу никакого отношения не имеет, — сравнение с капиталистической рекламой. Об'ясните мне, почему капиталисты, которые хотят завоевать рынок для своей фирмы, на каждой посудине ставят свое клеймо? Почему это происходит? Это происходит потому, что это им чрезвычайно полезно. То же самое и у нас. Мы должны кое-чему у капиталистов научиться. Есть у нас целый ряд правил поведения, которые мы хотим внедрить. И ничего плохого нет в такой фиксации, потому что иначе мы не сможем приобрести новые кадры. Что же тут удивительного? Что плохого? Если мы будем иметь такие зафиксированные правила, у нас будет более интенсивная работа. У нас будет более интенсивная самодеятельность всех основных частей нашего организма. Будет более сознательное отношение к делу.

Не курить и не пить.

Перейдем к вопросам о табаке и алкоголе. Здесь тоже существует ряд устаревших предрассудков.

У нас считается обязательным, чтобы всякий член Союза ходил с 4-мя папиросами зараз и с презрением относился к анти-алкогольной и анти-табачной пропаганде. Я считаю, что такое отношение к этому вопросу—большая ошибка. Я помню, в старое время, когда я учился в гимназии, мы демонстративно курили, и это было даже известным правилом, а с общественной точки зрения это было полезно, потому что этой мелочью мы разрушали дисциплину старого строя. Это был протест против организации школы, а оттуда протест переносился на организацию всего общества. Тогда это было средством разумным: приятно было под носом надзирателей проходить с папиросой во рту, и поэтому все, что было революционного в старой школе, поддерживало этот обычай, даже вплоть до озорства: общественно это было положительное явление, поэтому к нему нужно было относиться с некоторым почтением. С этой мелочи начиналось, а потом приводило к различным революционным движениям. А теперь есть ли что-нибудь похожее на прежние условия? Я считаю, что нет. С точки зрения физиологической, с точки зрения воспитания увлечение табаком и алкоголем, это—прямой вред. С какой же стати мы теперь будем поддерживать курение и смеяться над анти-алкогольной пропагандой. Это—неправильное, некритическое перенесение методов разрушения буржуазного строя на собственный организм. По моему глубокому убеждению, в Союзе должны быть созданы группировки, которые поведут сознательную борьбу с алкоголизмом и табаком. Это не подлежит для меня никакому сомнению.

Вопрос о половой распущенности.

То же самое нужно сказать и по вопросу о половой распущенности, которую нужно тоже ввести в некоторые рамки. Как это сделать—я сейчас не знаю, а поэтому не буду говорить, но с этим вопросом нам необходимо считаться и вырабатывать вместе со специалистами-врачами и педагогами соответствующие директивы для членов вашего Союза.

Воспитание классовой чести.

Я должен еще остановиться на некоторых вопросах, которые выходят из только что очерченных рамок. Я думаю, что мы должны сейчас воспитывать в членах Союза Молодежи то, что относится к области всяческих норм: партийных, классовых, комсомольских добродетелей. Например, раньше была честь знамени, честь дворянского сословия и проч. Это нужно культивировать и у нас. Это должно служить орудием классовой гордости, знаком классовой принадлежности. Вы скажете, что все это очень странно. Когда на войне говорят о чести полка или о чести знамени—это очень полезная вещь,

которая связывает силы и организует их. Мы должны стоять на этой же точке зрения в отношении ко всяческим группировкам Комсомола, партии и класса, начиная от той маленькой ячейки, к которой мы принадлежим, и кончая наиболее крупной организацией, в рядах которой мы стоим, т. е. нашим классом, а затем и советским государством. Представьте себе, что вы попадаете заграницу и что какой-нибудь буржуй оскорбляет Советскую Республику. Ему нужно сейчас же набить морду, в той или другой подходящей форме. Но спустить ему этого нельзя. Это не есть феодальная шпага, потому что здесь классовое содержание другое, но формальное сходство все-таки есть. Мы должны воспитывать такое поколение молодежи, которое оберегало бы честь своей группировки, партии, класса и государства и никому не давало бы наплевать себе в морду, потому что это только в русской поговорке говорится: «дураку наплюй в глаза, ему все божья роса». Комсомольцы не должны этому следовать. Тут предстоит очень большая работа. И тот нигилизм, который проповедуется в этом отношении некоторыми старшими товарищами нашими, совершенно неуместен.

Следующий пункт—относительно образования молодежи, интеллектуального, умственного образования. **Коммунистическое образование.**

Мне хотелось бы подчеркнуть некоторые вещи, которые составляют, мне кажется, ось этого дела. Во-первых, нам нужно ликвидировать окончательно безграмотность в рядах рабочей молодежи. Это есть элементарная задача, и без разрешения этой элементарной задачи очень трудно двигаться вперед. Затем нам нужно вести коммунистическое образование в двух направлениях: в направлении элементарно-коммунистического образования широких комсомольских масс и по линии более квалифицированного образования ваших, так называемых, активистов, то-есть ваших управляющих, администраторских кадров. На последнем я считаю необходимым остановиться потому, что из тех докладов и отчетов, которые я получил к теперешнему докладу, вытекает, что наши кадры, в среднем, весьма политически неграмотны и что марксистское образование в значительной мере отсутствует. Вы усердно справлялись на практических делах, и это очень хорошо, но, с другой стороны, нужно соединить этот самый величайший практицизм, который должен воспитываться в вас, с некоторыми обобщающими теоретическими знаниями. И вот эти-то теоретические знания нельзя выбрасывать, особенно для тех, кто призван волей истории сменять старые поколения в области управления страной. Ведь через некоторое время вы будете управлять страною, а для этого нужно уметь

правильно ориентироваться в могущих быть исторических переворотах. Наша партия, пройдя через марксистскую школу, так держится потому, что ее кадровый состав, ее верхушка, проходя через марксистскую школу и имея хорошее образование, могла предвидеть события и легко лавировать на всех крутых поворотах. Новое поколение растерялось, а вам, может быть, в будущем предстоит еще целый ряд поворотов, еще более крутых. У нас такой колоссальный размах событий вперед, такие неожиданности в мировом масштабе, что здесь нужна величайшая способность правильного ориентирования. Это делается только хорошей школой марксистского образования. Этому делу нужно уделить гораздо больше внимания, чем это делалось до сих пор.

Коммунистам нужна специальная квалификация.

Коммунистическая молодежь представляет собой резервуар, который должен со временем поставлять работников в технической и других отраслях. Нужно помнить, что в текущий момент нельзя увлекаться общим универсализмом, когда человек думает, что он все знает и представляет собою все, на самом деле ничего не зная хорошо. Надо всемерно стремиться к более правильному разделению труда, к добросовестному изучению некоторых основных, более мелких отраслей. Вы должны точно и определенно сказать, что каждый выбирает себе определенную отрасль, которую он изучает досконально. Вы должны быть коммунистами, но вы должны получить определенную специальную квалификацию, вы должны быть или инженером, или техником, или педагогом по общественным наукам, или профессором, или чем-нибудь, но вы должны эту область знать, как следует. Если этого не будет, то у вас будет дилетантское управление, и это управление будет напоминать правителей из эпохи кочевого периода, когда никто ни за что не отвечал, никто ничего не знал, и все барахтались в перемещениях, как будто бы это может помочь делу. Сейчас необходимо специальное знание.

Умственная и физическая тренировка.

Перехожу к вопросу относительно умственной и физической тренировки. На эту сторону дела необходимо сейчас же обратить самое сугубое внимание. Такой задачей для скорейшей умственной и физической тренировки являются всевозможные игры и прочие штуки, которые отличаются состязательным принципом. Вам нужно обратить сугубое внимание на постановку всевозможных игр, решения задач, шарад, игру в шахматы и проч. Шахматы, между прочим, играют очень крупную роль. Один из крупных шахматистов написал специальную книгу «Общественные науки и шахматная игра», где он доказывает, что шахматная игра дает большую умственную тренировку. Крупные полководцы и обществен-

ные деятели почти все очень хорошо играли в шахматы. Всякая игра есть некоторая репетиция настоящего действия и есть подготовка, тренировка рук или психики. Вам нужно ввести принцип состязательности. Вам нужно придерживаться всевозможных конкурсов на быстроту решения задач, на всевозможные футбольные состязания и т. п., с призами и со всякой такой штукой. Во всех различных кружках: футбольных, научных или шахматных, необходимо сохранить принцип соревнования, этот состязательный принцип должен быть положен во главу угла. Дело заключается в том, что очень часто буржуазия берет своей большей подвижностью, а мы отстаем, ибо, благодаря нашему централистическому бюрократизму, повернуться не можем. Нам необходимо создавать более мелкие подвижные ячейки, и вот поэтому нам и нужно образовывать кружки, состоящие из людей, которые интересуются шахматами: одну группировку шахматистов, другую; одну футбольную команду, другую, третью, затем устраивать между ними состязания. Тогда у вас будет сочетание двух принципов: сочетание принципа общественности с принципом свободного движения, а не какой-то всероссийский главзакон. Состязательный принцип должен всемерно проявляться во всех играх, которые должны занять у вас большое место.

Участие в общественной работе.

Наконец, я должен остановиться на таком пункте. Конечно, совершенно естественно, что огромная часть вашей воспитательной работы должна представлять воспитание в школе и непосредственно в Союзе, но такое воспитание должно выливаться в целый ряд практических работ членов вашего Союза на различных поприщах общественной жизни. И одна из самых важных общественных работ—это непосредственная работа на фабриках и заводах, пропаганда улучшения фабрично-заводской жизни и т. д. Затем организация борьбы с бюрократизмом, о чем очень часто говорилось и о чем вы тоже писали неоднократно резолюции; в деревне — борьба с кулачеством, отпор всевозможным организациям нашего противника, идейная борьба с ним, всевозможные диспуты и т. д. с различными идейными организациями вашего противника; борьба, защищающая интересы рабочей молодежи, приобретение здесь всяких товарищеских навыков и прочих организаторских добродетелей, имеющих громадное значение. Наконец, всевозможного рода техническая помощь партии и профсоюзам. Вы должны приучаться к активной роли в партии и в профсоюзах. Должны выполнять ряд подсобных работ в них, хотя бы и технического характера, как, например, рассылка и распределение литературы и т. д. Эта сфера

деятельности имеет огромное значение для нашего союза, если ставить ее в надлежащие рамки.

В заключение мне хотелось бы сказать, что в настоящее время целый ряд трудных проблем, очень часто в первый раз стоящих перед рабочим классом, перед партией и вами, целый ряд отрицательных явлений, которые связаны с НЭП'ом, производят перетасовку наших рядов, временную нашу деморализацию. Но теперь это время прошло. Прошло время для криков по поводу отрицательных сторон НЭП'а, а эти крики должны уже пройти безвозвратно, потому что есть у нас возможность победить, безусловно есть; так как у нас есть элемент человеческого кадра, который мы можем образовать и дообразовать, при начавшемся оживлении экономической жизни. Все время наше международное положение упрочивается, и с точки зрения бесстрастного анализа ничего не может в нем измениться.

Поскольку мы имеем дело с молодежью, нам необходимо, чтобы она свой энтузиазм, который был на фронтах гражданской войны, целиком вложила в дело самоподготовки к будущей огромной государственной роли. Этот энтузиазм знания нужно всемерно поддержать в молодежи, нужно сделать его осью всей нашей борьбы.

Если мы кадр отличных борцов выработаем на поле культурной борьбы, то мы сможем его через несколько лет насадить на протяжении всей Республики, и эта новая сетка, новый кадр, с честью понесет то знамя, которое несло старшее поколение.

ИЗ ПРЕНИЙ ПО ДОКЛАДУ ТОВ. БУХАРИНА

О корпоративности.

Тов. Тарханов.—Тов. Бухарин говорил о духе корпоративности, о необходимости создать честь своей организации и т. д., и т. д.—то, что писала т. Крупская в своей брошюре [1]. Между тем корпоративность и что бы то ни было другое может быть достигнуто в массовом масштабе не обсуждениями и теорией, а простым конкретным примером, простым показательным делом, каким является тот же союзный значок. Много примеров можно привести. Здесь искусственность не нужна, нужно исключительно то, что диктуется самой жизнью. В Союзе в свое время было много кружков активных работников и т. д.,—это тоже корпоративность. Но корпора-

[1] Н. Крупская.—„РКСМ и бойскаутизм“.

тивность нигде никогда не принималась: нужно предостеречь от искусственности в насаждении собственности, нужно совершенно иначе поставить вопрос, так, как в одном из номеров «Юного Коммуниста» этот вопрос ставился. Там никаких кружков и спайки этим не создавали, а дело ограничивали таким образом, что все то, что делали члены союза, старались проводить в жизнь общественно. Например, каждый комсомолец ежедневно ходит купаться. В Одессе, вместо того, чтобы каждый ходил отдельно, установили правило, что все ходят купаться вместе, и это было лучшей спайкой. Конечно, не в каждом городе есть море, и не везде можно себе позволить это, но необходимо подчеркнуть, что наша корпоративность должна заключаться прежде всего в том, чтобы организовать то, что является простой повседневной потребностью.

Комсомольские традиции.

Теперь несколько слов о том, на чем нужно было бы больше всего остановиться. Наш союз сможет развить это чувство общественности, сможет создать спайку лишь в том случае, если помимо общей революционности и общих классовых традиций, которые мы должны развивать и всячески поощрять и укреплять, мы в союзе сумеем создать свои специальные комсомольские традиции, свои специальные комсомольские обычаи и т. д. У нас, в Москве, есть Красная Пресня. Спросите Красно-Пресненский район нашего союза, много ли там учли тех товарищей, которые когда-то, будучи молодыми рабочими, принимали участие в знаменитых Красно-Пресненских событиях, для того, чтобы их выставлять в районе, как героев этого района. А между тем, это необходимая вещь, — выставлять каждой организации героя этой организации. Это—лучший подход для соревнования, так как в массе это накопление союзных традиций приводит к укреплению и связи с организацией в целом.

Совершенно правильно, товарищи, если бы мы, например, во всероссийском масштабе распропагандировали хотя бы Смородина, как вождя рабочей молодежи. И уверяю вас, что кроме пользы, от этого ничего бы не было, потому что конкретность есть лучшая форма, и мы бы конкретно говорили о наших вождях, а не о каком-то ЦК. Прийти к молодому рабочему и сказать: «ЦК рабочей молодежи»—мало, а сказать, что такой то парень, имеющий такие-то заслуги, сделал то-то и то-то, а вместе с ним другой и третий, это уже конкретность, конкретность понятия о ЦК.

Пролетарская общественность.

Тов. Касименко (Украина).—Необходимо, говоря о коммунистическом воспитании молодежи в условиях новой экономической политики, особенно долго и особенно вдумчиво остановиться на самой основной проблеме, которая, по

нашему мнению, стоит при создании целостной системы этого коммунистического воспитания. Это — проблема создания пролетарской общественности в нашем союзе.

Когда мы на прошлой всероссийской конференции выступали с предложениями об этой общественности, то были некоторые придирки, в смысле того, что общественность—якобы простой лишь термин, просто лишь слово, не больше, не меньше. Я считаю, что особенно последний период нашей работы, летом, особенно наша массовая демонстрация во время пятилетия нашей организации, во время международного юношеского дня, и то оживление, которое мы наблюдали в союзе, как нельзя лучше доказали необходимость этого лозунга,—лозунга создания пролетарской общественности в нашем союзе. Именно, этот лозунг—квинт-эссенция всего того «нового», что привнесено в нашу политико-просветительную работу. Общественность есть квинт-эссенция всех новых методов. Чем страдала и чем страдает наша работа, чего у нас нет? Нет коллективной жизни нашей организации. У нас нет этой коллективной жизни, без которой нет и основной воспитательной среды, и без этого невозможно формирование коммуниста из того молодого рабочего, который руководился революционным инстинктом, революционным энтузиазмом, приходя в наш союз. Общественность—это есть та идея, которая зашивает все прорехи в нашей воспитательной работе.

Можно привести несколько практических примеров. Мы имеем на Украине нашу гордость, нашу лучшую организацию—Одесскую. Она в политически-просветительной области, может быть, делает меньше, чем другие губернии, но благодаря тому, что там, начиная с ячейки, кончая клубами, есть эта живая, бьющая общественность, эта спайка между членами союза (не искусственно созданная, а благодаря тому, что весь курс работы был направлен на создание этой общественности), благодаря этому, там от небольшой по размерам работы получается чрезвычайно большой результат. Конечно, до сих пор мы у себя на Украине не добились того, чтобы у нас общественность была сверху донизу в нашем союзе. Мы имеем довольно пеструю картину: в одних местах общественность была сильно развита в ячейках, в этих основных звеньях наших организаций, в других местах клубы живут коллективной жизнью. Сейчас, в связи с тем, что наступает самая пора углубления политической работы, мы взяли основной курс на общественность, тем более, что сюда необходимо отнести еще одно обстоятельство — роль общественности в борьбе с мелко-буржуазной идеологией. Только тогда,

когда члены союза получают от общества впечатления, формируются и развертываются в силу тех воздействий, которые оказывает на них коллектив,—только тогда они могут быть изолированы от мелко-буржуазной стихии, а если не изолированы, то поставлены в такие условия, что вместе с коллективом борются активно с мелко-буржуазной стихией за создание новых форм жизни. Мы должны стремиться к тому, чтобы в коллектив перенести личную жизнь союза и организовать удовлетворение всех потребностей молодых рабочих в нашем союзе. Но те десятитысячные демонстрации, которые прошли, факельные демонстрации у ресторанов с митингами против нэпманов (а не новой экономической политики), это все, может быть, неуклюже, может быть, по сравнению с тем, что должно быть, цена этому ломаный грош, но, во всяком случае, они вызывают могущественное действие в смысле формирования нужной психологии у членов союза.

Тов. Хитаров.—Мне хотелось подчеркнуть место о коммунистической морали, о нормах поведения коммуниста.

Возьмем пример с германских товарищей.

Какая в этом смысле громаднейшая разница между РКСМ и, например, германской организацией: ибо, товарищи, как ставился в РКСМ этот вопрос? Сколько бы нам ни рассказывали, что в РКСМ уже давно ставился вопрос, что не надо курить и т. д., я, во всяком случае, знаю, что у нас этот вопрос в течение последних лет рассматривался, как вопрос совершенно ненужный, во всяком случае, чрезвычайно второстепенный. И это было понятно. Там вопрос о коммунистической морали играет колоссальную роль, там само собой разумеется, что активный работник, занимающий хотя бы самый незначительный пост, не пьет и не курит. О курении там законы еще не так строги, но насчет питья там поступают весьма строго, и не задумываются вышвырнуть из организации хоть сколько-нибудь ответственного работника, если он пьет. Это революционная традиция в Германии. Точно так же нужно поставить вопрос в РКСМ. Здесь один товарищ заявил о марксистской линии в половом вопросе, а кругом смеялись. Но этого не следовало делать. Марксист не только тот, кто знает законы обращения капитала. Марксист—революционер и коммунист. Воспитать таких коммунистов—важнейшая задача союза.

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА ТОВ. БУХАРИНА

О методах создания общественности.

Тов. Бухарин.—Тов. Тарханов выставил против некоторых моих утверждений аргумент, что я предлагаю образовать насильственно кружки, а не искусственно, когда комсомолец идет купаться не один, а в компании. Я должен отдать справедливость тов. Тарханову, вряд ли можно найти комсомольца, который в грустном уединении идет купаться. Но я никогда не говорю, что нужно искусственно, силком тащить в кружки. Я не говорю, что нужно запереть десять человек в комнату, и пускай они там играют в шахматы. А тов. Тарханов это дело так изображает. Наоборот, я думаю и говорю о том, что надо развязывать целый ряд влечений, которые существуют, и на основе этих влечений формировать кружки и другие организации. Всякое регулирование, давление—это обязанность каждой организации, это определенный признак руководства, который состоит в том, что вы, опираясь на тенденцию движения, его усиливаете. Точно так же и здесь. Наоборот, возражая против искусственности, мой оппонент сам-то выдумал самую искусственную вещь—это культ отдельных лиц вашего ЦК, и это уже не корпоративная, а прямо индивидуалистическая точка зрения...

Н. Ленин

ВЕЛИКИЙ ПОЧИН

(О героизме рабочих в тылу. По поводу коммунистических субботников).

Коммунистическое строительство.

Естественно и неизбежно, что первое время после пролетарской революции нас занимает более всего главная и основная задача: преодоление сопротивления буржуазии, победа над эксплоататорами, подавление их заговора (в роде «заговора рабовладельцев» о сдаче Питера, в каковом заговоре участвовали все, от черной сотни и кадетов до меньшевиков и эс-эров включительно). Но рядом с этой задачей столь же неизбежно выдвигается—и чем дальше, тем больше—более существеннейшая задача положительного коммунистического строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества.

Диктатура пролетариата, как мне приходилось уже не раз указывать, между прочим, и в речи 13-го мая на заседании Петроградского Совдепа, не есть только насилие над эксплоататорами и даже не главным образом насилие. Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда, по сравнению с капитализмом. В этом суть. В этом источник силы и залог неизбежной полной победы коммунизма.

Капиталистический и коммунистический труд.

Крепостническая организация общественного труда держалась на дисциплине палки, при крайней темноте и забитости трудящихся, которых грабила и над которыми издевалась горстка помещиков. Капиталистическая организация общественного труда держалась на дисциплине голода, и громадная масса трудящихся, несмотря на весь прогресс буржуазной культуры и буржуазной демократии, оставалась в самых передовых, цивилизованных и демократических респу-

бликах темной и забитой массой наемных рабов или задавленных крестьян, которых грабила и над которыми издевалась горстка капиталистов. Коммунистическая организация общественного труда, к которой первым шагом является социализм, держится и, чем дальше, тем больше будет держаться, на свободной и сознательной дисциплине самих трудящихся, свергнувших иго как помещиков, так и капиталистов.

Эта новая дисциплина не с неба сваливается и не из добреньких пожеланий рождается, она вырастает из материальных условий крупного капиталистического производства, только из них. Без них она невозможна. А носителем этих материальных условий или проводником их является определенный исторический класс, созданный, организованный, сплоченный, обученный, просвещенный, закаленный крупным капитализмом. Этот класс—пролетариат.

От диктатуры пролетариата к коммунизму.

Диктатура пролетариата, если перевести это латинское, научное, историко-философское выражение на более простой язык, означает вот что: только определенный класс, именно, городские и вообще фабрично-заводские, промышленные рабочие в состоянии руководить всей массой трудящихся и эксплоатируемых в борьбе за свержение ига капитала, в ходе самого свержения, в борьбе за удержание и укрепление победы, в деле созидания нового, социалистического общественного строя, во всей борьбе за полное уничтожение классов. (Заметим в скобках: научное различие между социализмом и коммунизмом только то, что первое слово означает первую ступень вырастающего из капитализма нового общества, второе слово—более высокую, дальнейшую ступень его).

Ошибка Бернского желтого Интернационала состоит в том, что его вожди признают только на словах классовую борьбу и руководящую роль пролетариата, боясь додумывать до конца, боясь как раз того неизбежного вывода, который особенно страшен для буржуазии и абсолютно неприемлем для нее. Они боятся признать, что диктатура пролетариата есть тоже период классовой борьбы, которая неизбежна, пока не уничтожены классы, и которая меняет свои формы, становясь первое время после свержения капитала особенно ожесточенной и особенно своеобразной. Завоевав политическую власть, пролетариат не прекращает классовой борьбы, а продолжает ее—впредь до уничтожения классов, но, разумеется, в иной обстановке, в иной форме, иными средствами.

А что это значит «уничтожение классов»? Все, называющие себя социалистами, признают эту конечную цель социализма, но далеко не все вдумываются в ее значение. Классами

называются большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большею частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а, следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы—это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства.

Ясно, что для полного уничтожения классов надо не только свергнуть эксплоататоров, помещиков и капиталистов, не только отменить их собственность, надо отменить еще и всякую частную собственность на средства производства, надо уничтожить как различие между городом и деревнею, так и различие между людьми физического и людьми умственного труда. Это—дело очень долгое. Чтобы его совершить, нужен громадный шаг вперед в развитии производительных сил, надо преодолеть сопротивление (часто пассивное, которое особенно упорно и особенно трудно поддается преодолению) многочисленных остатков мелкого производства, надо преодолеть громадную силу привычки и косности, связанной с этими остатками.

Предполагать, что все «трудящиеся» одинаково способны на эту работу, было бы пустейшей фразой или иллюзией допотопного, домарксовского социалиста. Ибо эта способность не дана сама собой, а вырастает исторически и вырастает только из материальных условий крупного капиталистического производства. Этой способностью обладает, в начале пути от капитализма к социализму, только пролетариат. Он в состоянии совершить лежащую на нем гигантскую задачу, во-первых, потому, что он самый сильный и самый передовой класс цивилизованных обществ, во-вторых, потому, что в наиболее развитых странах он составляет большинство населения, в третьих, потому, что в отсталых капиталистических странах, в роде России, большинство населения принадлежит к пролетариям или полупролетариям, т. е. к людям, постоянно проводившим часть года по-пролетарски, постоянно снискивавшим себе пропитание, в известной части, работой по найму в капиталистических предприятиях.

Кто пытается решать задачи перехода от капитализма к социализму, исходя из общих фраз о свободе, равенстве, демократии вообще, равенстве трудовой демократии и т. п. (как это делают Каутский, Мартов и другие герои Бернского желтого Интернационала), те только обнаруживают этим свою

природу мелких буржуа, филистеров, мещан, рабски плетущихся в идейном отношении за буржуазией. Правильное решение этой задачи может дать только конкретное изучение особых отношений между завоевавшим политическую власть особым классом, именно пролетариатом, и всей непролетарской, а также полупролетарской массой трудящегося населения, при чем эти отношения складываются не в фантастически гармоничной, «идеальной» обстановке, а в реальной обстановке бешеного и многообразного сопротивления со стороны буржуазии.

Громадное большинство населения в любой капиталистической стране, в том числе и в России,—а трудящегося населения и подавно —тысячи раз испытало на себе и на своих близких гнет капитала, грабеж с его стороны, всякого рода надругательства. Империалистическая война, т. е. убийство десяти миллионов людей для решения вопроса о том, английскому или германскому капиталу получить первенство в грабеже всего мира, необычайно обострила, расширила, углубила эти испытания, заставила осознать их. Отсюда неизбежное сочувствие громадного большинства населения и особенно массы трудящихся к пролетариату, за то, что он с геройской смелостью, с революционной беспощадностью свергает иго капитала, свергает эксплоататоров, подавляет их сопротивление, кровью своей пробивает дорогу к созданию нового общества, в котором не будет места эксплоататорам.

Как ни велики, как ни неизбежны мелко-буржуазные шатания и колебания назад, в сторону буржуазного «порядка», под «крылышко» буржуазии. со стороны непролетарских и полупролетарских масс трудящегося населения, тем не менее, они все же не могут не признавать морально-политического авторитета за пролетариатом, который не только свергает эксплоататоров и подавляет их сопротивление, но который также строит новую, более высокую общественную связь, общественную дисциплину — дисциплину сознательных и об'единенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного об'единения, их собственного, более сознательного, смелого, сплоченного, революционного, выдержанного авангарда.

Основная задача пролетариата.

Чтобы победить, чтобы создать и упрочить социализм, пролетариат должен решить двоякую или двуединую задачу: во-первых, увлечь своим беззаветным героизмом революционной борьбы против капитала всю массу трудящихся и эксплоатируемых, увлечь ее, организовать ее, руководить ею для свержения буржуазии и полного подавления всякого с ее стороны сопротивления; во-вторых, повести за собой всю массу

трудящихся и эксплоатируемых, а также все мелко-буржуазные слои, на путь нового хозяйственного строительства, на путь создания новой общественной связи, новой трудовой дисциплины, новой организации труда, соединяющей последнее слово науки и капиталистической техники с массовым об'единением сознательных работников, творящих крупное социалистическое производство.

Эта вторая задача труднее первой, ибо она ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы. Но эта задача и более существенна, чем первая, ибо в последнем счете самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неот'емлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства, замена капиталистического и мелкобуржуазного производства крупным социалистическим производством.

Коммунистические субботники.

«Коммунистические субботники» именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни.

«Коммунистические субботники» потому так важны, что начали их рабочие, вовсе не поставленные в исключительно хорошие условия, а рабочие разных специальностей, в том числе и рабочие без специальности, чернорабочие, поставленные в обычные, т. е. самые тяжелые условия. Мы все хорошо знаем основное условие падения производительности труда, которое наблюдается не в одной России, а во всем свете: разорение и обнищание, озлобление и усталость, вызванные империалистической войной, болезни и недоедание. Последнее занимает первое по важности место. Голод—вот причина. А чтобы устранить голод, нужно повышение производительности труда и в земледелии, и в транспорте, и в промышленности. Получается, следовательно, какой-то порочный круг: чтобы поднять производительность труда, надо спастись от голода, а чтобы спастись от голода, надо поднять производительность труда.

Известно, что подобные противоречия разрешаются на практике прорывом этого порочного круга, переломом настроения масс, геройской инициативой отдельных групп, которая на фоне такого перелома играет нередко решающую роль. Московские чернорабочие и московские железнодорож-

ники (конечно, имея в виду большинство, а не горстки спекулянтов, управленцев и т. п. белогвардейцев), это—трудящиеся, которые живут в условиях отчаянно трудных. Недоедание постоянное, а теперь, перед новым урожаем, при общем ухудшении продовольственного положения, прямо голод. И вот эти голодные рабочие, окруженные злостной контр-революционной агитацией буржуазии, меньшевиков и эс-эров, устраивают «коммунистические субботники», работают сверхурочно без всякой платы и достигают громадного повышения производительности труда, несмотря на то, что они устали, измучены, истощены недоеданием. Разве это не начало поворота, имеющего всемирно-историческое значение?

Самоотверженный труд — начало коммунизма.

Производительность труда, это, в последнем счете, самое важное, самое главное для победы нового общественного строя. Капитализм создал производительность труда, невиданную при крепостничестве. Капитализм может быть окончательно побежден и будет окончательно побежден тем, что социализм создаст новую, гораздо более высокую производительность труда. Это—дело очень трудное и очень долгое, но оно начато, вот в чем самое главное. Если в голодной Москве летом 1919 года голодные рабочие, пережившие тяжелых четыре года империалистической войны, затем полтора года еще более тяжелой гражданской войны, смогли начать это великое дело, то каково будет развитие дальше, когда мы победим в гражданской войне и завоюем мир?

Коммунизм есть высшая, против капиталистической, производительность труда добровольных, сознательных, об'единенных, использующих передовую технику, рабочих. «Коммунистические субботники» необыкновенно ценны, как фактическое начало коммунизма, а это громадная редкость, ибо мы находимся на такой ступени, когда «делаются лишь первые шаги к переходу от капитализма к коммунизму» (как сказано, совершенно справедливо, в нашей партийной программе).

Коммунизм начинается там, где появляется самоотверженная, преодолевающая тяжелый труд забота рядовых рабочих об увеличении производительности труда, об охране каждого пуда хлеба, угля, железа и других продуктов, достающихся не работающим лично и не их «ближним», а «дальним», т. е. всему обществу в целом, десяткам и сотням миллионов людей, об'единенных сначала в одно социалистическое государство, потом в союз советских республик.

Вместо пышных фраз— будничное дело.

Карл Маркс в «Капитале» издевается над пышностью и велеречивостью буржуазно-демократической великой хартии вольностей и прав человека, над всем этим фразерством о свободе, равенстве, братстве *вообще*, которое ослепляет мещан и филистеров всех стран, вплоть до нынешних подлых героев подлого Бернского Интернационала. Маркс противопоставляет этим пышным декларациям прав простую, скромную, деловую, будничную постановку вопроса пролетариатом: государственное сокращение рабочего дня, вот один из типичных образчиков такой постановки. Вся меткость и вся глубина замечания Маркса обнаруживается перед нами тем очевиднее, чем больше развертывается содержание пролетарской революции. «Формулы» настоящего коммунизма отличаются от пышного, ухищренного, торжественного фразерства Каутских, меньшевиков и эс-эров с их милыми «братцами» из Берна именно тем, что они сводят все к *условиям труда*. Поменьше болтовни о «трудовой демократии», о «свободе, равенстве, братстве», о «народовластии» и тому подобном: сознательный рабочий и крестьянин наших дней в этих надутых фразах так же легко отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейский опытный человек, глядя на безукоризненно «гладкую» физиономию и внешность «благородного человека», сразу и безошибочно определяет: «по всей вероятности, мошенник».

Поменьше пышных фраз, побольше простого, *будничного* дела, заботы о пуде хлеба и пуде угля! Побольше заботы о том, чтобы эти необходимые голодному рабочему и оборванному, раздетому крестьянину пуд хлеба и пуд угля доставались *не торгашескими* сделками, не капиталистически, а сознательной, добровольной, беззаветно-героической работой простых тружеников, вот таких, как чернорабочие и железнодорожники Московско-Казанской железной дороги.

Мы должны все признать, что следы буржуазно-интеллигентского, фразистого подхода к вопросам революции обнаруживаются на каждом шагу повсюду, в том числе и в наших рядах. Наша печать, например, мало ведет войны с этими гнилыми остатками гнилого, буржуазно-демократического прошлого, мало поддерживает простые, скромные, будничные, но живые ростки подлинного коммунизма.

Положение женщины.

Возьмите положение женщины. Ни одна демократическая партия в мире ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала в этом отношении и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили в подлинном смысле слова камня на

камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п.,—законов, остатки которых многочисленны во всех цивилизованных странах, к позору буржуазии и капитализма. Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области. Но чем чище очистили мы почву от хлама старых, буржуазных, законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка.

Женщина продолжает оставаться домашней рабыней, несмотря на все освободительные законы, ибо ее давит, душит, отупляет, принижает мелкое домашнее хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею. Настоящее освобождение женщины, настоящий коммунизм начнется только там и тогда, где и когда начнется массовая борьба (руководимая владеющим государственной властью пролетариатом) против этого мелкого домашнего хозяйства, или, вернее, массовая перестройка его в крупное социалистическое хозяйство.

Внимание и забота росткам коммунизма.

Достаточно ли внимания уделяем мы на практике этому вопросу, который теоретически бесспорен для каждого коммуниста? Конечно, нет. Достаточно ли заботливо относимся мы к росткам коммунизма, уже теперь имеющимся в этой области? Еще раз, нет и нет. Общественные столовые, ясли, детские сады—вот образчики этих ростков, вот те простые будничные, ничего пышного, велеречивого, торжественного не предполагающие средства, которые на деле способны освободить женщину, на деле способны уменьшить и уничтожить ее неравенство с мужчиной, по ее роли в общественном производстве и в общественной жизни. Эти средства не новы, они созданы (как и все вообще материальные предпосылки социализма) крупным капитализмом, но они оставались при нем, во-первых, редкостью, во-вторых, что особенно важно, либо торгашескими предприятиями, со всеми худшими сторонами спекуляции, наживы, обмана, подделки, либо «акробатством буржуазной благотворительности», которую лучшие рабочие по справедливости ненавидели и презирали.

Нет сомнения, что у нас стало гораздо больше этих учреждений и что они начинают менять свой характер. Нет сомнения, что среди работниц и крестьянок имеется во много раз больше, чем нам известно, организаторских

талантов, людей, обладающих умением наладить практическое дело, с участием большого числа работников и ещё большего числа потребителей, без того обилия фраз, суетни, свары, болтовни о планах, системах и т. п., чем «болеет» постоянно мнящая о себе непомерно много «интеллигенция» или скороспелые «коммунисты». Но мы не ухаживаем, как следует, за этими ростками нового.

Посмотрите на буржуазию. Как великолепно она умеет рекламировать то, что ей нужно! Как «образцовые», в глазах капиталистов, предприятия расхваливаются в миллионах экземпляров их газет, как из «образцовых» буржуазных учреждений создается предмет национальной гордости. Наша пресса не заботится, или просто совсем не заботится, о том, чтобы описывать наилучшие столовые или ясли, чтобы ежедневными настояниями добиваться превращения некоторых из них в образцовые, чтобы рекламировать их, описывать подробно, какая экономия человеческого труда, какие удобства для потребителей, какое сбережение продукта, какое освобождение женщины из-под домашнего рабства, какое улучшение санитарных условий достигается при образцовой коммунистической работе, может быть достигнуто, может быть распространено на все общество, на всех трудящихся.

Образцовое производство, образцовые коммунистические субботники, образцовая заботливость и добросовестность при добыче и распределении каждого пуда хлеба, образцовые столовые, образцовая чистота такого-то рабочего дома, такого-то квартала,—все это должно составить вдесятеро больше, чем теперь, предмет внимания и заботы как нашей прессы, так и каждой рабочей и крестьянской организации. Все это— ростки коммунизма, и уход за этими ростками наша общая и первейшая обязанность.

Надо хорошенько продумать значение «коммунистических субботников», чтобы извлечь из этого великого почина всей громадной важности практические уроки, которые из них вытекают.

„Что можно назвать коммунистическим"

Всесторонняя поддержка этого почина—первый и главный урок. Слово «коммуна» у нас стало употребляться слишком легко. Всякое предприятие, заводимое коммунистами или при их участии, сплошь и рядом сразу уже об'является «коммуной»,—и при этом нередко забывается, что столь почетное название надо завоевать долгим и упорным трудом, завоевать доказанным практическим успехом в строительстве действительно коммунистическом.

В этом отношении «коммунистические субботники»—самое ценное исключение. Ибо здесь чернорабочие и железнодо-

рожные рабочие Московско-Казанской железной дороги сначала показали на деле, что они способны работать, как коммунисты, а потом присвоили своему почину звание «коммунистических субботников».

Надо добиваться и добиться, чтобы это и впредь было так, чтобы все и каждый, кто называет свое предприятие, учреждение или дело коммуной, не доказывая тяжелым трудом и практическим успехом долгого труда, образцовой и действительно коммунистической постановкой дела, высмеивался беспощадно и предавался позору, как шарлатан или пустомеля.

Коммунистической работой завоюем крестьянство.

«Коммунистические субботники», между прочим, пролили необыкновенно яркий свет на классовый характер аппарата государственной власти при диктатуре пролетариата.

ЦК партии пишет письмо о «работе по-революционному». Мысль подана Центральным Комитетом партии в 100—200 тысяч членов (предполагаю, что столько останется после серьезной чистки, ибо теперь больше).

Мысль подхвачена профессионально-организованными рабочими. Их числится у нас, в России и на Украине, до 4 милл. человек. Они в гигантском большинстве за пролетарскую государственную власть, за диктатуру пролетариата. 200.000 и 4.000.000—вот соотношение «зубчатых колес», если позволительно так выразиться.

А дальше идут десятки миллионов крестьянства, которое распадается на три главные группы: самая многочисленная и самая близкая к пролетариату, полупролетарии или беднота; затем среднее крестьянство; наконец, весьма немногочисленная—кулаки или деревенская буржуазия.

Пока остается возможность торговать хлебом и спекулировать на голоде, крестьянин остается (и это неизбежно на известный период времени при диктатуре пролетариата) полутружеником, полуспекулянтом. Как спекулянт, он враждебен нам, враждебен пролетарскому государству, он склонен соглашаться с буржуазией и ее лакеями, вплоть до меньшевика Шера или эс-эра Б. Черненкова, стоящими за свободу торговли хлеба. Но, как труженик, крестьянин—друг пролетарского государства, вернейший союзник рабочего в борьбе против помещиков и против капиталиста. Как труженик, крестьянин своей громадной многомиллионной массой поддерживает ту «машину» государства, которая возглавляется сотней-другой тысяч коммунистического пролетарского авангарда и состоит из миллионов организованных пролетариев.

Более демократического, в истинном смысле слова, более тесно связанного с трудящимися и эксплоатируемыми массами государства на свете еще не было.

Именно такая пролетарская работа, которая знаменуется «коммунистическими субботниками» и проводится в жизнь ими, несет с собой окончательное укрепление уважения и любви к пролетарскому государству со стороны крестьянства. Такая работа, и только она, окончательно убеждает крестьянина в нашей правоте коммунизма, делает крестьянина беззаветным нашим сторонником. а это значит: ведет к полному преодолению продовольственных трудностей, к полной победе коммунизма над капитализмом в вопросе о производстве и распределении хлеба, ведет к безусловному упрочению коммунизма.

Написано 28-го июня 1919 г.

ПРОСВЕЩЕНИЕ И ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ

(Из речи на VIII С'езде Советов).

Мне пришлось не очень давно быть на одном крестьянском празднике в отдаленной местности Московской губернии, в Волоколамском уезде, где у крестьян имеется электрическое освещение. На улице был устроен митинг, и вот один из крестьян вышел и стал говорить речь, в которой он приветствовал это новое событие в жизни крестьян. Он говорил, что мы, крестьяне, были темны, и вот теперь у нас появился свет, «неестественный свет, который будет освещать нашу крестьянскую темноту». Я лично не удивился этим словам. Конечно, для беспартийной крестьянской массы электрический свет есть свет неестественный, но для нас неестественно то, что сотни, тысячи лет могли жить крестьяне и рабочие в такой темноте, в нищете, в угнетении у помещиков и капиталистов. Из этой темноты скоро не выскочишь! Но нам надо добиться в настоящий момент, чтобы каждая электрическая станция, построенная нами, превращалась действительно в опору просвещения, чтобы она занималась, так сказать, электрическим образованием масс. У нас есть разработанный план электрификации, но выполнение этого плана рассчитано на годы. Мы, во что бы то ни стало, должны этот план осуществить и срок его выполнения сократить. Здесь должно быть то же самое, что произошло с одним из наших первых

хозяйственных планов, с планом восстановления транспорта—приказом № 1042, который был рассчитан на 5 лет, но уже теперь сокращен до 3½ лет, так как выполняется сверх нормы.

Но нужно знать и помнить, что провести электрификацию нельзя, когда у нас есть безграмотные. Мало того, что наша комиссия будет стараться ликвидировать безграмотность. Ею сделано много в сравнении с тем, что было, но мало в сравнении с тем, что нужно. Кроме грамоты нужны культурные, сознательные, образованные трудящиеся; нужно, чтобы большинство крестьян определенно представляло себе те задания, которые стоят перед нами. Эта программа партии должна стать основной книжкой, которая должна пойти во все школы. Вы получите в ней, рядом с общим планом проведения электрификации, специальные планы, написанные для каждого района России. Каждый товарищ, который поедет на места, будет иметь определенную разработку проведения электрификации в его районе, перехода из темноты к нормальному существованию. Можно и должно на месте сравнивать, разрабатывать, проверять данные вам положения, добиваясь того, чтобы в каждой школе, в каждом кружке на вопрос, что такое коммунизм, отвечали не только то, что написано в программе партии, а также говорили о том, как выйти из состояния темноты.

Лучшие работники, хозяйственники-специалисты исполнили данное им задание по выработке плана электрификации России и восстановления ее хозяйства. Теперь нужно добиться того, чтобы рабочие и крестьяне знали, как велика и трудна эта задача, как к ней нужно приступить и как за нее взяться.

Надо добиться того, чтобы каждая фабрика, каждая электрическая станция превратилась в очаг просвещения, и если Россия покроется густою сетью электрических станций и мощных технических оборудований, то наше коммунистическое хозяйственное строительство станет образцом для грядущей социалистической Европы и Азии.

О КОМЧВАНСТВЕ

(Из отчета ЦК на XI с'езде РКП).

Не успокаиваться на том, что везде ответственные и лучшие коммунисты в государственных трестах и смешанных обществах, толку от этого нет никакого, потому что они не умеют хозяйничать и хуже рядового капиталистического приказчи-

ка, прошедшего школу крупной фабрики и крупной фирмы. Этого мы не сознаем, тут осталось коммунистическое чванство, комчванство, выражаясь тем же великим русским языком. Коммунист и лучший заведомо честный, и преданный, который каторгу выносил и смерти не боялся, а торговли он вести не умел, потому что он не делец и этому не учился, и не хочет учиться, и не понимает, что с азов должен учиться. Он, коммунист, революционер, сделавший величайшую в мире революцию, он, на которого смотрят, если не сорок пирамид, то сорок европейских стран с надеждой на избавление от капитализма, он должен учиться от рядового приказчика, который бегал в лабазе десять лет, который это дело знает, а он, ответетвенный коммунист и преданный революционер, не только этого не знает, но даже не знает и того, что этого не знает.

И вот мы, товарищи, должны с этого с'езда уйти с убеждением, что мы этого не знали, и будем учиться с азов. Все-таки мы не перестали быть революционерами, хотя многие говорят, что мы обюрократились. Мы должны понять ту простую вещь, что в новом, необыкновенно трудном деле надо уметь начинать с начала несколько раз. Начали, уперлись в тупик, начинай снова, и так десять раз переделывай, но добейся своего, не важничай, не чванься, что ты коммунист, а там какой-то приказчик беспартийный, а может быть, белогвардеец (и наверное, белогвардеец), но он умеет делать дело, которое экономически надо сделать во что бы то ни стало, а ты не умеешь. Если ты ответственный коммунист, сотни чинов и званий, и «кавалера» коммунистического и советского имеешь, если ты это поймешь, тогда ты своей цели достигнешь, ибо научиться этому можно.

Е. Преображенский

КЛАССОВЫЕ НОРМЫ ПРОЛЕТАРИАТА ПОСЛЕ ЗАВОЕВАНИЯ ВЛАСТИ

Пролетариат у власти. Он достиг той из своих целей, которой была подчинена его борьба и слагавшиеся в процессе этой борьбы классовые нормы. Теперь положение существеннейшим образом изменилось. Поскольку чисто политическая борьба еще не кончилась и перенеслась территориально на другую арену, остаются в силе все те нормы и все те навыки, которые нужны для сплочения класса и дальнейших побед. Но часть этих норм уже закреплена в законодательстве Советского государства, превратилась в советское право. В то же время созданные им боевые классовые организации, профсоюзы и партия также отчасти превратились в столбы его государственного здания. Но в новых условиях его нормы пополняются новыми образованиями. Какие это новообразования?

Трудовая дисциплина.

Начнем с трудовой дисциплины. В буржуазном обществе рабочий не заинтересован в поднятии производства и увеличении выработки за ту же заработную плату. Больше он выработает, больше получит хозяин, больше растратит на роскошь, больше отдаст буржуазному государству и его прихлебателям, больше сгноит при промышленном кризисе перепроизводства, больше загубит, наконец, бессмысленно в очередной империалистической войне. Откуда здесь взяться трудовому энтузиазму, откуда и зачем могли бы возникнуть самопроизвольные трудовые нормы у работающего пролетариата при капиталистическом строе? Даже в тех редких случаях, когда у трудящихся просыпается непроизвольно энтузиазм

к труду [1]), этот предвестник будущего свободного труда всех для всех, им еще ясней практическая бесполезность этого порыва перед лицом эксплоататорских пиявок, в карманы которых неизменно текут все плоды бескорыстного трудового вдохновения. Рабочему приходится тогда не вырабатывать свою собственную добровольную дисциплину труда, а обороняться от навязанной ему извне принудительной трудовой дисциплины. Она поддерживается капиталистом и посредством подчинения работника надзору надсмотрщиков всякого рода, и системой заработной платы, и заинтересованностью в прибылях предприятия, и увольнением за небрежность в работе и т. д. Но капиталистическое общество не довольствуется этим: оно пытается залезть в душу рабочего и посадить там у него внутреннего надсмотрщика, в виде принципов своей морали, принципов своих хозяйских взглядов на производственный процесс и на обязанности рабочего. И заграницей капиталисты достаточно успели в этом деле. Стоит лишь вспомнить о психологии среднего английского трэд-юниониста или члена американской Гомперсоновской конференции.

С этой стороны сознание рабочего в капиталистическом обществе представляет из себя постоянное поле сражения между нормами и представлениями, навязываемыми пролетарию буржуазными эксплоататорами, и нормами, которые диктует ему его классовый интерес, не считаясь с тем, как это отразится на производстве. Когда же пролетариат становится у власти, когда он с чувством глубочайшего облегчения освобождается от капиталистических норм и всего буржуазного наследства в этой области, он немедленно должен перейти к выработке своих собственных классовых норм, регулирующих хозяйственный процесс на заводе и в цехе. Отношение к хозяйственному процессу теперь у него меняется в корне. Стачкой он добивался для себя большей доли из продукта своего труда. Теперь большую долю он может получить, если сам больше создаст. Отношение к стачке меняется также. Теперь стачка рабочих на предприятиях рабочего государства недопустима. Нормы, создавшиеся вокруг стачки, энергия, которая шла на этот способ борьбы, трансформируется в корне. Там, где для улучшения жизни рабочих служила стачка, теперь должна служить новая, добровольная, освещенная классовым сознанием общетоварищеская трудовая дисциплина. Эта дисциплина у нас родилась уже: она развивается и крепнет; она должна распространиться не только на всех рабочих, но и на всех служащих, специалистов и т. д. Эти

[1]) См. прекрасное описание одного из таких эпизодов в „Автобиографических рассказах“ Горького („Красная Новь“, март, стр. 15).

слои должны подчиняться производственным нормам рабочего класса. Трансформируются все отношения рабочего к имуществу фабрики, которая теперь рабочая, к аккуратности и точности в работе, к прогулам и т. д. Уже теперь в Советской России отношение нашего рабочего к своей фабрике и к результатам своего труда сильнейшим образом отличается от того, что наблюдается на капиталистических фабриках заграницей.

Но этот процесс изменения норм рабочего-раба в нормы рабочего-хозяина происходит не сразу и требует известного времени. Старые привычки и представления будут давать о себе знать не один год после победы пролетарской революции. Вот один красочный пример такого рода. В Москве на одной портняжной фабрике заведующий фабрикой при переработке новой партии сырья, требовавшей в одном отделении более высокой квалификации, заменил там одного работника другим, более подходящим. Тогда этого последнего часть рабочих назвала штрейкбрехером. Я не буду здесь рассказывать, чем кончилось это весьма интересное с принципиальной стороны дело, но из сказанного уже видно одно: как силен еще автоматизм старых пролетарских норм, представлений и способов выражения, в какое резкое противоречие со всем строем нашей государственной промышленности вступают эти старые представления. Ведь теперь штрейкбрехер, с точки зрения общепролетарских интересов, это тот, кто портит производство; штрейкбрехер в обстановке пролетарской власти превратился в «трудбрехера». Таковым же в нашем примере является отнюдь не второй рабочий.

Формирование нового человека.

В непосредственной связи с этим вопросом стоит также более общий вопрос о формировании нового человека для нового общества. Советская Россия вплотную подошла к этому вопросу. Перед какой огромной проблемой мы здесь стоим, показывает опыт военного коммунизма и Нэп'а. Стимулами к труду в капиталистическом обществе, как мы уже говорили, является для рабочего и служащего, кроме общеэкономического принуждения (не пойдешь на фабрику работать—с голоду помрешь), сооответствующая ситема заработной платы. Рабочий капиталистической фабрики, как правило, мелко-буржуазного происхождения. Если он сам в большинстве сын или внук рабочего, то прадед его почти всегда бывший ремесленник или разорившийся крестьянин. Капиталист поощряет в нем чисто индивидуалистические стимулы к труду (больше заработаешь—больше получишь), и, поскольку развитие техники не препятствует этому, он в основу трудового нажима на рабочего кладет сдельную заработную плату. Поэтому

рабочий класс входит в революцию и начинает строительство нового хозяйства, будучи глубоко испорченным капитализмом в этом отношении. В сущности, капитализм не столько сам создал индивидуалистические стимулы к труду, сколько использовал мелко-буржуазное наследство в психике самого рабочего. Эти стимулы к тому же гармонируют со всей социальной психологией и бытом капиталистического периода вообще. С этим-то наследством нам пришлось налаживать хозяйство в период военного коммунизма. Многие неудачи наши тогда об'яснялись военными и экономическими причинами, но одну из главных причин надо видеть также и в том, что за новое хозяйство, на основе новых принципов, взялся старый человек. Прыжок же сразу вперед был сделан огромный, и быстро подогнать психику старого рабочего к новому строю мы в год—два не могли. Между тем, как только пролетариат начинает строить свое государственное хозяйство, ему нужен не просто рабочий, не старый рабочий, а рабочий государственного хозяйства, служащий и инженер государственного хозяйства. Вспомните, что получилось, когда от рабочих и служащих потребовались совершенно новые, коллективные стимулы к труду, а они могли предложить лишь старое барахло, оставшееся от старого режима, от разрушенных прежних отношений. Вспомните, как неуютно, грязно было в каком-либо распределителе Наркомпрода, как грубо обращались с публикой служащие, как расхищали государственные запасы А почему? Старые стимулы к труду остались неиспользованными, они оказались ненужными и вредными, а новые еще не создались. Старого хозяина прогнали, а новый коллективный хозяин еще, как следует, не пришел. Сознание общего интереса было слабо, оно не могло побороть и заменить старые навыки, индивидуалистические стимулы при распределении, «не мое дело» при работе. Новые формы производства и распределения оказались в вопиющем противоречии со старой психикой и старыми привычками. Как будто к рулю автомобиля посадили не шоффера, а впрягли в машину пару быков.

Но зато как все изменилось, когда начался Нэп! Как вежлив приказчик в магазине нэпмана или М. П. О., который отталкивал вас своей грубостью и несознательностью в распределителе Наркомпрода! Как безучастен, ленив, высокомерен был он у последнего и как предупредительно вежлив теперь. Как быстро «коммунистическая» грязь и пыль сменилась буржуазной нэповской чистотой и аккуратностью. Что же произошло? На-ряду с прочим и то, что военный коммунизм не мог опереться на те стимулы к труду, которые еще не пустили корней в рабочей массе, старые же стимулы

губили дело, стояли ему поперек дороги. Наоборот, Нэп установил смычку с этими старыми стимулами и поставил их к себе на службу. Поэтому машина так хорошо завертелась с тем же людским материалом. Но тогда ведь выходит, что эта машина-то как будто бы буржуазная.

Да, она во многом старая, но во многом и новая. При Нэп'е государственное хозяйство в известной мере может опереться на старые стимулы к труду, потому что оно само и во многом другом работает капиталистическими методами. Но уже теперь, а в еще большей степени в ближайшем будущем государственное хозяйство не сможет развернуть все свои выгоды, свойственные об'единенному хозяйственному кораблю социализма, и не сможет начать душить капиталистические ростки, если не будет обладать кадром новых людей, которые могут вести именно государственное хозяйство и работать в нем. Уже теперь мы не можем быстро продвинуться в некоторых областях, например, в государственной торговле, где все экономические преимущества на нашей стороне, прежде всего из-за недостатка кадров новых, не развращенных капитализмом и в то же время знающих дело работников. Индивидуальные стимулы, эти заскорузлые, жалкие стимулы прошлого, за которыми чудится мещанин с выпученными от испуга глазами за «мое», эта приманка досоциалистического человека, которого гегелевский «List der Vernunft» (хитрость абсолютного разума) загонял на работу пряником под носом, как заманивают в хлев корову, — эти индивидуальные стимулы должны смениться сознанием общего интереса и способностью работника впитать это сознание в качестве почти стихийного, коллективного стимула к труду на новых началах. Конечно, это не удастся сразу. Индивидуалистические стимулы будут отмирать постепенно. Известное время будут существовать комбинированные индивидуально-коллективные стимулы. Это отразится и на системе заработной платы. Рабочий будет получать за индивидуальную перевыработку больше, а вся фабрика за коллективную перевыработку из фонда премирования еще дополнительно. В дальнейшем фонд премирования или новая плата в другой форме будет чем дальше, тем больше оттеснять старую форму, и это будет итти одновременно с воспитанием в рабочем классе коллективных стимулов к труду. Весь этот процесс пойдет тем быстрей, чем скорей наша рабочая молодежь выработает в себе, благодаря новой системе воспитания и по мере сознания своих исторических задач, совершенно новое отношение к труду в своем государстве и чем скорей она, если употреблять старое слово усвоит новую производственную мораль.

Но как бы далеко мы ни погрязли в прошлом в смысле психологии, новые экономические отношения делают свое дело. Отсталая психика рабочего, которая медленно ковыляет за техникой и экономикой и тормозит их бег вперед, начинает понемногу выравниваться под структуру государственной промышленности. Чем дальше, тем больше самые широкие слои рабочих масс начинают с величайшим вниманием следить за тем, как работает их предприятие, выполняет ли производственную программу и т. д. Они начинают чувствовать себя хозяевами, и это ведет к резким изменениям в общественном мнении рабочего класса, поскольку дело касается таких явлений, как самовольное расхищение заводского имущества, прогулы, надувательство администрации с целью больше получить, наконец, оценка качеств директора (какой лучше). Раньше общественное мнение рабочих мирилось с расхищением, особенно при обострении продовольственного положения: все покрывали друг друга при нарушениях трудовой дисциплины. Лучшим директором был тот, который на все это смотрел сквозь пальцы и потакал массе во всем. Теперь все в корне изменилось. Общественное мнение среднего рабочего уже осуждает все нарушения трудовой дисциплины, небрежное или преступное отношение к имуществу и т. д., потому что все это может поставить под удар все предприятие. Лучшим директором теперь считается тот, кто лучший хозяин, кто лучше ведет производство, кто бережет фабрику. Этот переворот в общественнном мнении, с которым связан переворот в нормах поведения, имеет колоссальное значение. Строительство социализма в той его части, где дело идет о человеке, о его привычках, инстинктах, классовых нормах,— это строительство начинается именно с началом этого переворота в психологии среднего рабочего массовика. Теперь промышленность рабочего государства начинает приобретать рабочего, которого она заслуживает, без которого она не социалистическая промышленность. Разумеется, после пролетарской революции на Западе этот процесс подгона человеческого материала под исторически более высокую систему хозяйства будет протекать быстрей и естественней, чем в нашей крестьянской стране, где процент чистого наследственного пролетариата в сравнении с недавними выходцами из деревни—невелик.

Создание нового человека для новой системы хозяйства в России должно означать одновременно перерождение национального характера русского человека, по крайней мере, на пролетарском участке. Это относится не только к приемам труда, но и ко всему быту. Современный тип русского рабочего

есть, в сущности, продукт крепостного права, несколько исправленный российским капитализмом. Наш жалкий капитализм не смог настолько переродить характер нашего рабочего—вчерашнего крестьянина, чтоб он больше соответствовал запросам крупной промышленности и ее высокой технической базе. Этот процесс в самом разгаре был пресечен войной и революцией. Эту работу приходится доделывать новому строю. Эта переработка характера должна итти прежде всего под дисциплинирующим прессом «царицы-машины». В этом советский период будет лишь автоматически продолжать работу капитализма. Наоборот, поскольку раньше перевоспитание происходило под прессом хозяйского наблюдения и давления, а теперь такого пресса нет, здесь на смену выступает особый фактор. Хозяйский пресс сменяется процессом перевоспитания всей рабочей массы давлением ее передового авангарда, который ставит себе задачей подтянуть к себе всю массу, который перевоспитывается сам на основе сознанной социальной необходимости такого перевоспитания. Это перевоспитание уже происходит не только как незаметный молекулярный процесс; наоборот, «старому человеку» об'является открытая война.

Пройдет немного времени, и общественное мнение рабочего класса в результате этого великого сдвига будет преследовать вплоть до бойкота всех, которые посмеют, скажем, на 15—20 году пролетарской диктатуры благоухать на работе и в общественной жизни всем ароматом старого русского характера: ленью, разгильдяйством, неточностью, беззаботностью насчет будущего, неисполнением взятых на себя обязанностей, враньем по отношению к товарищам по классу и т. д. Все эти качества не мирятся ни с электрификацией и техническим прогрессом крупного производства вообще, ни с социальным бытом нового работника на основе более высокой формы хозяйства и более высокой техники.

Ложь и обман.

Необходимо здесь сказать несколько слов об обмане и лжи.

Ложь и обман являются часто весьма необходимым орудием в борьбе угнетенного класса с врагами. Достаточно напомнить, что вся подпольная работа революционных организаций покоится на обмане окружающих и правительственной власти. Для рабочего государства, со всех сторон окруженного враждебными капиталистическими государствами, ложь в иностранной политике бывает нередко необходима и полезна и т. д. Поэтому рабочий класс и его партия ко лжи и открытому признанию права на ложь относится совсем не так, как какая-либо мистрисс Сноуден и другие благочестивые

мещане, систематически надуваемые и оставляемые в дураках представителями крупного капитала. Эти господа, как и аналогичная с ними и довольно распространенная порода мелко-буржуазных «социалистов», всегда за «правду», всегда за «честность». Они забывают лишь, что можно обманывать рабочий класс, оставаясь лично честным. Быть честными с буржуазными жуликами и прохвостами в политике и, считая себя верхом честности, при этом социально обманывать, т. е. подставлять под удары врагу представляемый тобою класс,—вот верх социальной мудрости этих господ, вот цена их честности и их отвращения ко лжи. Они отвертываются таким образом от исторической правды о лжи, предпочитая ей ложь о правде, убаюкивающую их мещанскую душу. Мы стоим в этом вопросе, таким образом, совсем на другой позиции.

Но ложь превращается во вреднейшую привычку в общежитии и во всей общественной работе, когда она не только не вызывается интересами классовой борьбы, а, наоборот, вносит разложение в рабочий класс. Будущее принадлежит, разумеется, правде, поскольку будущее принадлежит внеклассовому, а не классовому обществу. Ложь есть продукт порабощения человека человеком—продукт классовой и групповой борьбы. Она исчезнет вместе с делением общества на классы. Но уже и до этого момента ложь должна быть изгнана из взаимоотношений внутри рабочего класса и, тем более, из взаимоотношений коммунистов друг с другом.

Недопустимо в групповых интересах использовать ложь внутри партии так же, как мы используем ее в борьбе с нашими классовыми врагами; это разлагает партию изнутри и ослабляет ее боеспособность. Производственный вред от лжи слишком очевиден, чтоб на этом долго останавливаться. Хорошо организованное изнутри государственное хозяйство нельзя построить, если не будет из всего механизма и его колес удален этот вреднейший песок, тормозящий беспрепятственный ход машины.

Между тем ложь в ее изживших себя вредных проявлениях глубоко проникла в наш национальный характер. В нашей литературе уже достаточно много писалось, что русский человек врет слишком много, врет без нужды для себя и с огромным вредом для других. Для русского крепостного мужика ложь была орудием защиты против барина и царской полиции. И барин, и царь, и буржуазное господство похоронены, но привычка лжи в национальном характере, воспитанная всем прошлым, еще осталась. Здесь надо много и долго «мыть, скрести и подчищать», как по другому поводу вы-

разился как-то тов. Ленин. Маленький пример из жизни. Вы идете по улице и спрашиваете у проходящего, как пройти туда-то. Тот, кого вы спрашиваете, сам как следует не знает, но прикидывается, что знает, и направляет вас в противоположном направлении, отнюдь не думая сознательно вам вредить, и так в целом ряде областей. Таким образом, внутри государственного аппарата составляются у нас «справки», цифровые таблицы и т. д. Такое высасывание из пальца и обман, даже часто без корыстных намерений—явление обыденное, оно связано с отсутствием чувства ответственности за свои слова, за свои обещания, сообщения и т. д. и наносит огромный вред во всем нашем строительстве. Может показаться чудовищным, но это факт: если б теперь в Советской России образовалось специальное общество, члены которого поставили бы себе задачей говорить правду, честно выполнять взятые на себя обязательства и внедрять эти принципы в широкие массы, то это общество нашло бы богатейшую почву для своей работы и сослужило бы большую службу в деле воспитания нового советского человека, на которого сейчас пред'являет колоссальный спрос новая система хозяйства.

Бюрократизм, взятка, разгильдяйство.

Начавшееся перерождение типа нашего рабочего в случае быстрых успехов в этом направлении приведет, и *приведет снизу*, к благодетельному перерождению всего нашего государственного аппарата. В частности, только давление общественного мнения рабочего класса на массу служащих и одновременно широкое движение навстречу этому из среды самих служащих — может ликвидировать всю азиатчину и царское наследие в нашем государственном аппарате и прежде всего ликвидировать самое отвратительное, позорящее, уничтожающее всю Республику явление: уничтожить взятку. Административная борьба с этим злом никогда не приведет к полному успеху, если взятка на ряду со всеми перечисленными наследиями позорного прошлого не будет окружена и сжата со всех сторон и выброшена из рабочего государства вновь слагающимся и крепнущим пролетарским общественным мнением, которое распространит свои нормы поведения на все, работающее под крышей советского государства. Добросовестность и точность в работе, точность во взаимоотношениях работников нового строя друг к другу и к своему государству *производственно необходимы*: переворот здесь нужен, он назрел. Теперь прямо в золотой валюте и в десятках миллионов рублей можно подсчитать те убытки, которые терпит государственное хозяйство во всех своих областях от слишком медленного роста и воспи-

тания нового человека [1]). Здесь главное слово за нашей молодежью. Именно она, не развращенная капитализмом и получившая первые уроки социального воспитания под треск романовского трона и гул нашей красной артиллерии, с той же энергией и тем энтузиазмом, с каким она шла на окопы белых, ринется скоро на помощь нашей промышленности и нашему государственному кораблю, чтоб вышибить романовское и колупаевское наследство и, поддерживая друг друга и связываясь друг с другом принципами социалистического труда и социалистическими стимулами к труду, сразу подвинуть вперед нашу замешкавшуюся стройку. Она должна помнить, что многие из взрослого поколения уже безнадежны, их переучивать и перевоспитывать уже поздно. Драгоценные реликвии из эксплоататорского строя, от которых они не в силах отказаться, они понесут с собой в могилу.

Общественные отношения с другими классами.

Но общественные связи рабочего не ограничиваются его отношениями к своему государству, к своей промышленности, к своим товарищам в процессе труда и в общественной работе. Он сталкивается уже в границах советского государства с другими классами, прежде всего с наиболее близким к нему классом—крестьянством. А с другой стороны он сталкивается с такими общественного характера вопросами, как вопросы семьи, половой вопрос, задача сохранения расы. Как должно обстоять дело с нормами пролетарского класса во всех этих областях?

Что касается других классов, то, например, с нэпманом мы можем покончить скоро. Он может быть спокоен: на него классовые нормы пролетариата не распространяются. Мы должны заставить его повиноваться пролетарскому государству путем внешнего принуждения, беспощадно подавлять его сопротивление и не питать никаких надежд заставить его работать на рабочее государство по совести. С точки зрения своих, т. е. буржуазных норм, с точки зрения своей морали он прав, когда обкрадывает советское государство и создает условия для капиталистической реставрации. Думать о том, чтоб его приручить, значит заниматься вредной маниловщиной и давать ему только возможность больше красть у нас и нас обманывать. Это враг. С ним будет и покончено, в конце концов, как с врагом.

[1]) Тов. Троцкий чрезвычайно ярко и убедительно показал в своих речах и статьях, как от небольших неточностей, как от пренебрежения мелочами проигрываются сражения. Следовало бы подсчитать, сколько ежегодно теряет Республика на так называемой нашей „халатности“ и не достаточна ли теряемая сумма для покрытия дефицита в нашем бюджете.

Другое дело стомиллионная крестьянская масса. С этим классом рабочему придется жить бок-о-бок десятки лет. Без кооперирования крестьянского хозяйства невозможна в широких размерах социализация земледелия. С ростом промышленности крестьянская молодежь будет неиссякаемым резервом для самого пролетариата, как класса. С другой стороны, именно в виду предстоящего длительного сожительства этих двух классов необходим не только хозяйственный переплет крестьянского хозяйства с государственным (смычка), но и известная слаженность в области социальной психологии. Рабочий класс весьма заинтересован в том, чтоб и крестьянство приняло деятельное участие в улучшении государственного аппарата и смотрело на него, как на свой аппарат. Поэтому, и по другим еще причинам, перевоспитание крестьянства пролетариатом, как более передовым классом, приобретает огромное значение. Мы должны оторвать от мелкого производства и заскорузлой и ограниченной мелко-буржуазной психологии все наиболее талантливое, чуткое, социально-передовое и жизненное, что есть в крестьянской массе. Рабочий класс вместе с тем заинтересован в том, чтоб давление его общественного мнения, воспитательное и организующее давление этого общественного мнения распространялось постепенно также и на крестьянские массы. И хотя распространение пролетарских норм на крестьянство там, где это будет ясно противоречить классовым интересам последнего, является делом безнадежным, однако оно не является безнадежным *всегда и на весь период существования этого класса*. Наоборот: из истории других классов мы знаем, что господствующий класс может подчинять своему идейному влиянию, своей культуре и своей морали не только отсталые классы, но даже целые группы более передового, но еще не проснувшегося и социально не самоопределившегося класса. Вспомним, как держал на вытяжку перед собой дворянский класс в период своего блеска и силы другие общественные слои, каким совершенством казался этим другим быт и культура дворянства и аристократии, как добивался в переднюю этой культуры даже чумазый, хотя исторически он представлял более высокий способ производства. Далее вспомним, как эмигрировали наиболее прогрессивные элементы дворянства в лагерь буржуазных вольнодумцев. У нас в крестьянской стране с диктатурой пролетариата все это также будет иметь место, но только, разумеется, в других формах и в гигантских размерах, потому что дело будет итти о десятках миллионов. И у нас будет при быстрых успехах промышленности повальное бегство в города лучшей крестьян-

ской молодежи, и у нас пролетарская культура победившего и на экономическом фронте рабочего класса будет манить к себе самые подвижные, социально-чуткие слои деревни, которые будут стыдиться своего варварства, и с серпом в руке, либо бросив его совсем, будут догонять далеко рванувшийся вперед молот. Тогда рабочий класс превратится в законодателя над деревней и в области своих классовых норм и на этом участке пожнет плоды, взрощенные его победоносной промышленностью.

Так будет. Пока же дело идет о привлечении на сторону пролетариата лишь передового меньшинства деревни. Это лишь ручейки, лишь первые предвестники тех потоков, которые потекут в пролетарскую реку с крестьянских полей тогда, когда крестьянство, как класс, и весь теперешний крестьянский быт будет подточен с корня новой экономикой.

Классовая спайка.

Важнейшей подпочвой для всех классовых норм пролетариата является не только ясное сознание классовых интересов со стороны рабочей массы, но и полубессознательная классовая спайка, чувство класса, родство со всеми своими по классу и враждебность по отношению к представителям чужих классов. Это психологическое единство пролетариата играет очень важную роль во всей его борьбе как до, так и после пролетарской революции. В частности, оно особенно важно и ценно в период Нэп'а, когда государственное хозяйство вступает в переплет с капиталистическими формами хозяйства, и работники государственной промышленности вынуждены находиться в непрерывных деловых связях с представителями капиталистического мира и буржуазными специалистами. В тех случаях, где у наших коммунистов и беспартийных рабочих эта спайка с классом бывает слаба, они легко поддаются влиянию враждебной среды, которая пока еще (правда, не надолго) в культурном отношении выше пролетарской среды[1]).

В результате мы наблюдали уже и продолжаем наблюдать такие факты опутывания наших хозяйственных рабочих буржуазными дельцами, как это имело место, например, в печальной памяти Орехово-Зуевском тресте. И, наоборот, там, где чувство своего класса у рабочих крепко, там им гораздо легче противостоять разлагающим влияниям нэповской среды. Отсюда практический вывод: усиление классовой

---

[1]) Это влияние враждебной нам культуры заметно кое-где на рабочих факультетах, где рабочая молодежь нередко подпадает под влияние чуждых нам элементов из преподавательской среды. С этими идеологическими шатаниями нашей молодежи нам придется еще не один год бороться.

спайки между всеми рабочими во всех отраслях работы и беспощадное осуждение всех дезертиров из пролетарской семьи, тянущихся к буржуазным элементам и предпочитающих среду рабочих обществу наших классовых врагов [1]).

Материальное неравенство. Рассмотрим еще один актуальный вопрос, вопрос о материальном равенстве внутри пролетариата и внутри коммунистической партии при советской власти. В период военного коммунизма мы далеко провели принцип равенства, и это было необходимо и экономически, и политически. Когда продуктов было мало и нужно было поддержать обороноспособность в гражданской войне всего рабочего класса, это равенство нищеты не ослабляло, а усиливало нас перед лицом врага. Когда же мы перешли на мирное положение и надо было с тем человеческим материалом, который у нас был, и с теми стимулами к труду, которые сохранились у рабочих от мелкобуржуазного и капиталистического периода (т. е., главным образом, индивидуалистическими стимулами), поднимать производство, мы вынуждены были восстановить во многом капиталистическую систему заработной платы, т. е. систему неравенства в оплате, в зависимости как от квалификации рабочих, так и в зависимости от норм выработки. А к этому присоединилось еще неравенство отдельных предприятий и отдельных трестов в связи с тем, какие из этих предприятий оказались лучше, какие слабо связанными с рынком. Неравенство оказалось для нас производственно необходимым на данной ступени развития, при данном людском материале. Это неравенство рассекло по тем же линиям и коммунистическую партию, вызывая в ней недовольство «низов» против лучше оплачиваемых, так называемых, «верхов». Поэтому, что касается положения внутри всего рабочего класса в целом, то протест здесь против неравенства есть, в сущности говоря, протест против того, что социализм вырастает из капитализма. Этот протест реакционен, если в основе его лежит

---

[1]) В коммунистической среде в последнее время много говорят о браках коммунистов с лицами из других классов и много спорят о том, насколько это допустимо. В сущности, здесь нет проблемы, рассуждая принципиально. Это область частных дел, хотя, понятно, неудачный брак может влиять вредно на деятельность коммуниста. Но так же, как может влиять и многое другое, что мы обыкновенно не привлекаем к обсуждению, как дело личное. Вообще же, если член партии поступает не по-коммунистически, то надо его судить за об'ективные поступки по существу, не вдаваясь в изыскания, почему так вышло. Но что социально важно в рассматриваемом вопросе, так это следующее. Если коммунист женится на женщине из буржуазной среды, то к этому как-то стихийно, бессознательно отношение будет гораздо более снисходительнее, чем когда бы коммунистка вышла замуж за нэпмана. На таких фактах легче всего проверить, как глубоко сидит у нас в „нравах“ азиатчина женского неравноправия и двойной морали.

стремление к мелко-буржуазной уравнительности, не считающейся с нуждами производства. Он может быть прогрессивным в той мере, в какой представляет из себя протест выросшего социалистического сознания рабочих против остатков капиталистических отношений и направляется прежде всего против таких форм неравенства, которые совсем не вызываются производственной необходимостью. Этот протест будет тем более прогрессивным, чем быстрей будет расти уровень квалификаци всего рабочего класса, и закрепление неравенства и всяких привилегий для одной группы рабочих будет становиться производственно ненужными. Что же касается коммунистической партии, то именно потому, что эта партия является массовой, было бы вряд ли возможно оторвать ее от условий существования всего рабочего класса в целом и превратить в материальном отношении в «общество равных».

Вообще мы слишком поддались автоматическому движению и автоматической стройке госаппарата. В области оплаты государственный аппарат равнялся по буржуазному специалисту, которого надо было привлечь, удовлетворяя его запросам и привычкам, а в период Нэп'а началось равнение также по квалифицированному рабочему «старого призыва». На известном этапе это для госаппарата было исторически неизбежно. Но чем быстрей будет итти подготовка и вливание в производство и аппарат специалистов из рабочих, чем быстрей будет итти с другой стороны подготовка в школах фабзавуча и другими путями нового поколения квалифицированных рабочих (а квалифицированных в будущем должно быть большинство среди всего пролетариата), тем менее оснований будет у государства держаться старой системы оплаты и связанного с ней разбухшего вне всякой меры и смысла материального неравенства внутри государственного круга. Этот новый этап начнется, вероятно, через полдюжины лет. Но уже и теперь пора поднять голос против таких размеров неравенства в оплате, которое есть продукт лишь обезьяньего копирования буржуазных отношений и никакими интересами дела не вызывается. Ближайшее будущее принадлежит, несомненно, равенству в области материальных условий существования государственных работников. И хотя равенство само по себе, равенство во что бы то ни стало, не представляет из себя самостоятельной цели нашего строительства, однако оно будет постепенно достигаться на основе потребностей самого развивающегося хозяйства и на основе новой психологии молодого поколения рабочих.

Вообще же и вопрос о равенстве в материальных условиях и все аналогичные вопросы надо ставить не с точки

зрения какой-то абсолютной и абстрактной социалистической справедливости, а с точки зрения интересов развития, движения вперед всей нашей социалистической стройки. И в каждом отдельном случае надо решать вопрос конкретно: что на данной ступени способствует движению вперед и увеличивает силы и сплоченность борющегося пролетариата, что уменьшает, что, наконец, безразлично для того и другого. Неравенство было и пока остается производственно-необходимым, и в пределах производственно-необходимого мы должны с ним мириться. Мы будем против неравенства, когда развитие новых производственных отношений при наличии нового поколения рабочих не только не будет требовать такого неравенства, но будет иметь в нем преграду для движения вперед.

Частно-собственническое хозяйство.

В заключение еще один вопрос, очень волнующий крестьянские слои нашей партии. Насколько совместима работа в собственном индивидуальном хозяйстве (со всеми вытекающими отсюда последствиями) с работой в коммунистической партии? Не стоит ли вопрос так: либо самостоятельное хозяйство, либо коммунистическая партия? Такое «или-или» совсем не обязательно. Коммунист-крестьянин должен лишь помнить, что, вступив в партию, он тем самым на свое индивидуальное хозяйство должен смотреть не как на цель, а как на средство к нашей коммунистической цели. Иными словами: если он может быть образцовым хозяином и вести пропаганду делом новых способов обработки земли, оставаясь добрым коммунистом, то это хорошо. Если он может быть образцовым коммунистом лишь ценой превращения в худого хозяина, то нужно предпочесть этот последний исход. Хозяйство для деревенского коммуниста, если он хочет оставаться коммунистом, должно быть на втором месте, а партия на первом. На хозяйство тогда нужно смотреть лишь как на средство к жизни, не более. Перефразируя известные стихи, можно сказать: хорошим хозяином ты можешь и не быть, а хорошим коммунистом быть обязан. Разумеется, в практической жизни бывает крайне трудно провести грань, с какого момента увлечение собственным хозяйством начинает явно вредить выполнению коммунистических обязанностей, но принципиально непреодолимого тут ничего нет. Умели же члены нашей партии, когда были в подполье, совмещать самую разнообразную работу для добывания материальных средств с деятельной работой в партии, как работой основной, которой первая была подчинена, как средство. С этой точки зрения решается и целый ряд других проблем, стоящих перед деревенским коммунистом: в каких формах и в каком об'еме можно прибегать к торговым операциям и т. д.

Об „аморализме“.

Приведенные нами примеры из области пролетарских классовых норм доказывают, что, во-первых, эти нормы реально существуют, и во-вторых, что они неизбежно будут существовать до тех пор, пока существуют классы. Было бы совершенно невероятным, если б в период диктатуры пролетариата и существования социалистического государства сохранились эти важнейшие атрибуты классового общества, а классовые нормы, играющие столь важную роль в деле сплочения класса, поддержания в нем внутренней связи, боевой спайки и воздействия целого на свои части, чтобы эти нормы неизвестно по каким причинам прекратили свое существование. Мы привели несколько примеров. В задачу нашу не входит дать систематическое описание всех классовых норм пролетариата, потому что главная задача этой работы—правильно поставить самый вопрос о морали и классовых нормах. Но уже из сказанного видно, какую позицию следует занять в отношении того стихийного «аморализма», который довольно распространен среди части пролетарской молодежи и который не знает, докуда простирается его действие. Если понимать под этим аморализмом отрицание правил буржуазной и мелкобуржуазной морали в теории и на практике, этого «внеклассового» тумана над классовыми нормами, то такой «аморализм» есть, в сущности, марксистское, историко-материалистическое отношение к морали других классов. Если же этот аморализм переходит в отрицание всяких норм вообще, следовательно, и пролетарских классовых норм, то такой аморализм в обстановке незаконченной классовой борьбы является, в лучшем случае, утопической маниловщиной и теоретической путаницей, в худшем—продуктом влияния на пролетариат мелкобуржуазного, анархического индивидуализма. Но скорее всего, здесь перед нами не какое-либо «нездоровое», «опасное» и т. д. явление, а просто часть нашей молодежи не свела еще концы с концами. Освобождаясь от моральных пут, навязанных эксплоататорскими и исторически отсталыми классами, она с разбегу замахивается на словах на нормы вообще, хотя в своей практике в огромном большинстве добросовестно подчиняется основным нормам своего класса.

Во всей области общественных, экономических и политических отношений мы «ужасно» революционны. Но в области чинопочитания, соблюдения форм и обрядов делопроизводства наша «революционность» сменяется сплошь да рядом самым затхлым рутинерством. Тут не раз можно наблюдать интереснейшее явление, как в общественной жизни величайший прыжок вперед соединяется с чудовищной робостью перед самыми маленькими изменениями.

Я думаю, что иначе и не бывало ни при одной действительно великой революции, потому что действительно великие революции рождаются из противоречий между старым, между направленным на разработку старого, и абстрактнейшим стремлением к новому, которое должно уже быть так ново, чтобы ни одного грана старины в нем не было.

И чем круче эта революция, тем дольше будет длиться то время, когда целый ряд таких противоречий будет держаться.

Н. Ленин—«Лучше меньше, да лучше».

Г. Хеглунд

КОММУНИЗМ И РЕЛИГИЯ

Антирелигиозно ли коммунистическое движение? Должна ли наша партия проповедывать войну с религией и должна ли она отказывать в приеме людям с религиозными воззрениями?

На все эти вопросы мы должны ответить решительно: нет.

Коммунистическая партия не заставляет своих членов об'являть, что они не верят в бога или загробную жизнь. Она не требует, чтобы они покидали свои нынешние верования—христианские, буддийские или еврейские. *Она не утверждает также, что это верование—контр-революционно или является помехой для участия в пролетарской классовой борьбе*[1]. Партия требует лишь принятия и разделения программы деятельности и организационных уставов. Но эта программа и эти уставы занимаются лишь вопросом изыскания метода и средств освобождения пролетариата из капиталистического рабства, но не пытаются давать никакого об'яснения вечной тайны жизни и смерти. Коммунизм стремится создать для всех достойную человека обстановку жизни на земле. Установить, каков будет распорядок на небе,—это не входит в круг наших задач. Об этом каждый может думать, что ему угодно, лишь бы только его забота о небе не мешала его работе по улучшению условий человеческой жизни на земле.

Другое дело, что коммунистическая партия непримиримо воюет с обращением религии в классово-политическое учреждение, каким является государственная церковь. Государственная церковь является ничем иным, как духовной полицией правящего класса, и не имеет ничего общего с настоя-

[1]) Во всей статье курсив редакции.

щею верою, и даже предпочитает расправляться с нею. Другое дело также, что мы боремся со всякими церковными чудесами в роде знаменитого «и начали говорить на иных языках» (Деяния апостолов, гл. 2, ст. 4) и т. п. духовных зараз, очевидно, болезненного свойства. И другое дело, что мы протестуем против каждой попытки той или иной религии защищать рабство, эксплоатацию рабочих масс или несправедливость, или, выражаясь библейским языком, освятить религией грехи мира и очески господние.

Есть люди, ссылающиеся на марксизм, как на защиту основоположения, что наша партия должна взяться за антирелигиозную агитацию. Правда, что марксизм, как миросозерцание, как универсальная философия, не соединим ни с какой религиозной системой, хотя материалистическое понимание истории не ставит себе задачей разрешать проблему существования и связанные с нею вопросы. Но хотя мы, марксисты, рассматриваем божество, как создание людей, а не наоборот, хотя мы принимаем рай, как мечты порабощенных о лучшей жизни, как фантасмагорию духовных видений, как идеальную реакцию против печальной действительности,—из этого вовсе не следует, что мы должны начинать войну с религией. В основе марксистских воззрений лежит положение, что лишь с изменением материальной обстановки, изменятся или исчезнут нынешние формы представлений; поэтому менее важно критиковать небо, чем землю, менее важно бороться с теологией правящего класса, чем с его политикой, менее важно ниспровергать небо, чем капитализм. Это настоящий марксистский ход мыслей: сам Маркс сказал, что с разрушением ложного реализма, чьей теорией служит религия, она сама собой уничтожится. Поэтому прежде всего нужно изменить условия производства, тогда начнется и духовная эмансипация. Так же, как физика уничтожила веру в чудеса, как громоотвод сделал больше для истребления предрассудков, нежели самая усиленная пропаганда, также социальный переворот, к которому стремится коммунистическая партия, освободит людской дух от постылой веры, чтобы сделать сносным его существование. Но **коммунистическая партия не требует от каждого сочлена марксистского миросозерцания**. Мы требуем лишь, чтобы каждый сочлен принимал участие в революционной борьбе с капитализмом за социалистическую организацию общества. Все дело в практической борьбе, а не в философских или религиозных мировоззрениях.

Поэтому неверно,—мягко говоря,—считать христианство или какое-нибудь другое религиозное убеждение контр-рево-

люционным и сразу же заштемпелевывать его, как недопустимое в рядах коммунистической партии. Если бы революционером можно было стать лишь при условии разделения теоретической платформы марксизма, значит, не было революционеров до Маркса. Если бы религиозные представления исключали революционные мысли и поступки, не было бы никогда религиозных возмущений или социальных восстаний в религиозном облачении. История бесконечными примерами опровергает эту болтовню, и опыт сегодняшнего дня дает новые практические доказательства того, что религиозное сознание и революционная политика вовсе не несовместимы. И в нашей партии и в братских коммунистических партиях заграницей есть много членов—приверженцев христианского и других вероучений, которые в бою идут с нами рука об руку.

Интересный довод в пользу того, что христианство не только не исключает помыслов о социальной революции, но даже их мотивирует, дает нам известный швейцарский священник, Герман Куттер в своей книге «Они должны». В этой книге Куттер утверждает, что «живой бог применяет насилие». «Живой бог—самый ярый революционер и самый бесшабашный бунтовщик». Так звучит глас господень: «Я готовлюсь освободить мой порабощенный народ, я сниму с его членов язвы, оставленные пытками Мамоны. Я буду бить тех, что бил моих нищих, я простру мой гнев над теми, кто гневно и несправедливо судил малых сих. Ибо я—господь». Это—по словам Куттера—революция; но в революции есть тот, кто направляет и ведет ее. Мамона создала из революции историческую необходимость.

Пусть Куттер и его присные видят в революции посредственное или непосредственное участие бога,—это дело их верований; важно то, что они с революцией. Несомненно, опрометчиво со стороны коммунистической партии то, что она себя во всеуслышание называет антирелигиозною и тем отталкивает от нас такие элементы, которые могут быть полезны в нашем движении. Мы должны помнить, что существует масса рабочих, мелкой буржуазии, крестьянства, которые, по самой своей классовой сущности, рано или поздно придут к революционной точке зрения, т. е. к нашей партии, но которые неминуемо будут остановлены в своем приближении к нам своей «войной с религией», ведомой партией, ибо они закоснели в религиозных тенденциях: мы должны помнить, что есть много других, индиферентных к религии людей, которым все же прямая антирелигиозная пропаганда противна.

Коммунистическая партия, как всякое воинствующее движение, выискивает себе легчайший путь к победе. Потому она должна бережно избегать всего, что ей может затруднить дорогу, если это только не противоречие ее задачам. Отдельные коммунисты, как частные лица, могут заниматься антирелигиозной пропагандой—это их право и в это никто не будет вмешиваться, поскольку это не причиняет вреда политической программе и деятельности коммунистической партии. Но если только партия об'явит атеизм необходимым элементом коммунистического миросозерцания, она безусловно упадет до уровня секты так же достоверно, как если б она себя об'явила анабаптистской или эпраммистской.

«Истинные боги те, что нам помогают высоко держать голову в жизненной борьбе»,—сказал один великий мыслитель. Этим богам и служим мы—коммунисты, и нам совершенно безразлично, что один их видит на небесах, а другой—в земном обличьи. Самое главное это то, что они нам помогают высоко держать голову в жизненной борьбе, что они нас учат бороться за социальную революцию, — во имя бога или человека — это, право, все равно.

В самых свободных странах народ и рабочих отупляют особенно усердно именно идеей чистенького, духовного, построяемого боженьки. Именно потому, что всякая религиозная идея, всякая идея о всяком боженьке, всякое кокетничанье даже с боженькой есть невыразимейшая мерзость, особенно терпимо (а часто даже доброжелательно) встречаемая демократической буржуазией,—именно поэтому это—самая опасная мерзость, самая гнусная «зараза». Миллион грехов, пакостей, насилий и зараз физических гораздо легче раскрываются толпой и потому гораздо менее опасны, чем тонкая, духовная, приодетая в самые нарядные «идейные» костюмы идея боженьки.

Н. Ленин—«Письма Горькому»

Е. Ярославский

АНТИРЕЛИГИОЗНО ЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ

(Ответ С. Хеглунду)

По всей вероятности, статья Хеглунда, напечатанная в центральном органе шведской Коммунистической партии без всяких примечаний редакции, вызовет, мягко выражаясь, недоумение не только среди русских товарищей из РКП, в программе которых сказано, что «партия стремится к полному разрушению связи между эксплоататорскими классами и организациями религиозной пропаганды, содействуя фактическому освобождению трудящихся масс от религиозных предрассудков и организуя самую широкую научно-просветительную и антирелигиозную пропаганду». По всей вероятности, эта статья встретит должный отпор и в среде французских коммунистов, которые издают специальный журнал для антирелигиозной пропаганды среди крестьян и солдат и порвали с франк-массонами. Тов. Хеглунд стремится в этой статье доказать гораздо больше даже, чем это требуется, судя по заголовку его статьи. У него здесь ряд вопросов:

1) Антирелигиозно ли коммунистическое движение?

2) Должна ли наша партия проповедывать войну с религией?

3) Должна ли она отказывать в приеме людям с религиозными воззрениями?

4) Должны ли комунисты иметь марксистское материалистическое миросозерцание или они могут быть и идеалистами? Или— другими словами — безразлично ли нам, чем руководствуются члены коммунистической

партии в своей борьбе: идеалами небесного блаженства или человеческими, земными задачами? Все ли равно, во имя бога или человека, борется коммунист?

Как?—спросят товарищи коммунисты,—разве могут быть еще об этом споры? Вероятно, тов. Хеглунд—очень недавний коммунист и пришел к нам из какой-нибудь чуждой нам среды, сохранив пережитки поповского миросозерцания, которое он и стремится отстаивать в коммунистической партии. Или это очень мало сознательный товарищ. Но товарищи должны знать, что Хеглунд—это член Центрального Комитета шведской Коммунистической партии, что к его голосу прислушивается вся партия и весь рабочий класс в Швеции. И если центральный орган Коммунистической партии Швеции «Политикен» печатает статью тов. Хеглунда без всяких примечаний, то, значит, взгляды тов. Хеглунда не встречают решительного отпора в среде шведских коммунистов. А так как по этой части существует путаница в головах не только некоторых шведских товарищей, то мы считаем необходимым дать отпор такого рода некоммунистическим, немарксистским взглядам, целиком унаследованным от II Интернационала.

Коммунизм и марксизм

«Коммунистическая партия не требует от каждого члена марксистского миросозерцания. Мы требуем лишь, чтобы каждый сочлен принимал участие в революционной борьбе с капитализмом за социалистическую организацию общества. Все дело в практической борьбе, а не в философии или религиозных мировоззрениях». Так пишет тов. Хеглунд. Это его утверждение является основным, из него вытекает все остальное. Конечно, если не требовать от коммуниста, чтобы его теоретические воззрения находились в полном согласии с программой его борьбы, тогда Хеглунд прав. Тогда коммунистом может быть не только марксист, но, скажем, ученик совершенно враждебного Марксу Прудона, бакунист, ученик Виктора Чернова или попа Бердяева или какого-нибудь другого идеалиста попа. Само собой, конечно, разумеется, что когда к нам приходит рабочий и заявляет о своем желании вступить в партию, мы не устраиваем ему экзамена по части знакомства с теорией марксизма, для нас важно, чтобы это был товарищ, который, действительно, хочет активно принимать участие в революционной борьбе с капитализмом за социалистическую организацию общества. Но мы все-таки спрашиваем товарища, знает ли он программу нашей партии, и требуем знания программы партии. Если мы принимаем

товарища с недостаточным знанием этой программы, то мы ставим себе задачей воспитать каждого члена партии в коммунистическом духе, т. е. воспитать его как марксиста, потому что мы уверены в том, что чем лучше такой рабочий, проникнутый желанием бороться с капитализмом, усвоит теорию марксизма, тем успешнее будет наша борьба. Мы никак не можем отделить теорию нашу от практики. Двадцать раз были биты те партии и те организации, которые об этом забывали и которые были беззаботны насчет теории. Что такое наша программа? Наша программа есть практическое применение марксистской теории к конкретной действительности. Поэтому понятно, что если кто-нибудь хочет заучить программу не как попугай, а сознательно отнестись к ней, то должен знать теорию марксизма. Хороший коммунист—это тот, у кого действительно марксистское миросозерцание, и плоха та коммунистическая партия, которая считает марксистское миросозерцание посторонним делом, и хуже всего тот вождь революции, который отмахивается от теории и заявляет, что марксистское миросозерцание не имеет никакого отношения к практической борьбе коммуниста.

Как-то даже совестно писать об этом в 1923 году. И пусть простит это сравнение тов. Хеглунд, но оно напрашивается невольно русскому читателю. Если бы не знать, что эту статью писал Хеглунд, то можно было бы подумать, что ее писал кто-нибудь из руководителей так называемой теперешней русской «древнеапостольской церкви», например, протоиерей Введенский. На недавно состоявшемся церковном соборе были приняты резолюции чрезвычайно радикальные в вопросах политических, а перед этим на с'езде «Живой церкви» еще более радикальные. Там можно было слушать полнейшее признание коммунизма, при чем попы об'являли, что они всецело принимают коммунистическую программу, за исключением пункта об антирелигиозной пропаганде. Часты случаи прихода попов в партком с заявлением о желании вступить в РКП. Если бы партия отворила двери подобным элементам, она бы, наверное, насчитывала в своих рядах несколько сотен попов и даже поповские ком'ячейки. По смыслу статьи тов. Хеглунда мы должны были итти по этому пути и широко отворить двери людям, рассматривающим капитализм, как злейшего врага христианства. Тов. Хеглунду безразлично. Он говорит: «Во имя бога или во имя человека—совершенно все равно».

Нет, это вовсе не все равно.

«Вся наша программа построена на научном и к тому же материалистическом миросозерцании. Таким образом, раз'яснительная роль нашей программы ведет и к раз'яснению действительных исторического и экономического корней религиозного тумана. Следовательно, в нашу пропаганду входит пропаганда атеизма; издание известной научной литературы, которая до сих пор строго запрещалась и преследовалась абсолютически-феодальным правительством, должно стать важной деятельностью партии. Мы, по всей вероятности, должны последовать совету, который Энгельс дал однажды немецким социалистам: переводить и возможно шире распространять французскую атеистическую просветительную литературу XVIII века».

Такие строки принадлежат не тов. Хеглунгу, а товарищу Ленину, и увидели свет в декабре 1905 года в № 28-м от 3-го декабря газеты «Новая Жизнь». Эти строки увидели свет в момент, когда рабочие массы подымались к вооруженному восстанию и когда было весьма важно привлечь на нашу сторону возможно большее количество рабочих. Товарищ Ленин не устрашился и не сомневался в том, что нужно привлечь рабочих, честно им об'явив, что вся наша программа построена на научном, ярко выраженном материалистическом мировоззрении» и что в состав нашей пропаганды неот'емлемой частью входит атеистическая пропаганда.

Что такое религия.

«Религия—это способ духовного угнетения, тяготеющий повсюду на придавленных работой и нуждою народных массах. Беспомощность эксплоатируемых в борьбе с эксплоататорами также неукоснительно ведет к вере в лучшую потустороннюю жизнь, как бессилие дикарей в борьбе с природой ведет к вере в богов, чертей, чудеса и тому подобное. Тех, кто тяжело работает и испытывает нужду в продолжение всей жизни, религия учит смирению и терпению, и обещает утешение в небесном вознаграждении. А тех, что живут с чужой работы, религия призывает к благотворительности, предлагая им билеты на небесное блаженство по весьма умеренным ценам. Религия—опиум для народа. Религия—духовный алкоголь, в котором рабы капитала топят свой людской облик, свои стремления достойной человека жизни.

Но раб, который осознает свое рабство, который подымается на бой для того, чтобы освободиться—уже наполовину перестает быть рабом. Сознательный рабочий нашего времени, который воспитан на большой фабрике, отбрасывает от себя тьму, находящуюся в услужении попов и буржуазных ханжей, для того, чтобы создать себе здесь, на земле, лучшую

жизнь. Пролетариат наших дней становится сторонником социализма, который зовет на помощь науку, чтобы вести борьбу против религиозной тьмы, который освобождает рабочих от веры в другую жизнь, ведя их к борьбе за лучшую земную жизнь».

Эта характеристика религии целиком совпадает с характеристикой, которую дал ей Маркс. Верна ли эта характеристика? Пусть тов. Хеглунд докажет, что эта характеристика не верна. Правда, он это пробует в своей статье, но очень неудачно.

Тов. Хеглунд пишет: «Неверно, мягко говоря, считать христианство или какое-нибудь другое религиозное убеждение контр-революционным и сразу же заштемпелевать его, как недопустимое к соединению с коммунистической партией». Значит, утверждение Маркса, что религия есть опиум для народа, утверждение тов. Ленина, что религия есть один из видов духовного гнета, лежащего везде и всюду на народных массах—неверно («мягко говоря», по Хеглунду). А если говорить не мягко, то это, вероятно, вредное заблуждение, и тов. Хеглунд старается это вредное заблуждение опровергнуть прямо удивительными ссылками. «Если бы,—говорит он,—революционером можно было стать лишь при условии разделения теоретической платформы Маркса, значит не было революционеров до Маркса». Если тов. Хеглунд хочет сказать, что теоретическая платформа марксизма не нужна Коммунистическому Интернационалу, то это надо сказать прямо, потому что одно дело революционное движение вообще, вне времени и пространства (такого не существует), а другое дело пролетарская революция, совершающаяся на наших глазах. История тысячу раз оправдала наше название партии с.-р. партией социалистов-революционеров, а эти эсэры стояли как раз на точке зрения Хеглунда в этом вопросе. «Если бы,—говорит тов. Хеглунд,—религиозные представления исключали революционные мысли и поступки, не было бы никогда революционных возмущений или социальных восстаний в религиозном облачении». И это пишет коммунист, перед которым стоит задача уничтожить основы капиталистического строя. Мы рекомендовали бы тов. Хеглунду прочесть произведение Фридриха Энгельса о Людвиге Фейербахе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». Если тов. Хеглунд не знает этого в действительности, то он узнал бы у Фридриха Энгельса, что из себя представляет в настоящее время религия в процессе классовой борьбы. Энгельс писал по поводу французской революции: «Христианство вступило в свою последнюю

стадию. Оно утратило способность на будущее время служить идеологическим покровом для стремлений какого-либо прогрессивного класса. Оно все более и более превращалось в монополию правящего класса, обративши его в орудие управления, с помощью которого сдерживаются низшие классы. При этом различные классы пользуются своей собственной, подходящей для них религией: иезуитско-католическую или ортодоксально-протестантскую исповедуют землевладельцы; либеральная и радикальная буржуазия исповедует рационализм. При этом совершенно безразлично, верят ли эти господа в ту религию, которую они официально исповедуют».

Что же противопоставляет этому тов. Хеглунд? Швейцарского священника Германа Куттера, который утверждает, что «живой бог—самый ярый революционер и самый бесшабашный бунтовщик»». Для Томаса Мюнцера, для восставших против архиепископов и помещиков франконских крестьян библейские тексты были уместны. Какой-нибудь патер Амброзиус триста лет тому назад мог поднять крестьянские массы евангельскими и библейскими текстами. Но в 1923 году члену Центрального Комитета коммунистической партии искать опору в священнике Куттере и др. и считать их на стороне революции—это, «мягко выражаясь», высшая степень наивности.

Религия и коммунизм.

Теперь мы можем ответить на вопросы, поставленные в статье тов. Хеглунда. Антирелигиозно ли коммунистическое движение? Тов. Хеглунд говорит решительно: «Нет». Но вместо того, чтобы доказать, что коммунистическое движение не антирелигиозно, он доказывает совершенно другое. Он доказывает, что в прошлом имелись религиозные движения с революционной окраской; а вслед за этим он доказывает, что в наше время имеются верующие, которые сочувствуют борьбе нашей партии. С изумительной смелостью стремится тов. Хеглунд к тому, чтобы доказать, что коммунистическая партия не враждебна религии. Он пишет: «Было бы глупостью со стороны коммунистической партии назваться антирелигиозной и этим самым отчуждать от себя те элементы, которые можно было бы привлечь на нашу сторону». «Если партия, как таковая, об'явит атеизм чем-то необходимым для коммунистического мировоззрения своих членов, она опустится до уровня секты так же верно, как если бы она об'явила себя баптистской».

Разве это верно? Понятно, это совершенно неверно. Второй Интернационал дает большую свободу не только в вопросах религии. В руководящих писаниях социалиста Гуго Штегмана можно найти следующее заявление, под которым может подписаться и Хеглунд: «Социализм, как таковой, вообще не является врагом христианского вероисповедания, даже наоборот: одной из причин его возникновения можно, по всей вероятности, считать осознание разительного противоречия между действительностью и учением Христа». И даже в наше время Паси (Гог) стремится к тому, чтобы доказать, что «новый завет» заключает в себе «основоположения социализма». Как всем ясно, способы доказательства—те же, что и у Хеглунда. Ссылки на духовных и «на новый завет»? Ну, а как обстоят дела с коммунизмом, однако, даже и Гуго Штегман должен признать, что коммунизм явно враждебен религии. Он пишет: «Коммунизм, представителем которого является Маркс, имеет явно выраженный противорелигиозный характер... У Маркса атеизм является неизбежным следствием его глубоких научных изысканий».

Товарищ Хеглунд чувствует, что нельзя соединить марксизм с религией. Он называет сам себя марксистом и пишет: «Быть может, и верно, что марксизм—миросозерцание, как универсальная философия, не соединим ни с какой религиозной системой, хотя материалистическое понимание истории не задается разрешением проблемы существования связанными с нею вопросами. Но хотя мы, марксисты, рассматриваем божество, как создание людей, а не обратно, хотя мы принимаем рай, как мечты порабощенных о лучшей жизни, как фантасмагорию духовных видений, как идеальную реакцию против печальной действительности, из этого вовсе не следует, что мы должны начинать войну с религией». «Мечты порабощенных»—«фантасмагория духовных видений», «идеальная реакция», так выражается тов. Хеглунд; «род духовной сивухи», «опиум народа, один из видов духовного гнета»—так характеризуют религию тт. Ленин и Маркс. Но как бы ни характеризовать, какими словами ни называть религию, для нас совершенно ясно, что с этой сивухой, с этим опиумом, с этой фантасмагорией, с этой идеальной реакцией каждый коммунист обязан бороться. Тов. Хеглунд с этим решительно не согласен. «Есть люди,—жалуется он,—ссылавшиеся на марксизм, как на защиту основы положения, что наша партия должна взяться за антирелигиозную агитацию». Мы уже видели, что к этим зловредным людям, ссылающимся на марксизм, относится такой коммунист, как тов. Ленин и другой, не менее авторитетный коммунист, как

Фридрих Энгельс. Тов. Ленин в недавно сравнительно написанной статье (см. журнал «Под знаменем марксизма», № 3, март, 22 г.) «О значении воинствующего материализма» дает следующие указания: «Журнал, который хочет быть органом воинствующего материализма, должен быть боевым органом, во-первых, в смысле неуклонного разоблачения и преследования всех современных «дипломированных» лакеев поповщины, все равно, выступают ли они в качестве представителей официальной науки или в качестве вольных стрелков, называющих себя «демократическими левыми или идейно социалистическими публицистами». «Такой журнал должен быть, во-вторых, органом воинствующего атеизма».

Из того факта, что «лишь с изменением материальной обстановки» изменятся или исчезнут нынешние формы представления, Хеглунд делает прямо чудовищный вывод, что до тех пор, покуда эта материальная обстановка не изменилась, покуда условия производства не изменились, нет надобности бороться и с теми формами представления и с теми вреднейшими и грубейшими заблуждениями, с тем религиозным фетишизмом, который вырастает на почве существующих производственных отношений, ибо, по выражению Маркса, «товарный фетишизм есть мистическое покрывало религии» [1].

Если бы мы стали рассуждать подобно Хеглунду, то мы могли бы перенести эти рассуждения не только на вопросы религии, а также на вопросы, например, и о национализме. Разве национализм не вырастает на почве существующих производственных отношений. Однако, мы все считаем необходимым вести борьбу с национализмом. Не напрасно ли мы тратим силы? Тов. Хеглунд может сказать: национализм мешает об'единению пролетариата, религия же не мешает. Чтобы опровергнуть это положение, достаточно было бы вспомнить борьбу различных религиозных общин, групп и течений. По меньшей мере наивностью пахнет от утверждений, будто бы религиозные предрассудки сами собой упадут, как только исчезнет основа их существования, и что разрушать их особой антирелигиозной пропагандой и агитацией нет

[1] «...Религиозный мир есть только рефлекс реального мира. Для общества товаропроизводителей, характерное общественное производственное отношение которого состоит в том, что продукты труда являются для них товарами, т. е. стоимостями, и что отдельные частные работы приравниваются здесь друг к другу в этой единообразной форме, как одинаковый человеческий труд, — для такого общества наиболее подходящей формой религии является христианство с его культом абстрактного человека, в особенности в своих буржуазных разновидностях, каковы протестантизм, деизм и т. д.» (Карл Маркс: „Капитал“ т. I— „Товарный фетишизм и его тайна“).

никакой надобности. Мы уже указали на то, что такое понимание марксизма, что идеологические надстройки сами собой упадут, как только будет изменена их материальная основа, чересчур упрощено и потому неверно. Поль Лафарг в своей работе «О причинах религиозности буржуазии и безбожия пролетариата», указывает на то, что современное положение пролетариата само по себе делает его безбожным, но никто столько не сделал из социалистов для антирелигиозной пропаганды, как именно Поль Лафарг. Г. Гортер в своем труде «Исторический материализм» также останавливается на вопросе о причинах живучести старых религий.

«Но почему, в таком случае,—спрашивает он,—раз старые производственные отношения должны уступить место новым, еще так долго сохраняются старые религии.

На этот вопрос необходимо дать ответ, потому что наши противники пользуются этим фактом, как возражением против нас. Ответ не представляет затруднений.

Во-первых, старый способ производства никогда не отмирает разом. В прежние столетия отмирание происходило до чрезвычайности медленно, и даже теперь, когда крупная промышленность так быстро вытесняет старую технику, проходит очень продолжительное время, пока не исчезнет мелкое производство. Следовательно, еще очень долго достаточный простор для старой религии остается.

Во-вторых, человеческий дух отличается инертностью. Хотя бы тело уже находилось в новых отношениях труда, мысль недостаточно быстро воспринимает новые формы. Традиция, предания оказывают давления на мозг живых. Рабочий легко может наблюдать это на окружающих. Вот два человека на одной и той же фабрике, с одинаковой нуждой, в одинаковой бедности. И тем не менее один слабый, тупой человек, который не хочет борьбы, он не может усвоить свободного мышления и следует за священником в политике, в религии, в профессиональном союзе. А другой—полон жизни, весь жаждет борьбы, вечно он говорит, вечно пропагандирует, вечно возбуждает. Ни бога, ни хозяина—вот его лозунги». (Г. Гортер: «Исторический материализм»).

А как же достигнуть того, чтобы лозунгом всех примыкающих к нам в работе было: «Ни бога, ни хозяина»? Или, может быть, не нужно этого достигать? По мнению тов. Хеглунда, в этом нет надобности. Конечно, участие в коммунистической борьбе само по себе помогает уже пролетариату

освободиться от религиозного дурмана. Сколько было в нашей партии рабочих, которые приходили к нам, еще будучи религиозными, и которые потом становились убежденными атеистами. Но ведь всегда было так, что их религиозность мешала их борьбе, а не помогала. Тов. Ленин писал в 1905 г.: «Раб, сознавший свое рабство и поднявшийся на борьбу за свое освобождение, на половину перестает уже быть рабом. Современный сознательный рабочий, воспитанный крупной фабричной промышленностью, просвещенный городской жизнью, отбрасывает от себя с презрением религиозные предрассудки, предоставляет себе лучшую жизнь здесь, на земле. Современный пролетариат становится на сторону социализма, который привлекает науку к борьбе с религиозным туманом и освобождает рабочего от веры в загробную жизнь тем, что оплачивает его для настоящей борьбы за лучшую земную жизнь». Следовательно, социализм для того, чтобы бороться с религией, должен привлечь для этой борьбы науку, а не полагаться на то, что все само собой образуется и что религия сама исчезнет. Больше того, тов. Ленин резко нападает на тех, кто воображает, что без антирелигиозной пропаганды рабочие освободятся от религиозного обмана.

«Было бы величайшей ошибкой и худшей ошибкой, — писал он, — которую может сделать марксист, думать, что многомиллионные народные, особенно крестьянские и ремесленные массы, осужденные всем современным обществом на темноту, невежество и предрассудки, могут выбраться из этой темноты только по прямой линии марксистского просвещения. Этим массам необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из разных областей жизни, подойти к ним и так и эдак, для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. д.

Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII века сплошь и рядом окажется в 100 раз более подходящей для того, чтобы разбудить людей от религиозного сна, чем скучные, сухие, не иллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами, пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (нечего греха таить) часто марксизм искажают...

Самое важное это суметь заинтересовать совсем еще неразвитые массы созна-

тельным отношением к религиозным вопросам и сознательной критикой религий».

(Н. Ленин. «О значении воинствующего материализма»).

Теперь, надеемся, ясно, почему наша партия должна проповедывать борьбу с религией.

Религия частное дело.

Партии II Интернационала провозглашали лозунг: «Религия—частное дело». И многие из сторонников этой теории понимали дело так, что можно быть членом Рабочего Интернационала и в то же самое время служителем религиозного культа, религиозным проповедником. Мы знаем во II Интернационале социалистов, которые в воскресенье отправляются в церковь и читают там поповские проповеди, а оттуда направляются на рабочие собрания. Товарищ Хеглунд считает, что это вообще еще вовсе не так скверно, так как он ищет способов доказать то, что «христианство вовсе не исключает революционных помыслов, но даже наоборот, может их мотивировать». Но в каком же смысле является религия частным делом? Товарищ Ленин писал в 1905 году: «Религия должна быть частным делом»—этими словами стараются выразить отношение социализма к религии; все же нужно точно установить значение этих слов, чтобы они не вызвали никаких недоразумений. Мы требуем, чтобы религия являлась частным делом по отношению к государству. Государство не должно заботиться о религии; религиозные сообщества не должны иметь никакого отношения к государству. Каждому должен быть предоставлен свободный выбор религии, или отказ от всяческой религии, то-есть признание себя атеистом, каким и должен быть всякий социалист. Должно быть строжайшим образом запрещено какое бы то ни было неравенство граждан в правах, базирующееся на религиозных различиях. Даже отметка о вероисповедании гражданина не должна стоять на его документах. Не должно быть никаких государственных расходов на церкви, государственные средства не должны тратиться на какие бы то ни было церковные или религиозные сообщества. Они должны существовать лишь на добровольные пожертвования одинаково мыслящих граждан.

Требование пролетариата от нынешних церкви и государства формулируется так: полнейшее отделение церкви от государства.

С точки зрения партии социалистического пролетариата, религия вовсе не является частным делом. Партия является союзом сознательных передовых бойцов за освобождение рабочего класса.

Такой союз не может и не должен держаться безразлично по отношению к несознательности, невежеству и обскурантизму, представляемых духовными видениями. Мы требуем полнейшего отделения церкви от государства, дабы могли бороться против религиозного невежества чисто идейным путем и чисто идейными средствами, представляемыми нашей прессой и нашими словами.

Но мы основали свой союз, между прочим, именно для такой борьбы против всякого религиозного одурачения рабочих. Для нас идейная борьба не частное, а общепартийное, общепролетарское дело.

Тов. Хеглунд в вопросе об отношении Коммунистической партии к религии занимает целиком точку зрения II Интернационала. Для него религия не только частное дело по отношению к государству, но и по отношению к Коммунистической партии. С такими взглядами, крайне вредными для рабочего класса, мы должны вести решительную борьбу.

Место антирелигиозной пропаганды.

«Менее важно критиковать небо, чем землю, менее важно бороться с теологией правящего класса, чем с его политикой, менее важно ниспровергать небо, чем капитализм»,—пишет тов. Хеглунд. Такая постановка вопроса прежде всего крайне метафизична, не соответствует действительности. Небо и земля, небесные и земные дела у религиозного человека между собою связаны очень часто, как причина и следствие. Теология правящего класса очень часто (почти всегда) является орудием политики правящего класса, капитализм держит на своей службе служителей культа, использует религию, как орудие порабощения. Но мы можем согласиться с тем, что мы считаем правильным: антирелигиозная борьба не должна выпячиваться на первое место. Мы, русские коммунисты, которых изображают пугалами, безбожниками, неоднократно подчеркивали в своих решениях и сказали это на VI С'езде партии, что антирелигиозная агитация и пропаганда ни в коем случае не должны выпячиваться на первое место. И сближаться пролетариям, сохранившим еще религиозные предрассудки, с нашей партией, мы не препятствуем. Наоборот, в специальном постановлении Центрального Комитета нашей партии, мы допускаем в отдельных случаях пребывание в нашей партии товарищей из рабочих и крестьян, которые на деле доказали, борьбою доказали свою преданность пролетарской революции. 18 лет тому назад тов. Ленин опять-таки дал вполне исчерпывающую правильную постановку вопроса: «Но мы ни в коем случае не должны при этом сби-

ваться на абстрактную идеалистическую постановку религиозного вопроса «от разума», внеклассовой борьбы,—постановку, нередко даваемую радикальными демократами из буржуазии. Было бы нелепостью думать, что в обществе, основанном на бесконечном угнетении и огрубении рабочих масс, можно чисто проповедническим путем рассеять религиозные предрассудки. Было бы буржуазной ограниченностью забывать о том, что гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества. Никакими книжками и никакой проповедью нельзя просветить пролетариат, если его не просветит его собственная борьба против темных сил капитализма».

Не следует забывать, однако, что это написано было 18 лет тому назад, когда борьба пролетариата происходила в иной обстановке, когда мы еще не переживали периода пролетарской революции. Перед нами всюду почти стояли задачи борьбы в рамках буржуазного общества. Вот почему теперь, в эпоху пролетарской революции, все наши лозунги против учреждений буржуазного общества, против идеологии, поддерживаемой буржуазными классами, в том числе и против религии, должны быть гораздо более заостренными, чем 18 лет тому назад. Мы уже сказали, что по отношению к рабочим или батрацко-крестьянским элементам мы допускаем исключения, допускаем участие их, как членов партии, даже тогда, когда они не вполне еще порвали с религиозными мировоззрениями. Но для того, чтобы они порвали свою связь с религией, мы ставим антирелигиозную пропаганду. Конечно, кое-кого антирелигиозная пропаганда от нас отталкивает. Тов. Хеглунд боится, что эти люди неминуемо «будут остановлены в своем приближении к нам войной с религией, ведомой партией, ибо они закоснели в религиозных тенденциях, что есть много других индиферентных (безразличных) к религии людей, которым все же прямая антирелигиозная пропаганда противна. Коммунистическая партия, как всякое воинствующее движение, выискивает себе легчайший путь к победе. Поэтому она должна бережно избегать всего, что ей может затруднить дорогу, если только это не противоречит ее задачам. Отдельные коммунисты, как частные лица, могут заниматься антирелигиозной пропагандой—это их право, и в это никто не будет вмешиваться, поскольку это не причиняет вреда политической программе и деятельности коммунистической партии».

Вот с этим мы никак не можем согласиться, что зани-

маться или не заниматься той или иной отраслью партийной работы—это не обязанность всех членов партии, а только «их право, и в это никто не будет вмешиваться». Это—чисто интеллигентское рассуждение. «Есть много других индиферентных к религии людей, которым все же прямая антирелигиозная пропаганда противна». Не напоминает ли это вам людей, которые стоят за социальную революцию, но которым прямое участие в вооруженной борьбе противно, которые просто не хотят вида крови? Или, например, некоторые ничего не имеют против того, чтобы применять насилие по отношению к буржуазии, но смотрят брезгливо на работу Ч. К? Против такого отношения к партии мы должны бороться самым решительным образом. Если ты член партии, то для тебя всякая работа партии не только право, но и обязанность и от этой обязанности тебя может спасти только неумение ее выполнять, но и тогда ты обязан научиться выполнять ее.

Теперь мы можем кратко формулировать свой ответ тов. Хеглунду.

Антирелигиозно ли коммунистическое движение? Да. Коммунистическое движение, которое направлено против основ буржуазного государства, антирелигиозно, потому что религия есть одно из учреждений буржуазного государства, которому не будет места в коммунистическом обществе. И это надо сознать ясно.

Должна ли наша партия проповедывать войну с религией? Да. Она должна вести войну с религией пропагандой, агитацией, проповедью атеизма, разоблачением связи религии с эксплоатацией господствующих классов, заменой религиозного мировоззрения научным, материалистическим мировоззрением, широкой и глубокой естественно-научной и атеистической просветительной деятельностью.

Должна ли коммунистическая партия отказывать в приеме людям с религиозными воззрениями? Как общее правило—да, потому что религиозные люди будут путаться, мешать борьбе рабочего класса, вносить идеалистическую мешанину там, где нужна ясность материалистического понимания мира. Отдельные же пролетарии, доказавшие свою преданность пролетарской революции, но еще не порвавшие с религией, в отдельных случаях могут допускаться в партию. Если такой пролетарий из-за религии не пойдет рука об руку с партией пролетарской революции, это будет означать, что для него пролетарская революция—не главное.

Должны ли коммунисты иметь марксистское материалистическое миросозерцание? Да. Все ли равно, во имя бога или человека, борется коммунист? Нет, не все равно. Хорошо

усвоенная массами марксистская теория сама по себе является огромной материальной силой. А люди, которые не знают даже, во имя чего бороться,—во имя бога или человека,—не только не могут быть стойкими вождями авангарда пролетарской революции, но могут в решительный момент борьбы серьзно затормозить пролетарскую революцию.

Жизненные условия старого общества уже уничтожены в жизненных условиях пролетариата. Пролетарий не имеет собственности; его отношения к жене и детям не имеют более ничего общего с буржуазными семейными отношениями; современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, так и в Америке, так и в Германии, стерло с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия являются для него не более, как буржуазными предрассудками, под которыми скрываются те или другие интересы.

«Коммунистический манифест».

П. Шубин

МОЛОДЕЖЬ ГОРИТ

Организм молодых революционеров подорван.

Молодежь горит! Мы часто повторяем этот возглас с революционной гордостью. Это чувство законно и понятно. В разгаре гражданской войны, в трудные дни отступлений, в славные дни наступлений, когда рабочий народ собирал все силы и без оглядки, без счета бросал их в пламя сражений, ярко вспыхивающая молодежь, сгорая, освещала героический путь нашей борьбы.

В те критические дни, когда решалась судьба трудящихся на полях битв, не могло быть и речи об экономном, расчетливом, планомерном израсходовании сил.

То были дни, когда история—«безумству храбрых пела славу». Наша Красная армия тогда еще не достигла той степени организованности, когда можно практически поставить вопрос о понижении затрат энергии и сил при разрешении боевых заданий.

Массовый, безрасчетный, неизбежно ведущий к излишним жертвам напор характеризовал революционную работу молодежи в этот период.

Период военного коммунизма не мог не отразиться тяжело на состоянии организмов коммунистической молодежи, бывшей на тяжелых фронтах и в еще более тяжелом Петлюровском, Деникинском и Врангелевском подпольи. Он закалил боевой дух юного революционера, но подорвал в серьезнейшей степени его здоровье.

К сожалению, мы, по причинам, о которых будет сказано ниже, так поверхностно относимся к этой стороне нашего революционного резерва, что до сих пор нет даже более или менее обстоятельного обледования физического состояния членов Комсомола. Но тем, кому приходится участвовать в непосредственной, практической работе юных революционеров, известно, как серьезны, даже жутки, размеры той разрухи, которая причинена гражданской войной на фронте здоровья.

Между тем обстановка нашей борьбы изменилась до неузнаваемости. От атаки, которая требует мгновенного напряжения сил и обещает немедленно полный успех, мы переходим к методической осаде, которая требует продолжительной выносливости, накопления сил и планомерного, экономного, скупого их израсходования.

Часть старых задач оставлена революцией позади, зато на их место выдвинулись другие, не менее сложные, требующие новых приемов в работе. И вот к этим новым задачам, для которых прежде всего нужна продолжительная выдержка и внутренняя устойчивость, тонкий слой Комсомола подходит со здоровьем, серьезно надорванным.

„Наплевательский" взгляд на здоровье опасен.

Но опаснее преждевременной физической надорванности тот безразличный «наплевательский» взгляд на здоровье, который вынес комсомолец из бури гражданской войны. До тех пор, пока этот взгляд не будет признан ошибочным, вредным для правильного развития пролетарской молодежи, подрубающим корни коммунистической партии, до тех пор мы не будем иметь настоящих, доподлинных резервов. Вот почему лозунг «внимание резервам» должен быть расшифрован в том смысле, чтобы комсомолец научился смотреть на себя, как на инструмент революции, очень дорогой и ценный, который не должен изнашиваться без полезного результата. который должен содержаться в максимально лучших условиях и небрежное отношение к которому есть, прежде всего, преступление против рабочего класса.

Неряшливость и беспечность должны быть уничтожены.

Поздняя осень. Сыро и холодно. На совещание Комсомола с'езжается молодняк «губернского или уездного масштаба». Присмотритесь: сколько из них без шинелей, в легких косоворотках, с развалившейся обувью?

Посиневший от холода подросток взасос затягивается папиросой. Он — делегат, должен был сделать доклад, но вот потерял голос в дороге.

«Юный товарищ, резервный боец, почему без шинели?»

На этот вопрос, который предлагается, увы, слишком редко, может последовать один из трех возможных ответов:

«До сих пор не дали шинелей, да и обещают немного».

Или:

«Не успел захватить, да и к чему? Авось и так как-нибудь обойдусь»...

Или:

«Товарищ взял, обещал до от'езда принести—не принес. Мало аккуратности у наших ребят».

Каждый из этих ответов обнаруживает одну из причин, хищнически подрывающих здоровье нашей будущей гвардии.

Рассмотрим в отдельности каждую из них.

«Не достали шинелей». Это—упрек, больше—обвинение, обращенное уже прямо к взрослым партийцам. Как ни скудны запасы Республики, как ни тяжело бывает среди всех кричащих потребностей выбрать наиболее неотложное, все же ясно для всех, что молодняк Комсомола в этом вопросе должен занять первое место.

Нужны ли еще доказательства? Достаточно посмотреть процент туберкулезных на рабфаках и процент нервно-издерганных в харьковской организации Комсомола, чтобы на эту тему больше распространяться не было нужды.

Гораздо сложнее другой вопрос: как добиться, чтобы отпущенная шинель—1) попала без волокиты и канцелярщины на те плечи, которым она предназначена, 2) чтобы шинель исполняла свою службу на все 100%, не выйдя в тираж раньше положенного срока, и не очутилась через два-три месяца без пуговиц где-нибудь под кроватью!

Главным препятствием для разрешения этой задачи является то наплевательское настроение самого комсомольца, отголоски которого слышатся во втором ответе: «как-нибудь обойдусь, дело привычное».

Что это? Аскетизм, требовательность к самому себе, переходящая границы разумного? Нет, не это или, во всяком случае, не только это. Из периода военного коммунизма комсомолец вынес дозарезу необходимое тогда, нужное также и теперь качество—не возиться с собой. Но, как напомнил тов. Ленин, достоинство, переходящее определенную границу, превращается в свою противоположность—в недостаток.

Непритязательность комсомольца превращается в небрежность, в разнехайство, в какую-то стариковскую, ленивую неряшливость. Она заключается в том, что комсомолец не только не научается с минимальным вредом для своего здоровья обходиться без недостающей вещи, а разучивается с максимальным результатом использовать то, что у него имеется.

Я предвижу возражения и опровержения. Но пусть любой работник Комсомола вспомнит, как он распоряжается с теми средствами, которые составляют его доходный бюджет. Не правда ли: несколько дней слишком густо, зато потом весь остаток месяца сразу пусто. Такое отсутствие планомерности не имеет ничего общего с подготовкой своего организма

к физическим лишениям и трудностям, оно бьет самым чувствительным образом не только по здоровью, но и по психике.

Мы хотим научиться подчинить себе слепые силы природы и стихийные противоречия, возникающие внутри производства. Мы этого достигнем. Но раньше надо научиться заставлять каждую вещь, в том числе и шинель, служить себе, по крайней мере, не хуже, чем она служит английскому или американскому спортсмену.

Возьмем квартирный вопрос. Прикинув на глаз (статистического материала нет), можно сказать, что большая часть работников Комсомола живет отдельно от родственников. Этот уход подсказан здоровым инстинктом подростка, чувствующего, что ему легче будет ковать из себя нового человека, если он отойдет хотя бы для начала от стариков. Нэповщина и рост мещанства среди отцов должны еще усилить этот процесс.

Тем важнее сейчас же присмотреться к тому, как устраиваются работники Комсомола в своей личной жизни, предоставленные собственным силам. Здесь снова мы видим полное неумение использовать имеющиеся ресурсы,—мало того, нежелание тому научиться; разнехайство возведено, если не в добродетель, то, по крайней мере, в систему.

Комсомолист умеет работать — мы этим гордимся. Но умеет ли он отдыхать или, что еще важнее, умеет ли он ценить отдых товарища?

Здесь мы подходим к третьему ответу, указанному выше: мало аккуратности у наших ребят.

В комнате накурено, вещи разбросаны, приходит один товарищ, другой. Гости свободны, но живущим в комнате нужно работать.

Есть ли товарищеская предупредительность, выражающаяся в желании прежде всего не мешать?

В крупных центрах или среди той части комсомолистов, которые проходят дисциплину в школе, на рабфаках или в техникумах, эта черта начинает прививаться. Но в массе «лагерный» дух неэкономного расходования своего собственного времени и, вследствие этого, невнимательное отношение ко времени товарища сидят еще крепко. Комсомолист умеет работать, но в громадном большинстве случаев не он планомерно распределяет эту работу, а наоборот, она наскакивает на него внезапно, непредвиденно и заставляет также скачкообразно трудиться.

Отсюда эта ненормальная смесь перегруженности с праздностью и, в результате, отсутствие внимательного отношения к планомерной работе товарища.

«Ладно, успеешь потом».

На это иногда бесшабашное замечание должен последовать ответ:

«Успеть-то успею, но работа будет сделана хуже и сил будет потрачено больше. Хочу научиться работать по плану, а ты не мешай».

В области личной жизни комсомолец не может руководствоваться нигилистическим, гнилым лакейски-мещанским лозунгом: «все позволено».

Наоборот, он постоянно чувствует над собой дыхание высшего судьи—революции.

Революция требует, чтобы резервы были в бодром, крепком, психически и физически устойчивом состоянии. Поэтому то, что подрывает эту устойчивость, что истощает эти силы, что разряжает энергию юности, должно быть отброшено, как преступное. Поэтому и преждевременно выкуренная папироса, и бесцельное бравирование своим здоровьем, и усвоение дурных привычек—все это преступления прежде всего перед революцией.

Молодежь горит. Нельзя делать революцию, не истрачивая себя. Но восходящий класс, в процессе революции, получает больше, чем тратит.

Новые источники сил, новые залежи энергии он открывает в себе в процессе борьбы, а потому:

Молодежь горит, но не сгорает.

III

СОДЕРЖАНИЕ:

Фридрих Энгельс

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СЕМЬИ

Морган большую часть своей жизни провел между оседлыми ирокезами штата Нью-Йорка. Он даже считался членом одного из колен этого племени, колена Seneka. Живя между ними, он заметил, что у них система обозначения родственных отношений не соответствует действительным родственным отношениям. Они жили в том обоюдо легко расторжимом супружестве, которое Морган называет случайной семьей (Paarungsfamilie).

В такой семье легко определяются родственные отношения, тут не может быть сомнения, кого следует называть отцом, матерью, сыном, дочерью, братом, сестрой. Между тем, ирокез не только своих детей называет сыном, дочерью, но дает то же имя и детям своих братьев, а те зовут его отцом. Детей же своих сестер он называет племянниками и племянницами, а они его—дядей. Наоборот, ирокезка называет как своих детей, так и детей своих сестер сыновьями и дочерьми, а те зовут ее матерью. Детей же своих братьев она зовет племянниками и племянницами, а те ее—теткой. Дети родных братьев—братья и сестры между собою, точно так же, как и дети родных сестер. Дети же родных сестры и брата между собою двоюродные братья и сестры. И эти обозначения не пустое имя, а выражение действительно существующего воззрения на близость и отдаленность, равенство и неравенство кровного родства, и они служат основанием подробно выработанной системы обозначения родства, посредством которой можно выразить сотню различных семейных отношений одного лица. Такая система существует не только у всех американских индейцев (до сих пор неизвестно ни одного исключения), но ее мы встречаем и у первобытных жителей Индии, у дравидов в Декане и у горасов в Индостане. Обозначение родства у южно-индейских томилов и у Seneka-ирокезов

Нью-Йорка совпадают более чем в двухстах случаях. Но и у тех и у других родственные отношения, вытекающие из существующей формы семьи, не согласуются с системою обозначения родства.

Как же это об'яснить? В общественном устройстве диких и варваров родство играет такую крупную роль, что отделаться ничего не значащими фразами от об'яснения значения этого факта невозможно. Система, действующая во всей Америке, присущая племенам совсем другой расы в Азии, встречающаяся, хотя в более или менее измененной форме, повсюду в Африке и Австралии, требует исторического об'яснения, и к ней нельзя так поверхностно относиться, как отнесся, например, Мак-Ленан. У этих народов названия: отец, мать, сын, дочь, брат, сестра—не почетный титул; с ними соединены определенные важные обязанности, свод которых составляет существенную часть общественного уложения. Кроме того, еще в начале текущего столетия на Сандвичевых островах (Гаваи) существовала такая форма семьи, в которой названия: отец и мать, брат и сестра, сын и дочь, дядя и тетка, племянник и племянница—действительно, на деле, соответствовали американской и древне-индусской системе обозначения родства.

Но—замечательно! Система обозначения родства на Гаваи тоже не согласовалась с существовавшею в то время формою семьи. По этой системе все без исключения дети родных братьев и сестер—братья и сестры между собою и считаются общими детьми не только своих матерей и их сестер или своих отцов и их братьев, но и всех сестер и братьев своих родителей, без различия. Как американская система обозначения родства заставляет предполагать (и это предположение в действительности подтвердилось) более примитивную форму семьи, уже исчезнувшую в Америке, но которую мы встретили на Гаваи, так система обозначения родства на Гаваи указывает на еще более древнюю форму семьи, тоже исчезнувшую в настоящее время, но которая д о л ж н а была существовать, ибо иначе нельзя об'яснить происхождение соответствующей этой форме семьи системы обозначения родства. «Семья,— говорит Морган,—элемент активный, деятельный, семья не остается неподвижной, а развивается, переходя из низшей в высшую форму, соответственно социальному развитию. Система же обозначения родства—элемент пассивный; только по прошествии длинного промежутка времени отмечается в ней тот прогресс, который совершился в форме семьи, и только тогда она радикально изменяется, когда это радикальное изменение уж давно завершило перемену в форме семьи».

«И то же,—прибавляет Маркс,—бывает с политическими, юридическими, религиозными и философскими системами». В то время, как семья живет и развивается, система обозначения родства окостеневает, и форма семьи перерастает эту систему. Но с такой же уверенностью, как и Кювье по обломку кости, найденному около Парижа, заключил, что эта кость сумчатого животного и что эти исчезнувшие животные в давно минувшее время жили на том месте, где найдена эта кость,—с такою же уверенностью из дошедшей до нас системы обозначения родства можно заключить о существовании соответствующей ей и ныне исчезнувшей формы семьи.

Упоминаемые системы обозначения родства и формы семьи отличаются от ныне принятых тем, что в прежних каждый ребенок называл (считал) отцом и матерью многих. В американской системе родственных отношений, которой соответствует гавайская форма семьи, братья и сестры не могут считаться отцом и матерью одних и тех же детей, но гавайская система обозначения родства предполагает существование такой формы семьи, при которой это допускалось. Рассмотренные нами формы семьи противоречат обыкновенно принимаемым. Обыкновенно признают лишь единобрачие (моногамию) и, как исключение, многоженство (полигамию), как редкость—многомужество (полиандрию), но при этом, конечно, умалчивают, как подобает морализирующим филистерам, что в действительности единобрачие молча, но бесцеремонно не соблюдается. Изучение же доисторической жизни человечества указывает на такие времена, когда мужья жили в многоженстве, а их жены в то же время в многомужестве, дети же принадлежали им всем, были общими. Переход от этого состояния к единобрачию сопровождался целым рядом изменений, которые состояли в том, что первоначальный обширный круг семейного сожития постепенно суживался и дошел до одной пары, до единобрачия—форма, ныне преобладающая.

Реставрировав на вышеприведенных данных историю семьи, Морган пришел к тому же выводу, к которому пришло большинство ученых, занимавшихся этим предметом, а именно, что в первобытном состоянии человеческого общества господствовала полная свобода половых отношений в пределах определенного племени, так что в нем каждая женщина принадлежала каждому мужчине и каждый мужчина—каждой женщине. Бакофен первый открыл такое состояние [1]). Из этого состояния и, вероятно, весьма рано—развились:

---

[1]) Но Бакофен неправильно понял то, что он открыл, или, вернее, угадал; это видно из того, что это свободное половое сожитие он назвал г е т е р и з м о м. Этим

1. Кровородственная семья, первая органическая форма общества и начало семьи. Здесь брачные группы разделяются по поколениям: в границах такой семьи все деды и бабки между собою мужья и жены, также и их дети, отцы и матери; дети этих последних составляют третью группу общих супругов, а их дети, правнуки первой группы, образуют четвертую группу. Следовательно, в этой форме семьи исключаются от права и обязанностей брака (как теперь бы сказали) лишь предки и потомки, родители и дети. Братья и сестры, родные и двоюродные первой, второй и дальнейших степеней—все—братья и сестры, а потому мужья и жены между собою. При такой семье родственные отношения между братом и сестрой распространяются и на половую связь. Семья этого типа состоит из потомков первой пары, которые между собою братья и сестры, и из дальнейших потомков, из которых каждое поколение тоже между собою братья и сестры, а потому мужья и жены.

Кровородственная семья вымерла. Она не встречается теперь и у самых диких народов, но что такие семейные отношения действительно существовали, это доказывает гавайская, во всей Полинезии до сих пор принятая система обозначения родства, в которой ясно выражается кровное родство всех членов семьи, возможное лишь при форме кровородственной семьи. Без этой формы необ'яснимо дальнейшее развитие семьи.

2. Пуналуа-семья. Первое прогрессивное изменение в организации половых отношений состояло в исключении из таковаго сожития родителей и их детей, второе—в исключении братьев и сестер. Последнее изменение имело весьма важное значение, и ввести его было труднее, чем первое, потому что в этом случае исключались из полового сожития лица более или менее одинакового возраста. Это изменение утвердилось постепенно: вначале только в известных случаях не допускались в половой союз единоутробные братья и сестры (т. е. с материнской стороны), затем мало-по-малу это сделалось общим правилом (хотя на Гаваи встречались из'ятия даже в настоящем столетии), и, наконец, это запрещение

именем греки называли любовную связь холостых или в единобрачии живущих мужчин с незамужними женщинами. Следовательно, гетеризму предшествовало установление определенной формы брака, вне которого совершалась упомянутая связь, и вместе с тем возможность проституции. В другом смысле это слово никогда не употреблялось. Морган и я оставляем за ним его настоящее значение. Весьма важные открытия Бакофена до невозможности затуманиваются его предположением, что основание исторического развития между женщиной и мужчиной—не в действительных жизненных условиях, а в религиозных представлениях человека.

распространили на детей, внуков и правнуков единоутробных братьев и сестер. Это изменение, по Моргану, прекрасно иллюстрирует действие естественного подбора, ибо, несомненно, что племена, у коих половое сожитие ограничено последним изменением, быстрее и всестороннее развиваются, чем племена, сохранившие половой союз между братьями и сестрами. Могучее действие этого изменения обнаружилось в вышедшем из него родовом быте, основе социального устройства почти всех варварских народов. Из этого быта греки и римляне прямо перешли в цивилизацию.

Эта первичная семья делилась через несколько поколений. А так как первобытное коммунистическое хозяйство требовало семейного союза известной величины, различной при одинаковых условиях, но для каждого места довольно определенной, то, когда укрепилось понятие о непристойности половых сношений между единоутробными детьми, оно осталось без влияния на разделение прежних и образование новых хозяйств (которые могли и не совпадать с семейною группою). Одно или несколько поколений сестер составили зерно одного хозяйства, их единоутробные братья—зерно другого. Так или подобно этому образовалась из кровородственной формы семья, которую Морган назвал пуналуа-семьей (семьей товарищей). По гавайскому обычаю известное число сестер, единоутробных или не столь близкого родства (двоюродные сестры первой, второй и более отдаленной степени), были общими женами мужей, из числа которых исключались их братья, эти мужья называли один другого не братом, и в действительности они не были братьями, а п у н а л у а, близкий товарищ. Таким же образом единоутробные или не столь близкого родства братья имели общих жен, только не своих сестер, и эти жены называли одна другую тоже п у н а л у а. Вот классический тип семьи этого рода. Он впоследствии изменялся, но характерную черту его составляла общность мужей и жен в определенной семейной группе, из которой исключались братья жен и сестры мужей, сперва единоутробные, а потом и более дальнего родства.

В этой форме семьи степени родства вполне соответствуют американской системе обозначения родственных отношений. Дети сестер моей матери—и ее дети, дети братьев моего отца—и его дети, и все они мои братья и сестры. Но дети братьев моей матери ей племянники и племянницы; дети сестер моего отца ему племянники и племянницы, и все они мои двоюродные братья и сестры. В то время, когда еще мужья сестер моей матери были и ее мужьями, а жены братьев моего отца и его женами, если не в действительности,

то по праву,—общественное неодобрение половых сношений между братьями и сестрами разделило детей братьев и сестер, прежде безразличных, на два класса: одни, как и прежде, остались братьями и сетрами между собою (неединоутробными), другие, с одной стороны, дети братьев и, с другой,—сестер, не могли уже считаться братьями и сестрами, так как не могли иметь общих родителей, ни отца, ни матери, ни обоих вместе. Вследствие этого необходимо явилась новая степень родства — племянники и племянницы, двоюродные братья и сестры—невозможная при прежних семейных отношениях. Американская система обозначения родства, бессмысленная при какой бы то ни было форме единобрачия, разумна и рациональна до малейших подробностей при семье пуналуа. Граница распространения этой системы обозначения родства есть в то же время граница распространения семьи пуналуа.

Эта форма семьи действительно существовала на Гаваи и, вероятно, во всей Полинезии, но благочестивые миссионеры, подобно блаженной памяти испанским монахам в Америке, считали эти противо-христианские отношения за такую «мерзость» [1]), которая недостойна их внимания. Цезарь рассказывает о бритах, которые в его время переживали средний отдел варварства, что у них от 10 до 12 мужчин, обыкновенно братья или родители с детьми, имеют несколько общих жен. Это возможно лишь при пуналуа-семье. У жен варваров не могло быть 10—12 сыновей в таком возрасте, чтобы иметь общих жен, но при американской системе много великовозрастных братьев, потому что все близкие и отдаленные двоюродные братья считаются между собою братьями. Что касается до выражения «родители с детьми», то это, вероятно, ошибка со стороны Цезаря; в пуналуа-семье возможно встретить в одном и том же половом союзе отца и сына или мать и дочь, но никоим образом отца и дочь, мать и сына. Этой формой семьи об'ясняются тоже сообщения Геродота и других древних писателей об общих женах у народов, живших в диком состоянии и варварстве. Вероятно, к пуналуа-семье относятся также замечания Watson'a и Kaye'я (The people of India) о том, что такуры (к северу от Ганга) живут беспорядочно (в половом отношении) большими обществами, и встречающиеся у них браки между двумя лицами лишь номинальные.

[1]) Мнимо открытые Бакофеном следы беспорядочного полового сожития, его „Sumpfzeugung" не что иное, как пуналуа-семья. Бакофен такие семьи находит „беззаконными", но ведь современник этой семейной формы нашел бы кровосмешение в большинстве нынешних браков между близкими и отдаленными родственниками с материнской и отцовской стороны, ибо это браки между кровными родственниками (Маркс).

Из пуналуа-семьи, почти без исключения, непосредственно произошел род (gens). Правда, и австралийская система полового сожития может привести к тому же, и у австралийцев был род, но у них не было пуналуа-семьи. Впрочем, их семейная организация совершенно исключительная, и мы на ней не будем останавливаться.

Во всяком половом сожитии группами отец ребенка может быть не известен, но всегда известна его мать, и хотя она всех детей общего семейства называет своими детьми и несет в отношении их материнские обязанности, но непременно она отличает между ними детей, ею самой рожденных. Поэтому в сожитии группами можно проследить лишь поколения с материнской стороны, почему в таковых сожитиях признается только женская линия. Так было у всех дикарей и у народов низшей степени периода варварства. На это в первый раз указал Бакофен; это составляет его вторую заслугу в исследуемом нами вопросе. Он назвал это исключительное признание происхождения по женской линии и основанное на нем впоследствии право наследства—материнским правом. Я тоже буду употреблять это название в виду его краткости, хотя оно и не точно. На этой ступени общественного развития не может быть речи о праве в юридическом смысле.

Таким образом, пуналуа-семья принимает две формы. В одной из них такая семья состоит из ряда единоутробных и более дальнего родства сестер (т. е. происходящих от единоутробных сестер в 1, 2, 3 и т. д. коленах) с их детьми и единоутробными и более дальнего родства братьями с материнской стороны (которые отнюдь не могут быть их мужьями). Такая группа охватывает всех лиц, которые вошли в состав рода в его зародышном состоянии. Эта группа имеет одну общую прародительницу, в силу чего все женщины одного поколения —сестры между собою. Но так как мужьями их не могут быть их братья, то, следовательно, у мужей и жен различные прародительницы,—они не принадлежат к одной родственной группе. Дети же их принадлежат к этой группе, так как происхождение по женской линии имеет решающее значение. Как только вошло в силу запрещение половых сношений между родственниками по матери и единоутробными и дальними, вышеупомянутая группа обратилась в род, т. е. установился кровородственный союз по женской линии, члены которого не могли входить в половые сношения между собою. Общие социальные и религиозные учреждения все более укрепляли этот союз и обособляли его от других родовых союзов того же племени. Об этом впоследствии будет сказано подробно.

Допустив, что род необходимо и естественно образовался из пуналуа-семьи, мы должны вместе с тем признать, что эта форма семьи существовала у всех народов, у которых находим следы родового быта, т. е. у всех варваров и цивилизованных народов.

3. Парная семья. Случайное сожитие пары в продолжение более долгого или короткого времени случалось не только при пуналуа-семье, но и ранее. Муж из многих жен выбирал одну, главную (едва ли можно сказать—любимую), и, в свою очередь, был для нее первым между остальными мужьями. Такое отношение сбило с толку миссионеров, и они видели в пуналуа-семье то беспорядочную общность жен, то произвольное расторжение брака. Такое случайное сожитие парами все более распространялось по мере развития родового начала и исключения из полового союза братьев и сестер все более дальнего родства. Но запрещение сожития между кровными родственниками на этом не остановилось. Так, у ирокезов и большинства других индейцев, находящихся на нижней стадии варварства, брак между родственниками запрещен в сотне случаев по их системе обозначения родства, что сделало невозможным браки группами; их заменили случайные семьи. При этой форме семьи мужчина живет с одной женщиной, но за ним остается право многоженства и случайной неверности, хотя первым правом, по экономическим причинам, он редко пользуется. Со стороны же женщины, за все время сожития, требуется верность, и нарушение ее жестоко наказывается. Но такой союз легко расторжим как с той, так и с другой стороны; дети, как при пуналуа-семье, остаются при матери.

Естественный подбор продолжал действовать и при исключении из полового союза все большего числа кровных родственников. Морган говорит: «От брака между членами неродственных родов произошло племя, более сильное физически и нравственно; при скрещивании двух прогрессирующих родов естественно увеличился об'ем черепа и мозга их потомков, ибо способности последних составляют сумму способностей первых. Поэтому племена с родовым бытом более развились, чем оставшиеся при прежней семейной форме.

Таким образом, развитие семьи состояло в ограничении круга лиц, между которыми было дозволено половое сожитие. Вследствие запрещения этих отношений сперва между близкими, затем и более отдаленными родственниками, наконец, даже между свойственниками, брачный союз группами сделался практически невозможным, и в конце концов осталась лишь одна пара, в прежнее время слабо соединенная, та пара,

с распадением которой исчезает самая возможность супружества. Уже из этого видно, как мало причастна к установлению единобрачия индивидуальная половая любовь, в теперешнем значении этого слова. То же самое, но еще яснее, свидетельствует наблюдение над жизнью народов, стоящих на рассматриваемой стадии развития. При прежних формах семьи мужчина не затруднялся в отыскании жен, напротив, их было более, чем требовалось, теперь же женщины стали редки. Поэтому с установлением случайного брака входит в обычай похищение и купля жен; эти симптомы важного социального изменения составляют лишь различные способы добывания жен, а педант шотландец Мак-Ленан принял их за особенные формы семьи—«брак путем похищения» и «брак путем купли». И прежде у американских индейцев и у других народов на той же стадии развития брак совершался не по желанию жениха и невесты, а по выбору матери. Часто обручались два лица, никогда не видавшиеся. Они знакомились по заключении сделки, пред самым наступлением времени брака. Перед свадьбой жених одаривал родичей невесты (ее родственников с материнской, а не с отцовской стороны), и эти подарки считались куплею. Брак расторгался по желанию обеих или одной из сторон. Но постепенно у некоторых племен, например, у ирокезов, общественное мнение восстало против такого расторжения браков. При семейных раздорах родичи мужа и жены стали принимать посредническое участие, и только в том случае, если не состоялось примирение, разрешался развод; дети оставались при матери, и обе стороны могли вновь вступать в брак.

Случайное семейство, слабое и неустойчивое, не чувствовало ни потребности, ни желания обзавестись отдельным домом и оставалось при прежнем коммунистическом хозяйстве. А такое хозяйство обусловливает первенство в доме женщины, точно так, как исключительное признание матери по крови, при невозможности с полной уверенностью указать на отца по крови, вызывает особое почтение к женщине, т. е. к матери. Перешедшие к нам из XVIII столетия представления, что женщина на первых порах общественной жизни была рабою мужчины, совершенно неправильно. Женщина у диких и у варваров низшего и среднего отдела, а отчасти и высшего, не только совершенно свободна, но и занимает почетное положение в обществе. О положении женщины при господстве случайной семьи Arthur Wrighf, долго живший в качестве миссионера между Сенека-ирокезами, свидетельствует следующее: «Что касается того времени, когда они жили в старых длинных домах (коммунистическое хозяйство нескольких се-

мейств), то в это время у них преобладал всегда какой-либо один клан (род), и жены выбирали мужей из другого клана (рода)... Обыкновенно домашним хозяйством распоряжались женщины, все припасы были общие, и горе тому несчастному мужу или любовнику, который по лености или неспособности ничего не внес в общий продовольственный запас. Сколько бы детей ни имел, какою бы движимостью ни располагал, каждый мужчина должен был ежечасно ожидать приказания связать дорожный узел и убираться вон. И он беспрекословно исполнял такое приказание, ибо в противном случае жутко пришлось бы ему: он или возвращался в свой клан (род) или, и это случалось чаще, искал нового брака в другом клане. Женщины пользовались в клане (роде) большою властью, и только случайно они не додумались до того, что могут смещать и обращать в простых воинов предводителей клана (рода)». Таким образом, коммунистическое хозяйство, в котором все или большая часть женщин принадлежали к одному роду, а мужчины к различным, служило основанием весьма распространенному в отдаленные времена господству женщин, на что в первый раз тоже указал Бакофен, и это его третья заслуга. Кстати замечу, что сказанному не противоречат свидетельства путешественников и миссионеров о том, что у дикарей и варваров женщины обременены непосильной работой. Разделение труда между женщиной и мужчиной обусловливается другими причинами, а не социальным положением женщины. У народов, у которых женщина работает больше, чем ей следовало бы по нашим понятиям, она в действительности пользуется большим уважением, чем женщина в Европе. Цивилизованная госпожа, окруженная внешним почетом и отстраненная от всякого производительного труда, занимает более низкое положение в обществе, чем в поте лица работающая жена варвара, настоящая госпожа всего дома.

Встречается ли еще и теперь в Америке пуналуа-семья, или ее уже повсеместно вытеснила семья случайная, это должны показать ближайшие наблюдения над жизнью северо-западных и южных американских племен, не вышедших и до сего времени из высшего отдела варварства. Во всяком случае, не все следы пуналуа-семьи исчезли. По крайней мере, у сорока северо-американских племен сохранилось за мужем старшей сестры право взять себе в жены всех ее младших сестер, достигших требуемого возраста, — следы существования общих мужей у целого ряда сестер. О калифорнцах (высший отдел дикого состояния) Банкрофт рассказывает, что у них установлены праздники, на которые собираются несколько отдельных родов с целью повального

полового сношения. Очевидно, это такие роды, среди которых сохранилось темное воспоминание о времени, когда все женщины одного рода были женами всех мужчин другого, и наоборот. Подобные обычаи, перешедшие из прежних лет, находим почти у всех народов: сюда относится, например, проституция финикийских девиц в храме Астарты и средневековое право первой ночи, которое, несмотря на все обеление его немецкими новоромантиками, бесспорно практиковалось, как сохранившееся при посредстве кельтического рода (клана) воспоминание из времени случайной семьи.

Случайное семейство возникло на границе дикого состояния и варварства, по большей части в высшей стадии дикого состояния и реже—в низшем отделе варварства. Это характерная форма семьи в периоде варварства, в то время как брак группами—характерная форма семьи в диком состоянии, а моногамия—в периоде цивилизации. Но для укрепления моногамии требовались не те условия, которые мы до сих пор встречали. В случайном браке группа дошла до крайнего предела, до семейной молекулы: один муж, одна жена. Этим закончился цикл развития естественного размножения; в этом направлении оно не могло уже итти далее. И если бы не действие новых, общественных явлений, то не было причины перехода от случайной к новой форме семьи. В действительности же эти причины оказались.

Мы оставляем теперь Америку, эту классическую страну случайного брака. Нет ни малейшего признака, из которого можно было бы заключить о существовании между туземцами Америки высшей формы семьи; нет признака, чтобы в какой-либо части Америки, до открытия и завоевания ее европейцами, существовала постоянная моногамия. Иное видим мы в Старом Свете.

Здесь в приручении животных и размножении стад открылся до того времени не подозреваемый даже источник богатства и вызвал к жизни совершенно новые социальные отношения. До низшего отдела варварства богатство (имущество) заключалось лишь в доме, одежде, грубых украшениях и орудиях, облегчающих добычу и приготовление пищи: челн, оружие и простая домашняя утварь. Запасов не было, пища добывалась изо дня в день. Но в стадах лошадей, верблюдов, ослов, рогатого скота, овец; коз и свиней пастушеские народы, арийцы в индийском Пятиречьи, долине Ганга и в то время богатых водою степях Оксуса и Яксарта, и семиты на Тигре и Евфрате приобрели такого рода собственность, которая, при небольшом надзоре и уходе, легко размножалась и давала обильную молочную и мясную пищу.

С того времени все прежние источники добычи пищевых веществ заняли второстепенное место; охота из необходимого занятия стала удовольствием, роскошью.

Но кому принадлежало это новое богатство, эта новая собственность? Вначале всему роду,—это несомненно. Но скоро стада перешли в частную собственность. Трудно решить, считал ли составитель так называемой первой книги Моисея стада патриарха Авраама его собственностью в силу личного права или в силу того, что он был фактически наследственный глава рода. Верно лишь то, что Авраам не был собственником в том смысле, который теперь соединяется с этим понятием. И так же несомненно, что на пороге достоверной истории стада составляли уже частную собственность отдельных семей, как и произведения искусств периода варварства—металлические посуда и украшения и, наконец, как человек, сделавшийся рабом.

Ибо в это время уже существовало рабство, которое не имело еще значения для варвара низшего отдела этого периода. В этом причина, почему американские индейцы иначе поступали с побежденным врагом, чем народы высшей стадии развития. Мужчин они или убивали, или причисляли, как братьев, к роду победителя. Женщин они или брали к жены, или также принимали в состав рода со всеми детьми. На низшей ступени варварства рабочая сила не приносила хорошего барыша; он почти весь поглощался стоимостью содержания рабочего. Но это изменилось с введением скотоводства, обработки металлов, тканья и, наконец, земледелия. Как прежде многочисленные жены, сделавшись редкими, получили особую ценность, так и теперь получала ценность рабочая сила, особенно с тех пор, как стада перешли в частную собственность. Семья размножалась медленнее стада. А надзор за стадами требовал все более людей, и пригодными для этой цели оказались военнопленные, которые к тому же, подобно стаду, размножались естественно.

Эти богатства с переходом в частную собственность быстро умножились и повели к дальнейшему развитию общества, основанного на случайном браке и роде. Случайный брак ввел в семью новый элемент. К родной матери присоединился признанный родным отец, который, по всему вероятию, имел более прав на это имя, чем многие «отцы» нашего времени. При тогдашнем разделении труда между членами семейства, на долю мужа выпала забота о добыче пищи и нужных для этого средств производства, которые составляли его собственность, так что при бракоразводе эти средства оставались у него, а весь домашний скарб принадлежал жене.

Таким образом, в силу господствовавшего тогда обычая, муж был собственником новых пищевых источников—домашнего скота, а впоследствии и новых рабочих средств—рабов. Но по силе же обычая, дети не наследовали отцу.

По материнскому праву, т. е. до тех пор, пока происхождение считалось лишь по материнской линии, и первоначальному обычаю родовой наследственности умершему члену рода наследовали его родичи. Имущество не должно было выходить из рода. При незначительности первоначального наследства, вероятно, исстари велось, что оно переходило к ближайшим родичам, т. е. к агнатам с материнской стороны. И так как дети принадлежали не к роду отца, а к роду матери, то они наследовали после нее сперва на ряду со всеми агнатами с материнской стороны, а впоследствии они, может быть, были главными ее наследниками, после же отца никогда не наследовали, как не принадлежащие к его роду, а имущество отца должно было оставаться в роде. Следовательно, по смерти собственника, принадлежавшие ему стада переходили сперва к его братьям и сестрам и к детям его сестер и затем к потомкам сестер его матери. Его же дети ему не наследовали.

Но по мере увеличения богатства возрастало значение мужа в семье на счет значения жены, и в нем родилось желание воспользоваться этим значением для изменения существовавшего порядка наследования в пользу своих детей. Но достигнуть этого нельзя было, не уничтожив материнского права. И это не было так трудно, как могло казаться, ибо этот переворот, один из важнейших между пережитыми человечеством, не затрагивал ни одного из живых членов рода. Положение их после переворота не изменилось. Достаточно было постановить, что на будущее время потомки по мужской линии остаются в роде, а по женской линии переходят в род мужа. Этим положен был конец счету происхождения по женской линии и материнскому праву наследства и введено родословие по мужской линии и право наследства после отца. Как и когда этот переворот совершился у культурных народов, мы не знаем,—он произошел в доисторическое время, вот одно, что можно сказать. Но что такой переворот действительно был—это вполне доказывается собранными Бахофеном следами материнского права, а что он совершился легко—это видно из наблюдений над целым рядом американских племен, у которых этот переворот произошел недавно и еще теперь происходит под влиянием отчасти возрастающего богатства и перемены образа жизни (переселение из лесов в прерии), отчасти от воздействия цивилизованных

соседей и миссионеров. Из восьми миссурийских племен у шести действует мужская родословная линия и мужское право наследства, а у двух — материнское право происхождения и наследства. У других племен было в обычае давать детям имена отцовского рода и тем переводить их в этот род для того, чтобы они могли наследовать своему родителю. «Врожденная человеку казуистика под видом перемены названия изменять самую суть вещей и находить лазейку к уничтожению одного предания другим, когда непосредственный интерес этого требует, об'ясняет подобные изменения» (Маркс). Рассматриваемый обычай повел к большой путанице, которую необходимо было исправить, что и достигнуто переходом к отцовскому праву.

Уничтожение материнского права было **всемирно-историческим поражением женщины**. Муж стал господином и в домашнем хозяйстве, женщина была унижена, порабощена, сделалась рабою прихотей мужа, годной только рожать детей. Такое униженное положение занимала женщина, например, в Греции героического и классического периодов; впоследствии оно постепенно прикрылось благовидностью и лицемерием, в некоторых местах облеклось в более мягкие формы, но нигде оно совершенно устранено не было.

Первое проявление единовластия мужчины выразилось в образовании патриархальной семьи средней формы между семьей случайной и единобрачной. Отличие патриархальной семьи не в многоженстве, а в том, что в ней под отеческою властью главы семьи соединены свободные и несвободные лица. У семитов глава семьи живет в многоженстве, несвободные члены семьи имеют жену и детей, и цель организации такой семьи—присмотр за стадами, пасущимися в известных, определенных местах. Существенное в патриархальной семье—включение в ее состав несвободных членов и отцовская власть; законченный ее тип—римская семья.

Понятие семьи, familia, не совпадало вначале с идеалом филистеров, сложившимся из сентиментализма и семейных дрязг; у римлян первоначально словом familia обозначали не брачную пару и ее детей, а только рабов. Famulus—это дворовый раб, а familia—собрание рабов, принадлежащих одному господину. Еще во времена Гая familia, id est patrimonium (т. е. часть наследства), передавалась по завещанию. Это слово придумали римляне для обозначения нового общественного организма, главе которого, под покровом римской отцовской власти, были подчинены жена, дети и рабы и который имел право жизни и смерти над ними.

«Следовательно, это слово вошло в употребление одновременно с образованием строгой семейной формы латинского племени,—формы, появившейся после отделения арийских италиков от греков и по введении земледелия и на законе основанного рабства». К этому Маркс прибавляет: «В новейшей семье лежит зародыш не только рабства (servitus), но и крепостного состояния, так как служба его тесно связана с земледелием. В этой форме семьи заключается зародыш тех противоречий, которые впоследствии широко развились как в обществе, так и в государстве».

Эта семейная форма составляет, как выше сказано, переход от случайного брака к моногамии, единобрачию. Для обеспечения верности жены, а, следовательно, законности детей, жена подчинена неограниченной власти мужа: убивая ее, он пользуется своим правом.

По уничтожении материнского права быстро распространилось единобрачие, но прежде, чем перейти к расмотрению этой формы брака, скажем несколько слов о многоженстве и многомужии. Эти две формы брака составляют исключение, так сказать, историческую роскошь, и не встречаются одновременно в одной и той же стране. Если бы встретилось противное, то мужчина, оставшийся вне многоженства, утешился бы женщиной, оставшейся вне многомужия, но так как этого нигде не было, и до сего времени, при самых разнообразных социальных учреждениях, число женщин и мужчин было почти равно, то ни полигамия, ни полиандрия не могли сделаться всеобщею формою брака. Полигамия была продуктом рабства и распространялась только на известные лица. В патриархальной семье семитов только патриарх, да иногда несколько из его сыновей, жили во многоженстве, остальные довольствовались одной женой. Так и теперь на Востоке: многоженство—привилегия богатых и знатных и поддерживается преимущественно покупкою невольниц в других странах. Народная масса живет в моногамии. Такое же исключительное явление многомужие в Индии и Тибете. Происхождение этого барка из пуналуа-семьи нуждается в дальнейших исследованиях. Многомужие гораздо покладистее ревнивого гаремного хозяйства магометан. Так, у наиров в Индии три, четыре и более мужчин держат одну жену, но каждый из этих мужей имеет право взять вторую, третью, четвертую жену в компании с другими мужчинами, для каждой жены отдельными. Удивительно, как это Мак-Ленан, описавший эти брачные клубы, в нескольких из которых можно быть одновременно членом, не отнес их к особой форме брака—форме *клубного брака*.

4. Единобрачная семья, как выше показано, есть дальнейшее развитие случайной семьи; она возникла на рубеже среднего и высшего отдела варварства, и окончательное ее укрепление служит одним из признаков начала цивилизации. Эта семья основана на господстве мужа с очевидною целью иметь детей несомненного происхождения, так как они, как кровные наследники, вступают во владение отцовским имуществом. Она отличается от случайной семьи и большею устойчивостью брачного союза; он уже не может расторгаться по обоюдному согласию сторон,—только муж может его рушить и отвергнуть жену. Обычай и закон оставляют за ним право нарушения супружеской верности (кодекс Наполеона ясно дозволяет это мужу лишь при условии не помещать своей любовницы в своей семейной квартире), и, по мере общественного развития, муж все чаще пользуется этим правом; но если жена его вспомнит о прежней половой практике и вздумает ее возобновить, то ее наказывают строже, чем когда-либо прежде.

Новая семейная форма, во всей своей строгости, выработалась у греков. Положение богинь мифологии, замечает Маркс, соответствует более раннему общественному периоду, когда женщина была свободна и уважаема; в героическое же время она жила почти в полном заключении для вящшего обеспечения законности детей. Мужу не запрещалось забавляться с военнопленными рабынями, с лагерными сожительницами во время войны. Не лучше было в классический период. Как в то время греки обходились со своими женами, подробно описано в «Харикле» Беккера. Жена жила, если не совершенно взаперти, то вдали от общества, служила мужу экономкой и распоряжалась остальными служанками. Незамужние жили в совершенном заключении. Жена выходила из дому непременно в сопровождении рабынь. Была она дома и к мужу приходил гость—она удалялась во внутренние покои. Но, несмотря на эти строгости, гречанки часто обманывали своих мужей. Муж стыдился выказать любовь к жене и проводил все время с гетерами. Но такое унижение женщин отразилось и на мужчинах, и дошло до того, что они погрязли в педерастии. Дело не остановилось на этом: боги были унижены мифом о Ганимеде.

Таково начало моногамии у самого развитого, у самого цивилизованного народа древности. Она не была последствием индивидуальной половой любви, с нею она не имеет ничего общего. Тогда, как и теперь, браки заключались не по любви, а в силу общественных условий. Моногамия—первая семейная форма, основанная не на естественных, а на

социальных требованиях. Господство мужа в семье и несомненная законность детей, будущих наследников имущества отца,—вот по понятиям греков исключительная цель моногамии. Во всем остальном она их тяготила, она налагала на них обязанности по отношению к богам, государству и предкам.

Появление моногамии не установило равноправности между мужчиной и женщиной. Напротив, моногамия есть подчинение одного пола другому, проявление небывалого до того времени антагонизма между ними. В одной ненапечатанной статье 1846 г., составленной Марксом и мною, сказано: «начало разделения труда—участие в процессе продолжения рода мужчины и женщины»; в настоящем случае добавлю: первое разделение общества на классы совпадает с развитием в моногамии атангонизма между женщиной и мужчиной и первое подчинение одного класса другому—с подчинением женщины мужчине. Моногамия несомненно великий социальный успех, но с ее установлением начинается, на ряду с рабством и частною собственностью, тот до сего времени продолжающийся исторический период, в котором всякий прогресс сопровождается регрессом, благосостояние и преуспеяние одного несчастием и придавленностью другого. Моногамия— это клеточка цивилизованного общества, по которой можно изучать все противоречия и несообразности, в нем заключающиеся.

Впрочем, прежняя относительная свобода половых отношений не исчезла с установлением случайного брака и моногамии. Половые отношения древней системы брака, ограниченные постепенным вымиранием пунаула-семьи (брака группами), не исчезали и при дальнейшем развитии формы семьи и сопровождали ее до рассвета цивилизации — они затерялись в новой форме гетеризма, которая перешла в цивилизацию, как черная тень, тяготеющая над семьей. Под гетеризмом Морган разумеет существующие, на ряду с единобрачием, внебрачные половые сношения мужчин с незамужними женщинами, которые, как каждому известно, процветают во всем периоде цивилизации в самых разнообразных формах и все более обращаются в проституцию. Этот гетеризм, такое же, как и все другие, общественное учреждение, есть, таким образом, лишь продолжение прежней свободы половых отношений... на пользу и удовольствие мужчин. Его не только терпят, но правящий класс широко им пользуется и только на словах его осуждает. И осуждают только женщин и отнюдь не мужчин: таким женщинам оказывают презрение, не принимают в общество и тем лишний

раз доказывают, что господство мужчины над женщиной составляет основной социальный закон.

Но уклонение в одну сторону непременно влечет за собою уклонение в другую. Мужчина этого не сознавал, но женщина открыла ему глаза. С единобрачием выступают на общественную арену две характерные фигуры, прежде того неизвестные: возлюбленный жены и муж-рогоносец. Мужчина победил женщину, но побежденная великодушно увенчала победителя. На ряду с единобрачием и гетеризмом, необходимым общественным явлением стало и нарушение супружеской верности; его преследуют, наказывают, но ничего не помогает. Теперь, как и прежде, отец признает ребенка своим лишь по внутреннему убеждению. Параграф 312 кодекса Наполеона, для разрешения этой неразрешимой задачи, постановляет: l'enfant consu pendant le mariage a pour père le mari—отцом ребенка, рожденного в браке, считается муж. Вот результат единобрачия, существующего более 3000 лет.

Таким образом, отдельная семья, оставшаяся верною своему историческому происхождению и ясно выражающая в возникающих между мужем и женой недоразумениях исключительное господство мужчины, представляет в малых размерах картину тех противоречий и недоразумений, среди которых живет общество, разделенное со времени наступления периода цивилизации на различные классы, и которые победить или разрушить оно не в состоянии. Конечно, я имею в виду те семьи, брачная жизнь которых сохранила еще первоначальный характер этого учреждения, но в которых жена не подчиняется беспрекословно мужу. Что не каждый брак похож на этот, лучше всего знает немецкий филистер. Он так же плохо охраняет свою власть в доме, как и в государстве, и находится под башмаком своей жены. А как он гордится перед французом, своим товарищем по несчастью, положение которого часто весьма плохо!

Впрочем, отдельное семейство и не везде и не всегда представляет такие классически-резкие формы, как у греков. У римлян, этих будущих завоевателей всего известного древним мира, отличавшихся широким пониманием вещей, хотя и менее тонким, чем взгляд греков, женщина (жена) пользовалась большим уважением и свободою, чем у последних. Римлянин полагал, что право жизни и смерти над женою вполне обеспечивает ему ее верность. У римлян обе стороны имели право на расторжение брака. Но наибольший прогресс сделало единобрачие с появлением в истории германцев, и сделало этот прогресс потому, что в то время моногамия не успела еще у германцев вполне обособиться и выделиться из

случайной семьи, о чем мы заключаем из трех фактов, упоминаемых Тацитом: во-первых, несмотря на все уважение к единобрачию, «германцы довольствовались одной женой, женщины были у них целомудренны»,—полигамия дозволялась лицам почетным и начальнику рода точно так, как у американцев при случайной семье; во-вторых, у германцев, современников Тацита, брат матери—ближайший родственник мужского пола по материнскому праву—считался ближе детям, чем их родной отец, а это тоже согласно с воззрением американских индейцев, быт которых доставил Марксу, как он часто говорил, ключ к пониманию германских древностей; и, в третьих, жены германцев пользовались большим уважением и влияли даже на общественные дела, что прямо противоречит господству мужчин при единобрачии. Германцы и в этом отношении внесли новый элемент во всемирную историю. Господство мужчины в моногамии новой формы, развившейся при смешении народов на развалинах римского мира, приняло более мягкие черты, и женщина, по крайней мере наружно, заняла в обществе более почетное и более свободное положение, чем то, которое занимала в классическом мире. Такое положение женщины в моногамии послужило основанием великому нравственному прогрессу—в самом ли браке, на ряду с ним или наперекор ему, все равно—новейшей индивидуальной любви между двумя лицами различного пола, чего прежде почти не встречалось.

Исключительная причина такого прогресса в том, что германцы жили еще в случайном браке, и место, занимаемое в нем женой, насколько возможно, перенесли в моногамию, а никак не в мифических дивных, нравственно-чистых природных качествах германцев. Все эти качества сводятся к тому, что случайному браку чужды резкие противоречия моногамии. Напротив того, из походов, особенно на юго-восток, против кочевников черноморских степей, видно, что это был народ развращенный. От кочевников германцы переняли не одно искусство верховой езды, но и гнусные противоестественные пороки. Это буквально свидетельствует Аммиан о тейфелерах и Прокопий о гуннах.

Однако, хотя из всех известных форм семьи только при моногамии могла развиться новейшая индивидуальная половая любовь, но из этого не следует, что такая любовь исключительно или даже преимущественно выражалась в любви между двумя супругами. Это противоречило бы по существу неразрывному единобрачию под главенством мужа. У всех исторически деятельных, т. е. у всех господствующих классов, заключение брака, как было и в случайной семье, основано на

общественном приличии и обыкновенно устраивается родителями. Первоначальная историческая форма индивидуальной половой любви, как страсти, и именно как страсти, свойственной каждому человеку (по крайней мере, из господствующих классов), как высшей формы полового отношения, что составляет специфический характер этой любви,—эта первоначальная форма, средневековая рыцарская любовь, не была супружескою любовью. Рыцарская любовь, в ее классической форме, у провансальцев всегда сопровождалась нарушением супружеской верности, и эту любовь воспевают современные ей поэты. Перлы провансальской поэзии любви — это alba, песни на заре. Обыкновенно в них описывается в пламенных выражениях, как рыцарь лежит в постели с возлюбленною — чужою женою, а под окном дежурит сторож; он, при первом появлении беловатого (alba) света занимающейся зари, своим окликом будит рыцаря и этим дает ему возможность незамеченным скрыться; сила всей песни—сцена прощанья. Северные французы и добродушные немцы переняли этот род поэзии со свойственной им рыцарской любовью, и наш (немцев) старый Вольфганг фон-Эшенбах написал на эту тему три прелестнейшие песни, которые несравненно выше его героических поэм. В наше мещанское время супружество бывает двоякого рода. В католических странах теперь, как и прежде, родители заботятся приискать своему сыну подходящую невесту, и вследствие этого в таком браке вполне развивается свойственное моногамии противоречие: муж пользуется роскошным гетеризмом, жена находит наслаждение в нарушении супружеской верности. Католическая церковь уничтожила развод вследствие убеждения, что против нарушения супружеской верности, как против смерти, нет никаких средств. В протестантских же странах родители более или менее предоставляют сыну свободу в выборе жены из одного с ним общественного класса, почему таковой брак иногда основывается на некоторой любви, а из приличия она всегда предполагается, что вполне гармонирует с известным лицемерием протестантов. В протестантских странах мужчина не так падок на удовольствие гетеризма, а женщина реже нарушает супружескую верность. Но как в браке, каков бы он ни был, люди остаются такими же, какими были до брака, а мещане-протестанты почти без исключения—филистеры, то протестантская моногамия в лучшем случае приводит к невыносимой скуке супружеского сожития, что принято называть семейным счастьем. Лучший выразитель обоего рода браков роман, французский для католического, немецкий и шведский для протестантского. В обоих «получают»: в немец-

ком и шведском молодой человек—девушку, во французском муж — рога. Кого положение хуже — это еще вопрос. Поэтому французский буржуа испытывает ужасную скуку при чтении немецкого романа, а немецкий филистер ужасается «безнравственности» французского романа. Впрочем, с тех пор, как «Берлин становится мировым городом», немецкий роман начинает не так робко относиться к давно практикуемому в этом городе гетеризму и нарушению супружеской верности.

В обоих случаях супружество обусловливается общественным положением лиц, вступающих в брак, и потому такое супружество можно назвать браком приличия. Действительная половая любовь к жене существует лишь у подчиненных классов, в наше время у пролетариев, живут ли они в законном браке или вне его—все равно. Но такое брачное сожитие свободно от всех требований классической моногамии. Тут нет собственности, для охранения и передачи которой детям возникло единобрачие с господством мужа, и, следовательно, нет повода к проявлению последнего. Да нет и средств охранять эту власть: она находится под защитой гражданского права, а это право существует лишь для зажиточных людей и для их отношений к пролетариям: пользование этим правом стоит денег, а потому оно как бы не действительно для бедного рабочего и для столь же бедной его жены. Тут действуют иные личные и общественные отношения. Наконец, со времени крупной промышленности женщина оторвана от семейного очага и брошена на рабочий рынок; она часто становится кормилицей всей семьи, а в такой семье нет места господству мужа,—встречается лишь варварское обращение с женой, возникшее с моногамией. Вообще семья пролетария не представляет в строгом смысле единобрачия, даже в том случае, когда между мужем и женой самая страстная любовь и несомненная верность, и несмотря на всевозможные светские и духовные благословения. Поэтому в браке между пролетариями самую незначительную роль играют гетеризм и супружеская неверность, эти вечные спутники моногамии; в этом браке женщина фактически возвратила себе право развода; когда жить вместе тяжело, супруги расходятся. Одним словом, брак между пролетариями—единобрачие в этимологическом, а отнюдь не в историческом смысле этого слова.

Обратимся опять к Моргану, от которого мы так далеко отдалились. Историческое исследование развития общественных учреждений во время периода цивилизации выступает за пределы его сочинения. Поэтому о судьбе единобрачия

в этом периоде он говорит лишь вскользь. И он считает дальнейшее развитие единобрачной семьи за прогресс, ведущий к еще далеко не достигнутой равноправности женщины и мужчины. Но, говорит он, «если признать за доказанный факт, что семья уже пережила четыре формы и ныне находится в пятой, то рождается вопрос о продолжительности существования этой пятой формы. Единственно возможный ответ на это: семья ныне, как и прежде, будет прогрессировать вместе с прогрессом общественных учреждений, изменяться вместе с изменением этих учреждений. Семья есть произведение социальной системы, которая в ней отражается. Так как условия моногамии с началом цивилизации несколько улучшились и весьма заметно в последнее время, то дозволительно предположить, что эта форма семьи способна к дальнейшему усовершенствованию до равноправия обоих полов. Если же в дальнейшем будущем единобрачная семья не будет в состоянии выполнить социальные требования, то теперь еще невозможно предсказать форму и свойства ее наследницы».

Уничтожение семьи! Даже самые крайние радикалы возмущаются этим гнусным намерением коммунистов.

На чем держится современная буржуазная семья? На капитале, на частной наживе. В совершенно развитом виде она существует только для буржуазии, но она находит свое дополнение в вынужденной бессемейности пролетариев и в открытой проституции.

Буржуазная семья, естественно, должна будет пасть вместе с падением этого ее дополнения, и оба они вместе исчезнут с исчезновением капитала.

Упрекнете ли вы нас в том, что мы хотим прекратить эксплоатацию детей родителями? Мы заранее сознаемся в этом преступлении.

Но вы утверждаете, что, заменяя домашнее воспитание общественным, мы уничтожаем самые задушевные отношения.

А разве ваше воспитание не определяется также обществом? Разве не определяется оно общественными отношениями, внутри которых вы воспитываете, прямым и косвенным вмешательством общества, организацией школ и т. д. Не коммунисты выдумали влияние общества на воспитание, они только меняют характер воспитания, устраняют влияние на него господствующего класса.

Буржуазные разглагольствования о семье и о воспитании, о задушевных отношениях родителей к детям внушают тем более отвращения, чем более разрушаются все семейные связи в среде пролетариата, благодаря

крупной промышленности, и чем более дети рабочих превращаются в простые предметы торговли и рабочие инструменты.

Но вы, коммунисты, хотите ввести общность жен!—кричит нам хором вся буржуазия.

Буржуа смотрит на свою жену, как на простое орудие производства. Он слышит, что орудия производства должны быть предоставлены в общее пользование, и, естественно, приходит к тому заключению, что и женщины подвергнутся той же участи.

Они не подозревают, что речь идет об устранении того положения женщины, в котором она является простым орудием производства.

Впрочем, нет ничего смешнее высоконравственного ужаса наших буржуа по поводу воображаемой официальной общности жен коммунистов. Коммунистам не нужно вводить общность жен, она почти всегда существовала.

Не довольствуясь тем, что в их распоряжении находятся жены и дочери пролетариев, не говоря уже об официальной проституции, наши буржуа находят особенное наслаждение в том, чтобы соблазнять жен друг у друга.

В действительности буржуазный брак является общностью жен. Коммунистов можно было бы упрекнуть разве лишь в том, что они хотят поставить официальную, открытую общность жен на место лицемерно скрываемой. Но само собой разумеется, что с уничтожением современных условий производства исчезнет и создаваемая ими общность жен, т. е. официальная и неофициальная проституция.

«Коммунистический манифест».

Л. Троцкий

ВОПРОСЫ БЫТА

От старой семьи—к новой.

Внутренние отношения и события в семье, по своей природе, труднее всего поддаются об'ективному обследованию или статистическому учету. Вот почему нелегко сказать, насколько ныне семейные связи разрушаются (в жизни, а не на бумаге) легче и чаще, чем прежде. Здесь приходится в значительной мере удовлетворяться суждениями на глаз. При этом разница между дореволюционным временем и нынешним состоит в том, что прежде конфликты и драмы в рабочей семье проходили совершенно незаметно даже для самой же рабочей массы, а ныне, когда широкий слой рабочих-передовиков, занимающих ответственные места, живет у всех на виду, каждая семейная катастрофа становится предметом обсуждения, а иногда и просто судачения.

С этой серьезной оговоркой необходимо, однако, признать, что семья, в том числе и пролетарская, расшаталась. Этот факт считался на собеседовании московских агитаторов твердо установленным, никем не оспаривался. Расценивали его во время беседы по-разному: одни—более тревожно, другие—сдержанно, третьи—недоуменно. Во всяком случае, для всех было ясно, что мы имеем перед собою какой-то большой процесс, весьма хаотический, принимающий то болезненные, то отталкивающие, то смешные, то трагические формы и еще почти совершенно не успевший обнаружить скрытые в нем возможности нового, более высокого семейного уклада. Указания на распад семьи проникали и в печать, хотя крайне редко и в чрезвычайно общем виде. В одной статье мне пришлось даже читать об'яснение, сводящееся к тому, что

в распаде рабочей семьи нужно видеть просто-напросто проявление «буржуазного влияния на пролетариата». Такое об'яснение неверно. Дело глубже и сложнее. Конечно, влияние буржуазного прошлого и буржуазного настоящего налицо. Но основной процесс состоит в болезненной и кризисной эволюции самой пролетарской семьи, и мы присутствуем сейчас при первых очень хаотических этапах этого процесса.

Глубоко разрушительное влияние войны на семью известно.

Война действует в этом направлении уже чисто механически, разводя людей надолго в разные стороны или сводя их случайно. Это влияние войны революция продолжила и закрепила. Годы войны вообще расшатали все то, что держалось только силой исторической инерции; царское господство, сословные привилегии, старую бытовую семью. Революция построила прежде всего новое государство, т. е. разрешила наиболее неотложную и простую свою задачу. С экономикой дело оказалось гораздо сложнее. Война расшатала старое хозяйство, революция его опрокинула. Ныне мы строим новое, пока что, главным образом, из старого, но организуемого нами на новый лад. В области хозяйства мы разрушительный период только недавно оставили позади и начали подниматься. Успехи еще очень слабы, и до новых, социалистических форм еще чрезвычайно далеко. Но из полосы разрушения и распада мы вышли. Самая низкая точка приходится на 20—21-й годы.

В области семейного быта первый разрушительный период далеко не закончен, расшатка и распад идут еще полным ходом. В этом нужно прежде всего отдать себе отчет. В сфере семейно-бытовых отношений мы проходим еще, так сказать, через 20—21-й годы, а не через 23-й. Быт гораздо консервативнее хозяйства между прочим и потому, что он еще менее осознается, чем это последнее. В области политики и экономики рабочий класс действует, как целое, и потому выдвигает на первое место свой авангард—коммунистическую партию и через нее, в первую голову, осуществляет свои исторические задачи. В области быта рабочий класс раздроблен на клеточки семей. Перемена государственной власти, даже перемена экономического строя—переход фабрик и заводов в собственность трудящихся—все это, разумеется, влияет на семью, но лишь извне, косвенно, не затрагивая непосредственно унаследованных от прошлого бытовых ее форм. Коренное преобразование семьи и вообще повседневного уклада жизни требует высоко сознательных усилий со стороны рабочего класса во всей его толще и предполагает в нем самом могуществен-

ную молекулярную работу внутреннего культурного под'ема Тут нужно глубоким плугом поднять тяжелые пласты. Установить политическое равенство женщины с мужчиной в советском государстве — это одна задача, наиболее простая. Установить производственное равенство рабочего и работницы на фабрике, на заводе, в профессиональном союзе так, чтобы мужчина не оттирал женщины,—эта задача уже много труднее. Но установить действительное равенство мужчины и женщины в семье—вот задача неизмеримо более трудная и требующая величайших усилий, направленных на то, чтобы революционизировать весь наш быт. А между тем совершенно очевидно, что без достижения действительного, бытового и морального равенства мужа и жены в семье нельзя серьезно говорить о равенстве их даже в государственной политике, ибо, если женщина прикована к семье, к варке, к стирке и шитью, то уже тем самым возможность ее воздействия на общественную и государственную жизнь урезывается до последней крайности.

Самой простой задачей было овладение властью. Но и эта задача поглощала в соответственный период революции все наши силы. Она потребовала неисчислимых жертв. Гражданская война сопровождалась мерами крайней суровости. Мещанские пошляки кричали об одичании нравов, о кровавом развращении пролетариата и пр. На самом же деле пролетариат навязанными ему мерами революционного насилия вел борьбу за новую культуру, за подлинную человечность. В хозяйственной области мы проходили в первые четыре-пять лет через период убийственного развала, полного упадка производительности труда, при ужасающей качественной низкопробности производимых продуктов. Враги видели или хотели видеть в этом полное гниение советского режима. На самом же деле это был лишь неизбежный этап разрушения старых хозяйственных форм и первых беспомощных попыток создать новые.

В области семьи и быта вообще тоже есть свой неизбежный пероид распада всего старого, традиционного, завещанного прошлым и непродуманного мыслью. Но здесь, в области быта, критически разрушительный период приходит с запозданием, длится очень долго и принимает самые тяжкие и болезненые формы, хотя, вследствие своей мозаичности, далеко не всегда заметные поверхностному взору. Эти перспективные вехи переломов в государстве, хозяйстве и быту нам необходимо установить для того, чтобы не пугаться самим наблюдаемых нами явлений, а правильно оценить их, т. е. понять их место в развитии рабочего класса и сознательно

воздействовать на них в сторону социалистических форм общежития.

Не пугаться самим,—говорю я,—ибо испуганные голоса уже раздавались. На собеседовании московских агитаторов некоторые товарищи с большой и понятной тревогой приводили примеры той легкости, с которой разрываются старые семейные связи и завязываются новые, столь же непрочные. Страдающим элементом являются при этом: мать и дети. С другой стороны, кому из нас не приходилось слышать в частных беседах прямо-таки причитания по поводу «распада» нравов среди советской молодежи, в частности комсомольцев. В этих жалобах не все, конечно, состоит из преувеличений, есть и правда. С отрицательными сторонами этой правды борьба необходима и будет вестись—борьба за поднятие культуры и человеческой личности. Но чтобы правильно подойти к азбуке вопроса, не впадая в реакционное морализаторство или в сентиментальное уныние, нужно прежде всего знать, что есть, и понять, что происходит.

На семейный быт обрушились, как уже сказано, колоссальнейшие события: война и революция. А по их следам пополз подземный крот: критическая мысль, сознательная переработка и оценка семейных отношений и бытового уклада. Сочетание механической силы великих событий с критической силой пробужденной мысли порождает в области семьи ту разрушительную стадию, через которую мы ныне проходим. Русскому рабочему приходится в разных областях своей жизни сознательно проделывать первые культурные шаги лишь теперь, после завоевания власти. Под влиянием могущественных сотрясений личность впервые вырывается из бытовых, традиционных, церковных форм и отношений,—мудрено ли, если ее индивидуальный протест, ее восстание против старины принимают на первых порах анархические или, грубее выражаясь, разнузданные формы? Мы это наблюдали и в политике, и в военном деле, и в хозяйстве: анархо-индивидуализм, всех видов «левизна», партизанщина, митингование. Мудрено ли, наконец, если этот процесс находит свое наиболее интимное и потому наиболее болезненное выражение в области семейной? Здесь пробужденная личность, которая хочет строить свою жизнь по новому, а не по старинке, ударяется в «разгул», «озорство» и прочие грехи, о коих говорилось на московском собеседовании.

Муж, вырванный мобилизацией из привычных условий, впервые стал на гражданском фронте революционным гражданином. Он пережил величайший внутренний переворот. Его горизонт расширился. Его духовные потребности повы-

сились и усложнились. Это уже другой человек. Он возвращается в семью. Застает все или почти все на старом месте. Старая семейная смычка порвана. Новая не создается. Удивление с обеих сторон переходит во взаимное недовольство. Недовольство—в озлобление. Озлобление ведет к разрыву.

Муж, коммунист, живет активной общественной жизнью, растет вместе с ней и в этом находит смысл личной своей жизни. Но и жена, коммунистка, стремится принять участие в общественной работе, посещает собрания, работает в совете или в союзе. Семья либо незаметно сходит на-нет, либо же конфликты на почве отсутствия семейного уюта накопляются, вызывают взаимное ожесточение и—разрыв.

Муж—коммунист, жена—беспартийная. Муж поглощен общественной работой, жена попрежнему замкнута в семейном кругу. Отношения—«мирные», основанные в сущности на привычном отчуждении. Но вот ячейка постановила: коммунистам снять у себя иконы. Муж считает это само собой разумеющимся. Жена видит в этом катастрофу. По такому случайному, в сущности, поводу обнаруживается духовная пропасть между мужем и женой. Отношения обостряются, и в результате—разрыв.

Старая семья, десять-пятнадцать лет совместной жизни. Муж—хороший рабочий, семьянин, жена предана очагу, всю энергию свою полагает на семью. Случай сводит ее, однако, с женской организацией. Перед ней открывается новый мир. Энергия ее находит новое, более широкое применение. В семье упадок. Муж ожесточается. Жена чувствует себя оскорбленной в своем пробужденном гражданском достоинстве. Разрыв.

Число таких вариантов семейной драмы, приводящих к одному и тому же результату—к разрыву, можно было бы умножить без конца. Но основные случаи мы привели. Все они в наших примерах разыгрываются на линии стыка между коммунистическими элементами и беспартийными. Но распад семьи (старой) не ограничивается только этой верхушкой класса, наиболее открытой действию новых условий, а проникает глубже. В конце-концов, коммунистический авангард проделывает лишь раньше и резче то, что более или менее неизбежно для класса в целом. Критическая проверка собственной жизни, пред'явление новых требований к семье—эти явления распространяются, разумеется, гораздо шире той линии, по которой коммунистическая партия соприкасается с рабочим классом. Уже одно введение института гражданского брака не могло не нанести жестокий удар старой, освященной, показной семье. Чем меньше в старом браке было личной связи, тем в большей мере роль скрепы играла внеш-

няя, бытовая, в частности обрядовая, церковная сторона. Удар по этой последней оказался тем самым ударом по семье. Обрядность, лишенная как об'ективного содержания, так и государственного признания, держится лишь силой инерции, продолжая служить одной из подпорок бытовой семье. Но если в самой семье нет внутренней связи, если сама она держится в значительной мере силой инерции, то каждый внешний толчок способен развалить ее, ударяя тем самым и по церковности. А толчков в наше время несравненно больше, чем когда бы то ни было. Вот почему семья шатается, распадается, разваливается, возникает и снова рушится. В жестокой и болезненной критике семьи быт проверяет себя. История рубит старый лес—щепки летят.

А подготовляются ли элементы новой семьи? Бесспорно. Но нужно уяснить себе природу этих элементов и процесс их формирования. Как и в других случаях, тут необходимо различать материальные условия и психические, или об'ективные и суб'ективные. В психическом смысле подготовка новой семьи, новых человеческих отношений вообще означает для нас культурный рост рабочего класса, развитие личности, повышение ее запросов и внутренней дисциплины. С этой точки зрения революция сама по себе означает, конечно, громадное движение вперед, и самые тяжкие явления семейного распада представляются лишь болезненным по форме выражением пробуждения класса и личности в классе. Вся наша культурная работа—та, которую мы делаем, и особенно та, которую мы лишь должны делать,—является с этой точки зрения подготовкой новых отношений и новой семьи. Без повышения индивидуальной культурности рабочего и работницы не может быть новой, более высокой семьи, ибо в этой области речь может итти, разумеется, только о внутренней дисциплине, а никак не о внешней принудительности. Сила же внутренней дисциплины личности в семье определяется содержанием внутренней жизни, об'емом и ценностью тех связей, которые соединяют мужа и жену.

Подготовка материальных условий нового быта и новой семьи опять-таки в основе своей не может быть отделена от общей работы социалистического строительства. Рабочему государству нужно стать богаче для того, чтобы возможно было, уже всерьез и как следует быть, приступить к общественному воспитанию детей и к разгрузке семьи от кухни и прачешной. Обобществление семейного хозяйства и воспитания детей немыслимо без известного обогащения всего нашего хозяйства в целом. Нам нужно социалистическое накопление. Только при этом условии мы сможем освободить

семью от таких функций и забот, которые ныне угнетают и разрушают ее. Стирать белье должна хорошая общественная прачешная. Кормить—хороший общественный ресторан. Обшивать—швейная мастерская. Воспитываться дети должны хорошими общественными педагогами, которые в этом деле находят свое подлинное призвание. Тогда связь мужа и жены освобождается от всего внешнего, постороннего, навязанного, случайного. Один перестает заедать жизнь другого. Устанавливается, наконец, подлинное равноправие. Связь определяется только взаимным влечением. Но именно потому она приобретает внутреннюю устойчивость—конечно, не для всех одинаковую и ни для кого не принудительную.

Таким образом, путь к новой семье—двойной: а) культурное воспитание класса и личности в классе и б) материальное обогащение класса, организованного в государстве. Оба эти процесса тесно связаны друг с другом.

Сказанное выше никак не означает, разумеется, будто существует известный момент материального развития, начиная с которого семья будущего сразу вступает в свои права. Нет, известное движение в сторону новой семьи возможно уже и сейчас. Правда, государство еще не может на себя взять ни общественного воспитания детей, ни создания общественных кухон, которые были бы лучше семейной кухни, ни создания общественной прачешной, где бы не рвали и не воровали белья. Но это вовсе не значит, что наиболее инициативные и прогрессивные семьи не могут группироваться уже сейчас на коллективной хозяйственной основе. Такие опыты должны делаться, разумеется, очень осторожно, так, чтобы технические средства коллективного оборудования сколько-нибудь соответствовали интересам и потребностям самой группировки и давали бы явные для всех ее членов выгоды, хотя бы и скромные на первых порах.

«Задачу эту,—писал недавно т. Семашко по поводу необходимости перестройки нашего семейного быта,—лучше всего вести показательным путем: одними распоряжениями и даже одной проповедью здесь мало чего достигнешь. Но пример, показательный образец здесь сделают больше, чем тысячи хороших брошюр. Эту показательную пропаганду лучше всего вести по тому методу, который хирурги в своей практике называют «трансплантацией». При обнаженной от кожи большой поверхности (от ранения или ожога), когда нет надежды, чтобы кожа покрыла такое большое пространство, они вырезывают кусочки кожи со здорового места и островками прикладывают ее к обнаженной поверхности: кожа приживает и от этих островков начинает разрастаться

по сторонам; таким образом островки делаются все больше и больше и, наконец, вся поверхность покрывается кожей.

То же произойдет и при этой показательной пропаганде, если фабрика или завод установят у себя коммунистический быт, за ними потянутся и другие фабрики»[1]).

Опыт таких семейно-хозяйственных коллективов, представляющих первое, очень еще несовершенное приближение к коммунистическому быту, должен тщательно изучаться и внимательно продумываться. Комбинация частной инициативы с поддержкой государственной власти, прежде всего местных советов и хозяйственных органов, должна стоять на первом плане. Новое домостроительство—а мы начнем же все-таки строить дома!—должно быть заранее сообразовано с потребностями семейно-групповых общежитий. Первые сколько-нибудь явные и бесспорные успехи в этом направлении, хотя бы и очень ограниченные по масштабу, вызовут неизбежно стремление более широких кругов устроиться таким же образом. Для плановой инициативы сверху вопрос еще не созрел—ни со стороны материальных ресурсов государства, ни со стороны подготовленности самого пролетариата. Сдвинуть дело с мертвой точки можно в настоящий момент только созданием показательных общежитий. Почву под ногами придется укреплять шаг за шагом, не зарываясь слишком вперед и не впадая в бюрократическую фантастику. В известный момент этим процессом овладеет государство—при содействии местных советов, кооперации и пр.—обобщит сделанную работу, расширит и углубит ее. Таким путем человеческая семья совершит, говоря словами Энгельса, «скачок из царства необходимости в царство свободы».

Семья и обрядность.

Церковная обрядность держит даже и неверующего или мало верующего рабочего на привязи через посредство трех важнейших моментов в жизни человека и человеческой семьи: рождение, брак, смерть. Рабочее государство отвернулось от церковной обрядности, заявив гражданам, что они имеют право рождаться, сочетаться и умирать без магических движений и заклинаний со стороны людей, облеченных в рясы, сутаны и другие формы религиозной прозодежды. Но быту гораздо труднее оторваться от обрядности, чем государству. Жизнь трудовой семьи слишком монотонна (одно-

---

[1]) „Известия ВЦИК“, № 81, от 14/IV—23 г. Н. Семашко. „Мертвый хватает живого“.

образна) и этой монотонностью своей истощает нервную систему. Отсюда потребность в алкоголе: небольшая склянка заключает в себе целый мир образов. Отсюда же потребность в церкви с ее обрядностью. Как ознаменовать брак или рождение ребенка в семье? Как отдать дань внимания умершему близкому человеку? На этой потребности отметить, ознаменовать, украсить главные вехи жизненного пути и держится церковная обрядность.

Что противопоставить ей? Разумеется, суевериям, лежащим в основе обрядности, мы противопоставляем материалистическую критику, атеистически-действенное отношение к природе и ее силам. Но этой научно-критической пропагандой вопрос не исчерпывается: во-первых, она пока захватывает и еще довольно долго будет захватывать лишь меньшинство: во-вторых, и у этого меньшинства остается потребность украсить, приподнять, облагородить личную жизнь, по крайней мере, в ее наиболее выдающихся этапах.

Рабочее государство уже имеет свои праздники, свои процессии, свои смотры и парады, свои символические зрелища, свою новую государственную театральность. Правда, она еще во многом слишком тесно примыкает к старым формам, подражая им, отчасти непосредственно продолжая их. Но в главном революционная символика рабочего государства нова, ясна и могущественна: красное знамя, серп и молот, красная звезда, рабочий и крестьянин, товарищ, интернационал. А в замкнутых клетках семейного быта этого нового почти еще нет, во всяком случае, слишком мало. Между тем, личная жизнь тесно связана с семьей. Этим и об'ясняется, что в семье нередко берет в бытовом отношении перевес по части икон, крещения, церковного погребения и пр., более консервативная сторона, ибо революционным членам семьи нечего этому противопоставить. Теоретические доводы действуют только на ум. А театральная обрядность действует на чувство и на воображение. Влияние ее, следовательно, гораздо шире. В самой коммунистической среде поэтому нет-нет да и пробуждается потребность противопоставить старой обрядности новые формы, новую символику не только в области государственного быта, где это уже имеется в широкой степени, но и в сфере семьи. Есть среди рабочих движение за то, чтобы праздновать день рождения, а не именины, и называть новорожденного не по святцам, а какими-либо новыми именами, символизирующими новые близкие нам факты, события или идеи. На совещании московских агитаторов я впервые узнал, что новое женское имя Октябрина приобрела уже до известной степени права граждан-

ства. Есть имена Нинель (Ленин в обратном порядке). Называли имя Рэм (революция, электрификация, мир). Способ выразить связь с революцией заключается также и в наименовании младенцев именем Владимир, а также Ильич и даже Ленин (в качестве имени), Роза (в честь Люксембург) и пр. В некоторых случаях рождение отмечалось полушутливой обрядностью, «осмотром» младенца при участии фабзавкома и особым протокольным «постановлением» о включении новорожденного в число граждан РСФСР. После этого открывалась пирушка.

Поступление сына в ученики тоже иногда отмечается праздником в рабочей семье. Событие действительно исключительно важное, как связанное с выбором профессии, жизненного пути. Тут место вступиться профессиональному союзу. Можно вообще не сомневаться, что именно профессиональные союзы будут занимать видное место в творчестве и организации форм нового быта. Средневековые цехи тем и были могущественны, что охватывали жизнь ученика, подмастерья, мастера со всех сторон. Они встречали новорожденного в первый день его жизни, провожали его к дверям школы, сопровождали его в церковь, когда он женился, и хоронили его, когда он завершал свое трудовое поприще. Цехи были не просто ремесленными об'единениями, а организованным бытом. В эту же сторону пойдет, вероятно, в значительной степени развитие наших производственных союзов, с тою, конечно, разницей, что новый быт, в противоположность средневековому, будет совершенно свободен от церкви и ее суеверий, и в основу его будет положено стремление использовать для обогащения и украшения жизни человека каждое завоевание науки и техники.

Женитьба, пожалуй, легче обходится без обрядности. Хотя и здесь сколько было «недоразумений» и исключений из партии по поводу венчания в церкви. Не хочет мириться быт с «голым» браком, неукрашенным театральностью.

Несравненно труднее обстоит дело с погребением. Хоронить в землю неотпетого так же непривычно, чудно и зазорно, как и растить некрещенного. В тех случаях, когда похороны, в соответствии с личностью умершего, получают политическое значение, на сцену выступает новая театральная обрядность, пропитанная революционной символикой: красные знамена, революционный похоронный марш, прощальный ружейный залп. Некоторые из участников московского собеседования подчеркивали необходимость скорейшего перехода к сжиганию трупов и предлагали начать, для примера, с выдающихся работников революции, справедливо видя

в этом могущественное орудие антицерковного и антирелигиозной пропаганды. Но, конечно, и сжигание трупов,—к чему пора бы действительно перейти, — не будет означать отказа от процессий, речей, марша и салютной стрельбы. Потребность во внешнем проявлении чувств могущественна и законна.

Если бытовая театральность в прошлом была всегда теснейшим образом связана с церковью, то это вовсе не значит, как уже сказано, что они не могут быть разобщены. Отделение театра от церкви произошло гораздо раньше, чем отделение церкви от государства. Церковь первое время чрезвычайно боролась против «светского» театра, вполне основательно видя в нем опасного конкурента по части постановки зрелищ. Театр выжил, но как специальное зрелище, замкнутое в четырех стенах. В быту же, в повседневной жизни монополию театральных постановок сохраняла попрежнему церковь. С ней конкурировали по этой части некоторые «тайные» общества в роде франк-масонов. Но они сами насквозь проникнуты светской поповщиной. Создание революционной бытовой «обрядности» (возьмем это слово за неимением лучшего) и противопоставление ее обрядности церковной достижимо не только в отношении событий общественно-государственного характера, но и в отношении семейных событий. Уже и сейчас оркестр, выполняющий похоронный марш, способен, как оказывается, нередко конкурировать с церковным отпеванием. И мы должны, конечно, сделать оркестр нашим союзником в борьбе против церковной обрядности, основанной на рабьей вере в иной мир, где воздадут сторицей за зло и подлости земного мира. Еще более могущественным нашим союзником будет кинематограф.

Творчество новых форм быта и новой театральности быта пойдет в гору вместе с распространением грамотности и ростом материальной обеспеченности. У нас есть все основания следить за этим процессом с величайшим вниманием. Не может быть, конечно, и речи о каком-либо принудительном вмешательстве сверху, т. е. о бюрократизации новых бытовых явлений. Только коллективное творчество самых широких кругов населения с привлечением к этому делу артистической фантазии, творческого воображения, художественной инициативы может постепенно, в течение годов и десятилетий, вывести нас на дорогу новых, одухотворенных, облагороженных, проникнутых коллективной театральностью форм быта. Но не регламентируя этого творческого процесса, нужно уже сейчас всячески помогать ему. А для этого необходимо опять-таки, прежде всего, чтобы он из слепого стал зрячим. Нужно внимательно следить за всем, что совер-

шается по этой части в рабочей семье, в советской семье вообще. Всякие новые формы, зародыши новых форм и даже намеки на них должны попадать на страницы печати, доводиться до всеобщего сведения, пробуждать фантазию и интерес и тем толкать коллективное творчество новых бытовых форм вперед.

Комсомолу в этой работе честь и место. Не всякая выдумка окажется удачной, не всякая затея привьется. Что за беда? Необходимый отбор будет итти своим чередом. Новая жизнь усыновит те формы, которые придутся ей по душе. В результате жизнь станет богаче, лучше, просторнее, красочнее, звучнее. А ведь в этом вся суть.

Борьба за культурность речи.

На-днях я прочитал в одной из наших газет: «На общем собрании рабочих обувной фабрики «Парижская Коммуна» решено уничтожить ругань, за «выражения» штрафовать и пр...».

Факт маленький в вихре нашего времени и в масштабе «выражений» лорда Керзона, за которые его нельзя еще пока оштрафовать, но факт знаменательный. Значение его определится, однако, вполне лишь в зависимости от того, какой отклик найдет эта инициатива.

Брань есть наследие рабства, приниженности неуважения к человеческому достоинству, чужому и собственному, наша российская брань—в особенности. Надо бы спросить у филологов, активистов, фольклористов, есть ли у других народов такая разнузданная, липкая и скверная брань, как у нас. Насколько знаю, нет или почти нет. В российской брани с н и з у—отчаяние, ожесточение и, прежде всего, рабство без надежды, без исхода. Но та же самая брань с в е р х у, через дворянское, исправницкое горло, являлась выражением сословного превосходства, рабовладельческой чести, незыблемости основ... Пословицы, говорят, выражение народной мудрости, — не только мудрости, однако, но и темноты, и предрассудков, и рабства. «Брань на вороту не виснет»,— говорит старая русская пословица, и в ней отражается не только факт рабства, но и примиренность с ним. Два потока российской брани: барской, чиновницкой, полицейской, сытой, с жирком в горле, и другой: голодной, отчаянной, надорванной,—окрасили всю жизнь российскую омерзительным словесными узором. И наследство такое, в числе многого другого, получила революция.

А революция ведь есть прежде всего, пробуждение человеческой личности в тех местах, которым ранее полагалось

быть безличными. Революция, несмотря на всю, иногда, жестокость и кровавую беспощадность своих методов, есть, прежде всего и больше всего, пробуждение человечности, ее поступательное движение, рост внимания к своему и чужому достоинству, рост участия к слабому и слабейшему. Революция—не революция, если она всеми своими силами и средствами не помогает женщине, вдвойне и втройне угнетенной, выйти на дорогу личного и общественного развития. Революция—не революция, если она не проявляет величайшего участия к детям: они-то и есть то будущее, во имя которого революция творится. А можно ли изо дня в день творить—хотя бы по частицам и по крупицам—новую жизнь, основанную на взаимном уважении, самоуважении, на товарищеском равенстве женщины, на подлинной заботе о ребенке в атмосфере, где громыхает, рыкает, звенит и дребезжит ничего и никого не щадящая барско-рабская всероссийская брань? Борьба с «выражениями» является такой же предпосылкой духовной культуры, как борьба с грязью и вошью—предпосылкой культуры материальной.

Искоренить словесную разнузданность, совсем не простая и не легкая задача, потому что корни этой разнузданности не в слове, а в психике и в быту. Почин фабрики «Парижская Коммуна» надо, конечно, всячески приветствовать, но, главное, надо пожелать инициаторам выдержки и упорства, ибо психические навыки, переходившие из поколения в поколение и по сей день насыщающие всю атмосферу, искоренять нелегко, а мы ведь часто рванемся вперед, надорвемся, махнем рукой и оставляем все по-старому.

Надо надеяться, что женщины-работницы и, прежде всего, коммунистки поддержат инициативу «Парижской Коммуны». Можно сказать, что по общему правилу,—конечно, исключения бывают,—сквернослов и ругатель презрительно относится к женщине и без внимания к ребенку, и это не только в отсталых массах, но нередко и среди передовиков, а встречается иной раз и у очень «ответственных». Нельзя ведь отрицать того, что старая отечественная фразеология (Щедрин называл ее митирогнозией) развита у нас и ныне, на шестом году после Октября, и притом даже на так-называемых «верхах». За пределами города, особенно столичного, иные «сановники» считают даже как бы долгом своим «выражаться» направо и налево, видя в этом, очевидно, один из путей смычки с крестьянством...

Жизнь наша крайне противоречива в хозяйственной своей основе и в культурных своих формах. У нас, в центре страны, под Москвой, огромные болотные пространства, не-

проездные проселки и тут же, рядом, заводы, поражающие своей техникой европейского или американского инженера. Такие же контрасты и в наших нравах. И не только в том смысле, что бок-о-бок с Кит Китычем-младшим, прошедшим через революцию, экспроприацию, мошенничество, подпольную спекуляцию, спекуляцию легализованную и сохранившим почти в неприкосновенности свое утробо-замоскворецкое естество, мы видим лучший тип рабочего-коммуниста, живущего изо дня в день интересами мирового рабочего класса и готового в любой момент сражаться за дело революции в любой стране, которой он сам, может быть, не сыщет на карте. Рядом с этим социальным контрастом—тупого свинства и высочайшего революционного идеализма—мы можем нередко наблюдать психические контрасты в одной и той же голове, в одном и том же сознании. Искренний и преданный коммунист, но женщины для него—«бабье» (словцо-то какое гнусное!), о котором серьезно говорить не приходится. Или в национальном вопросе заслуженный коммунар нечаянно отрыгнет вдруг такой угрюм-бурчеевщиной, что хоть из комнаты беги. Происходит это оттого, что разные области человеческого сознания изменяются и перерабатываются вовсе не параллельно и не одновременно. Тут тоже есть своя экономия. Психика весьма консервативна, и под влиянием требований и ударов жизни изменяются в первую голову лишь те области сознания, которые непосредственно под эти удары подставлены. Наше же социальное и политическое развитие последних десятилетий шло в совершенно небывалом и невиданном темпе, с небывалыми и невиданными переломами и скачками. Оттого-то так глубоки наши Разруха и Неразбериха. Но было бы неправильно думать, будто эти две сестры хозяйничают только в производстве или в госаппарате. Нет, нечего греха таить, они действуют и в головах, порождая самые невероятные сочетания передовых, искренних и продуманных убеждений (тут мы Европу и Америку кое-чему учим!) с настроениями, навыками и отчасти взглядами, истекающими прямехонько из Домостроя. Выравнять идейный фронт, т. е. проработать все области сознания марксистским методом,—такова общая формула воспитания и самовоспитания прежде всего для нашей собственной партии, начиная с ее верхов. И опять-таки задача эта страшно сложная, и одними школьными или литературными средствами она не разрешима, ибо последние корни противоречий и несогласованности психики — в разрухе и неразберихе б ы т а. Сознание-то, в конце концов, определяется бытием. Но зависимость тут не механическая и не автоматическая, а

действенная или взаимодейственная. Подходить к разрешению задачи нужно поэтому с разных концов, в том числе и с того, с какого подошли рабочие фабрики «Парижская Коммуна».

Пожелаем же им успеха!

P. S. Борьба с ругательствами есть в то же время составная часть борьбы за чистоту, ясность и красоту речи.

Реакционные тупицы утверждают, что революция если не погубила, то губит русский язык. В обиход у нас действительно вошло необ'ятное количество новых случайного происхождения слов, иногда явно лишних, провинциальные выражения, иногда в корне враждебные духу языка, и пр. Реакционные тупицы ошибаются, однако, насчет судеб русского языка так же, как и насчет всего остального. Из революционных потрясений язык выйдет окрепшим, омоложенным, с повышенной гибкостью и чуткостью. Наш предреволюционный, явно окостеневший, канцелярский и либерально-газетный язык обогатится,—уже обогатился в значительной мере,—новыми словесно-изобразительными средствами, новыми, гораздо более точными и динамическими выражениями. Но несомненно, что и засорение языка произошло за эти бурные годы немалое. Рост нашей культурности должен и будет выражаться, между прочим, и в изверженни из словаря нашей речи всех ненужных или чуждых ее природе слов и выражений, с сохранением неоспоримых и неоценимых языковых завоеваний революционной эпохи.

Язык есть орудие мысли. Точность и правильность языка есть нобходимое условие правильности и точности самой мысли. К власти у нас пришел впервые в истории рабочий класс. Он принес с собой богатый запас трудового жизненного опыта и речи, на этом опыте выросшей. Но он же принес с собой недостаточную грамотность, не говоря уже о литературной образованности. Вот почему правящий рабочий класс, дающий всей своей социальной природой гарантии дальнейшего могущественного развития русской речи, не всегда оказывает пока-что необходимый отпор проникшим в обиходный и газетный язык словам и выражениям—лишним, ненужным, неправильным, а иногда и отвратительным. Когда у нас говорят теперь,—и даже пишут!—«пара недель», «пара месяцев» (вместо: нескольких недель, несколько месяцев), то это безобразно, нелепо, не обогащает язык, а делает его беднее, так как слово «пара» лишается при этом своего необходимого значения (в смысле: пара сапог). У нас употребляется теперь вкривь и вкось слово «выявить», вместо десятка других гораздо более точных русских слов: обнару-

жить, вскрыть, проявить, обозначить и пр. У нас говорят: фиксировать, вместо: условиться, закрепить, установить, определить, назначить и т. д. У нас в обиход речи вошли грубые неправильности, происходящие от переделки иностранного слова на более или менее близкий звуковой лад. Так, у нас нередко прекрасные рабочие ораторы говорят: константировать, вместо: констатировать; инциндент, вместо: инцидент; и наоборот, инстикт, вместо: инстинкт; легулировать и легулярный, вместо: регулировать и регулярный. Эти искажения в рабочей среде были в ходу и раньше, до революции. Но теперь они как бы приобретают право гражданства. Такие и подобные ошибочные выражения никем не исправляются, по соображениям, очевидно, от ложного самолюбия. Это не годится; борьба за грамотность и культурность должна означать для передового слоя рабочих борьбу за овладение русским языком во всем его богатстве, во всей его гибкости и тонкости. Первым условием для этого должно быть извержение из живой повседневной речи неправильных, чужеродных слов и выражений. Язык тоже нуждается в своей гигиене. А рабочий класс нуждается в здоровом языке не меньше, а больше всех других классов, ибо впервые в истории рабочий класс начинает продумывать своей мыслью всю природу, всю жизнь до самых ее основ: для этой работы нужен инструмент ясного, чистого, отточенного слова.

На хлопчато-бумажных фабриках женщины составляли 56¼ %, на фабриках шерстяных изделий—70½ %. Этих цифр, я думаю, достаточно, чтобы доказать выполнение взрослых мужчин рабочих. Но, чтобы найти подтверждение этому, достаточно отправиться на первую попавшуюся фабрику. Отсюда переворот в существующем социальном строе, который именно потому, что он насильствен, имеет самые гибельные последствия для рабочих. Прежде всего, работа женщин совершенно разрушает семью. Действительно, если жена проводит на фабрике 12—13 часов в день, а муж работает тут же или в другом месте, то какой же толк может выйти из детей? Вырастают они дикими, как сорная трава, отдают их под надзор чужих за один или полтора шиллинга в неделю; как с ними обращаются, нетрудно себе представить. Вот почему в фабричных округах так часты несчастные случаи с маленькими детьми вследствие недостатка надзора.

К. Маркс.

Л. Балабанов (Л. Тольм)

ЗАТЕРЯННАЯ ЦЕННОСТЬ

Всякий, кто хоть немного знает жизнь нашей коммунистической молодежи, должен признать, что у нас нет твердых этических понятий, что нередки случаи полового разврата, венерических болезней.

Как могло случиться, чтобы у партии и ее молодежи, ставящей себе великие идеалы человечества, не было своей новой морали?

Этот вопрос возвращает нас к старому спору о пролетарской культуре, имеющему уже свою историю. Еще до революции в социал-демократических кругах шла ожесточенная полемика между Потресовым, Луначарским, Булкиным и др.

Потресов писал тогда, что пролетариат войдет в царство социализма не в праздничных одеждах, а в разорванных блузах. Потресов отрицал возможность создания пролетарской культуры в недрах капиталистического строя и считал занятие ею праздным делом. Только при социализме ожидал он расцвета новой культуры. Характерно, что понятие о социализме в статьях Потресова крайне расплывчато, эпоха диктатуры ускользает из его расчетов.

В теориях идеолога меньшевизма Потресова видно полное непонимание тех великих и могучих сдвигов психологии, которые назревали внутри пролетариата.

А новую мораль предсказывал ведь еще Маркс, обронив в I т. «Капитала» несколько замечаний о неизбежности новых форм взаимоотношений между полами, как следствие новой роли женщины и детей в производстве.

И крупинки новой жизни залегали в пластах классового сознания. Психология боевого товарищества переходила в коллективную психологию, которая, создаваясь на заводах сырой и мощной, переходила в высшие формы в великих органах пролетарской борьбы: политических партиях и профессиональных союзах.

«Сказки» Максима Горького рисуют удивительные были итальянских стачек, где ярко видны уже чувства нового человека.

В тяжелой борьбе, в горнилах капитализма выковывалась рабочая культура и этика.

Революция взметнула наверх прежде сжатые подпольем ряды сознательного пролетариата.

Небольшое количество пролетарской культуры, оформлявшееся профессиональными революционерами, распределилось на массы.

«Надстройка» не только зеркало «базиса», но имеет и свои законы развития. Реакцией на разгул аристократии была суровая добродетельность великих буржуазных революций. Недаром одна из них проходила под гипнозом образов библий, а другая Римской республики.

Точно так же откровенная распущенность сегодняшнего дня—протест и революционное отрицание буржуазного лицемерия.

Эта распущенность эпохи, разрушившей старые нравственные нормы, но не создавшей еще новых, захватила все слои общества.

Но для нас особенный интерес представляет психология и быт подростающего поколения. Ясно, почему.

Наше поколение рождено Октябрем. Оно первое поколение в русской истории, не имеющее предшественников.

Дети без отцов. Оборвалась преемственная цепь русской интеллигенции.

Мы знаем, что Онегина сменил Рудин, а Рудина Базаров, мы знаем народников-марксистов Вересаева и, наконец, последнее звено — утонченные декаденты, которые под свист пуль танцуют «кэк-уок», подбрасывая ноги под самый потолок (Андрей Белый). Это поколение предчувствовало надвигающуюся революцию.

Мы, дети страшных лет России,
Пути не знаем своего.
Испепеляющие годы...

И уже у этого поколения

От дней войны, от дней свободы
Кровавый отсвет в лицах есть.

Но у тех был только «отстветь»; из самого пламени вышло поколение Октября.

Редкие отщепенцы-интеллигенты, люди из гущи крестьянства, рабочие, красноармейцы, отбившиеся от семьи и родины—вот она новая молодежь.

Она не приняла никакого наследства и сама пробивает себе дорогу. Тяжелую печать наложила на нее солдатчина. Дав ей железную твердость и спайку, она вместе с тем приучила к «бивуачному» отношению к жизни.

Вот еще одна причина половой распущенности. А коммунистическая этика создавалась до сих пор стихийно, и ее некоторые элементы уже вошли в жизнь. Но этого слишком мало. Нужно сознательно строить новый быт и новую мораль. Несмотря на окружающее нас море враждебного мещанства, мы, если верим в победу социальной революции, значит, знаем подземные течения, отрицающие действительность для более высоких форм.

Наши союзы мы должны обратить в ячейки коммунизма среди взбаламученного быта переходной эпохи, сделать из него то в отношении быта и психологии, чем будет государственная крупная промышленность при новой экономической политике.

Сохранить основные предпосылки коммунизма—политические и экономические и, наравне с ними, психологические—такова наша основная задача.

Отсюда вывод, что соглашательская политика, личная жизнь—частное дело, должна быть ликвидирована в Союзе и мы должны взять курс на уничтожение ее самой.

Личный пример Комитетов и контроль их над жизнью членов Союза—таков первый шаг в целом ряде практических мероприятий, в долгой и трудной борьбе.

Но практическая борьба со старой психологией, этикой и бытом предполагает теоретическую разработку, ею должны заняться наши клубы и печатные органы. Нужно изучать будущее и прошлое, находя в нем материал, пригодный для нашей стройки.

В этом отношении еще ничего не сделано.

Я уверен, что если нам так много дают мысли и образы великих художников периода революционных стремлений буржуазии, если так близки нам формы якобинской диктатуры, то так же обогатит нашу этику пример людей 1793 г.

А внутренняя жизнь и переживания Софии Перовской и Желябова, какой это неисчерпаемый родник для коммунистического перерождения.

Много есть в прошлом, что, очищенное острием пролетарской критики, становится близким и родным пролетариату.

Главное—понимание серьезности задач КСМ в этом направлении, недаром Ленин посвятил этике большую часть своей речи на 3 с'езде РКСМ.

М. Незнамов

О ЗАТЕРЯННОЙ ЦЕННОСТИ

(Ответ тов. Л. Тольму)

В статье «Затерянная ценность» тов. Л. Тольм ставит вопрос о необходимости твердых этических понятий. Их в Союзе нет. И потому нередки случаи полового разврата, венерических болезней. А между тем эти принципы нужны, ибо нужно сознательно строить новый быт и «новую мораль». Но как строить? Наша беда в том, что мы—«первое поколение в русской истории, не имеющее предшественников». Мы—«дети без отцов», потому что «оборвалась преемственная цепь русской интеллигенции».

Мы сами, без наследства, по усеянной колючками дороге, волоча ноги в крови, но с железной выдержкой и электричеством в крови, пробиваемся вперед.

Нужно обратиться к отцам, а то и к дедам—к Великой Французской Революции, нужно зачерпнуть живой воды из родника внутренней жизни и переживаний Софии Перовской и Желябова, окропить себя этой животворящей влагой, и тогда коммунистическое перерождение, если оно и не совершится, то будет на грани совершения.

Его практические выводы не столь желательны. Нужен личный пример Комитетов и контроль их над жизнью Союза, нужно подводить итоги опыту, как прошлому, так и настоящему, и учиться строить будущее. Приблизительно таково содержание статьи Л. Тольма. Статья, несомненно, интересная, интересна не выводами, не теоретической постановкой, не логикой своих рассуждений—в этом отношении автор без зазрения совести грешит против логики и формальной, и диалектической—интересна статья темой. Тема животрепещущая. Не то, что он говорит и не как говорит, а о чем говорит—вот что заинтересовывает читателя. Тов. Тольм вплотную подошел к вопросу о половой этике. И именно в этой области он считает необходимыми твердые этические правила, «их же не прей-

деши», ибо за ними начинается сфера полового разврата, половой распущенности.

Именно в этой области, ведь в других «этических губерниях» дело обстоит благополучно. Рожденные Октябрем, мы не останавливаемся на полдороге, не любуемся украинскими ночами, не утешаемся доступным, а молча, с суровостью старых пуритан времен английской революции (которые, кажется, так понравились Л. Тольму), с железной настойчивостью—бредем вперед. Только в этой территории, в вопросе о взаимоотношении между полами—неблагополучно. Тема, действительно, интересная. Вопрос о половой этике заинтересовал в последнее время общественное мнение нашей партии, стал актуальным в Союзе. На этом вопросе остановиться и по мере сил и возможности разобраться—безусловно нужно.

Теоретическая постановка вопроса нам кажется, пусть простит тов. Тольм—детскою. Правда ли, что нет у нас в Союзе, по крайней мере, среди активных работников, твердых этических правил? И да и нет. Если искать таких этических правил, на основе которых можно было бы, как желает т. Тольм, сознательно строить новый быт и новую мораль, то таковых, конечно, нет. Не только нет, но и искать их, безусловно, вредно. В заоблачных высях или земных глубинах искать подземные течения, отрицающие действительность для более высоких форм, и пока что отрицать действительность, авось подземные течения потекут по руслу Тольмовских этических понятий,—значит, заниматься интеллигентщиной самой чистой воды и в самом скверном смысле этого слова. А действительность такова, что никаких положительных норм в области половой этики мы не имеем. В этом вопросе мы вооружены только отрицательным критерием. Все, что в области половых взаимоотношений идет против нашей коммунистической этики, т. е. все то, что мешает нашей пролетарской борьбе, должно быть безжалостно отвергнуто. С этой точки зрения и половой разврат, вплотную подводящий к сифилису, и обывательская тина мелкого семейного уюта и комфорта одинаково вредны. И тот и другой одинаково партии и революции вредны. И сифилитик, сеющий яд физического разложения, и обыватель, духовно растлевающий боевые пролетарские ряды, опасны—должны быть выброшены из рядов. А у нас в Союзе есть не только такие, которые решили, что все дозволено и можно быть мародерами духа и тела, есть не только махновщина духа, но есть и стремление поспокойнее, поуютнее устроиться. «Столько намаялись—пора и отдохнуть». К тому и другому явлениям, с большими крайностями, представляющим собой две стороны одной и той же медали среди союзного

общественного мнения, существует определенное отношение. Нет, правда, положительных правил, не укажет их и т. Тольм, если только он не сведет свои твердые этические понятия о том, что нужно делать, к не столь твердым представлениям, чего не нужно делать.

Еще на одном моменте хотели бы мы остановиться—это на вопросе оборвавшейся цепи преемственности русской интеллигенции. «Мы — дети без отцов». Нет; простите, тов. Тольм, из того, что наше поколение рождено под знаком Октября и Октябрем вскормлено, из этого вовсе не следует, что мы—дети без отцов. Если мы рождены Октябрем, то наши отцы и старшие братья вспоены кровью декабрьских дней, — когда будущие жирондисты и версальцы Великой Русской Революции, во мгле будущего тумана пророчески предвидя свою будущую политическую карьеру, кидали мещанские слова,—«не надо было браться за оружие».

Нам об этом не зачем плакаться, не зачем, отрываясь от настоящего, обрывать свою преемственную цепь и устремлять волю, мысли и желания к героическому периоду российского народничества—к Софье Перовской и Желябову. От разночинца Белинского через героические 70-е годы к революционной социал-демократии, к большевикам—от этого наследства мы не отказываемся.

И понапрасну выругал он Потресова. Никогда он не отрицал, что крупинки новой жизни, зачатки новой психологии рождаются на фабриках и заводах, при капиталистическом строе. Он только отрицал возможность создания пролетарской культуры в недрах капитализма. Это верно. Верно и то, что не в белоснежных одеяниях, а в разодранных блузах мы войдем в пролетарское царство коммунизма. Понапрасну досталось Потресову. Хотя если за то только, что он идеолог меньшевизма и выкинул из своих расчетов пролетарскую диктатуру, то оно, конечно, следует, только очень уже скучно.

Подведем итоги.

Товарищ Л. Тольм поставил вопрос о половой этике. Но он его не продумал. Его поиски новой морали, его ссылки на то, что должны же быть подземные течения, отрицающие действительность во имя более высоких форм, характерны. «Сова Минервы вылетает только ночью». А это относится не только к общественным течениям, но и к отдельным лицам.

А мы во имя подземных течений не покидаем почвы действительности. Почва эта не сухая, растрескавшаяся почва, ждущая грозы обновления. Нет, плуг революции глубоко ее вспахал, обильный дождь пролил благодатную влагу, солнце согреет землю.

А. Коллонтай

ДОРОГУ КРЫЛАТОМУ ЭРОСУ!

(Письмо к трудящейся молодежи)

Любовь, как социально-психический фактор.

Вы спрашиваете меня, мой юный товарищ, какое место пролетарская идеология отводит «любви»? Вас смущает, что сейчас трудовая молодежь «больше занята любовью и всякими вопросами, связанными с ней», чем большими задачами, которые стоят перед трудовой республикой. Если так (мне издалека судить об этом трудно), то давайте поищем об'яснение данному явлению и тогда нам легче будет найти с вами ответ и на первый вопрос: какое место занимает любовь в идеологии рабочего класса?

Не подлежит сомнению, что советская Россия вступила в новую полосу гражданской войны: революционный фронт перенесен в область борьбы двух идеологий двух культур — буржуазной и пролетарской. Все нагляднее несовместимость этих двух идеологий, все острее противопоставление двух в корне различных культур.

Вместе с победой коммунистических принципов и идеалов в области политики и экономики неизбежно должна совершиться и революция в мировоззрении, в чувствах, в строе души трудового человечества. Уже сейчас намечается новое отношение к жизни, к обществу, к труду, к искусству, к «правилам жизни» (т. е. к морали). В правила жизни, как составная часть, входят взаимоотношения полов. Революция на духовном фронте завершает великий сдвиг в мышлении человечества, вызванный пятилетним существованием трудовой республики.

Но чем острее борьба двух идеологий, чем больше областей она захватывает, тем неизбежнее встают перед человечеством все новые и новые «загадки жизни», проблемы, на которые удовлетворительный ответ может дать только идеология рабочего класса.

К числу таких проблем относится и затронутый нами вопрос взаимоотношений полов,—загадка старая, как само человеческое общество. На разных ступенях своего исторического развития человечество по-разному подходило к ее разрешению. «Загадка» остается, ключи меняются. Эти ключи зависят от эпохи, от класса, от «духа времени» (культуры).

Недавно у нас в России, в годы обостренной гражданской войны и борьбы с разрухой, эта загадка мало кого занимала. Другие чувства, другие более действенные страсти и переживания владели трудовым человечеством. Перед грозным лицом великой мятежницы-революции нежно-крылому Эросу («богу любви») пришлось пугливо исчезнуть с поверхности жизни. Для любовных «радостей и пыток» не было ни времени, ни избытка душевных сил. Таков закон сохранения социально-душевной энергии человечества. Эта энергия в сумме всегда направляется на главную, ближайшую цель исторического момента. Господином положения на время оказался несложный, естественный голос природы—биологический инстинкт воспроизводства, влечение двух половых особей. Мужчина и женщина легко, много легче прежнего, проще прежнего сходились и расходились. Сходилсь без больших душевных эмоций и расходились без слез и боли.

Без радости была любовь,
Разлука будет без печали.

Проституция, правда, исчезла и равно увеличилось свободное, без обоюдных обязательств, общение полов, в котором двигателем являлся оголенный, неприкрашенный любовными переживаниями, инстинкт воспроизводства. Факт этот пугал некоторых. Но, на самом деле, в те годы взаимоотношения полов и не могли складываться иначе. Либо брак продолжал бы держаться на прочном испытанном чувстве товарищества, многолетней дружбы, еще закрепленной серьезностью момента, либо брачное общение возникало попутно, среди дела, для удовлетворения чисто биологической потребности, от которой обе стороны спешили отвязаться, чтоб она не мешала основному, главному—работе на революцию.

Голый инстинкт воспроизводства, легко возникающее, но и быстро проходящее влечение пола, без душевно-духовных скреп, «Эрос бескрылый», меньше поглощает душевных сил, чем требовательный «крылатый Эрос», любовь, сотканная из тончайшей сети всевозможных душевно-духовных эмоций (чувствований). Бескрылый Эрос не родит бессонных ночей, не размягчает воли, не путает холодной работы ума. Классу

борцов в момент, когда над трудовым человечеством неумолчно звучал призывный колокол революции, нельзя было подпадать под власть крылатого Эроса. В те дни нецелесообразно было растрачивать душевные силы членов борющегося коллектива на побочные душевные переживания, непосредственно не служащие революции.

Теперь, когда революция в России одержала верх и укрепилась, когда атмосфера революционной схватки перестала поглощать человека целиком и без остатка, нежно-крылый Эрос, загнанный временно в терновик пренебрежения, снова начинает пред'являть свои права. Он хмурится на осмелевшего бескрылого Эроса—инстинкт воспроизводства, не прикрашенный чарами любви. Бескрылый Эрос перестает удовлетворять душевным запросам. Скапливается избыточная душевная энергия, которую современные люди, даже представители трудового класса, еще не умеют приложить к духовной и душевной жизни коллектива. Эта избыточная энергия души ищет приложения в любовных переживаниях. Многострунная лира пестрокрылого божка любви покрывает однострунный голос бескрылого Эроса... Женщина и мужчина сейчас не только «сходятся», не только завязывают скоропреходящую связь для утоления полового инстинкта, как это чаще всего было в годы революции, но и начинают снова переживать «любовные романы», познавая все муки любви, всю окрыленность счастья взаимного влюбления.

Что это? Реакция? Симптом начавшегося упадка революционного творчества? Ничего подобного. Пора отделаться от лицемерия буржуазного мышления. Пора открыто признать, что любовь—не только властный фактор природы, биологическая сила, но и фактор социальный. Любовь—глубоко-социальная по своей сути эмоция. На всех ступенях человеческого развития, правда, в различных формах и видах, любовь входила, как необходимая составная часть, в духовную культуру данного общества. Даже буржуазия, признавая любовь «делом приватным», на самом деле умела моральными нормами направлять любовь по руслу, которое обеспечивало ее классовые интересы.

В еще большей степени должна идеология рабочего класса учесть значение любовных эмоций (чувствований), как фактора, который может быть направлен (как и всякое другое психосоциальное явление) на пользу коллектива. Что любовь вовсе не есть явление «приватное», дело только двух любящих «сердец», что в любви заключается ценное для коллектива связующее начало,—видно из того, что на всех ступенях своего исторического развития человечество устанавли-

вало нормы (правила), определявшие, при каких условиях и когда любовь «законна» (т. е. отвечает интересам данного коллектива) и когда она «греховна», преступна (т. е. противоречит задачам данного общества).

(Далее автор пытается доказать это положение «исторической справкой», которую мы выпускаем в виду ряда ошибок, делающих эту «справку бездоказательной»).

Любовь—товарищество.

Новое трудовое, коммунистическое общество строится на принципе товарищества, солидарности. Но что такое солидарность? Это не только с о з н а н и е общности интересов, но и духовно-душевная связь, устанавливаемая между членами трудового коллектива. Общественный строй, построенный на солидарности и сотрудничестве, требует, однако, чтобы данное общество обладало высоко-развитой «потенцией любви», т. е. способностью людей переживать симпатические чувствования. Без наличия этих чувствований солидарность не может быть прочной. Поэтому-то пролетарская идеология и стремится воспитать и укрепить в каждом члене рабочего класса чувство отзывчивости на страдания и нужды сочлена по классу, чуткое понимание запросов другого, глубокое, проникновенное сознание своей связи с другими членами коллектива. Но все эти «симпатические чувствования»—чуткость, сочувствие, отзывчивость—вытекают из одного общего источника: способности любить, любить не в узко-половом, а в широком значении этого слова.

Любовь—душевная эмоция (чувство) связующего и следовательно организующего характера. Что любовь является великой связующей силой, прекрасно понимала и учитывала буржуазия. Поэтому-то, стремясь упрочить семью, буржуазная идеология возвела в моральную добродетель «супружескую любовь»; быть «хорошим семьянином» в глазах буржуазии было большим и ценным качеством человека.

Пролетариат не может с своей стороны не учесть той психо-социальной роли, какое чувство любви как в широком смысле слова, так и в области отношения между полами может и должно сыграть в деле упрочения связи не в области семейно-брачных отношений, а в области развития коллективистической солидарности.

Каков же идеал любви рабочего класса? Какие чувства, переживания кладет пролетарская идеология в основу отношений между полами?

Каждая эпоха имеет свой идеал любви, каждый класс стремится в своих интересах вложить в моральное понятие любви свое содержание. Каждая ступень культуры, несущая с собою и более богатые духовные и душевные переживания

человечества, перекрашивает нежные тона крыльев Эроса в свой особый цвет. Вслед за последовательными ступенями развития хозяйства и социального быта видоизменялось и содержание, вкладываемое в понятие любовь, крепли или, наоборот, отмирали оттенки переживаний, входящие, как составные части, в чувство любви.

Из несложного биологического инстинкта—стремления к воспроизводству—присущему каждому виду от высших до низших животных, разбитых на половые особи, любовь с течением тысячелетий существования человеческого общества осложнилась, обростая все новыми и новыми духовно-душевными переживаниями [1]). Из явления биологического любовь стала фактором психо-социальным.

Под воздействием хозяйственных и социальных сил. биологический инстинкт воспроизводства, определявший отношения полов на ранних ступенях развития человечества, подвергся перерождению в двух диаметрально противоположных направлениях. С одной стороны, здоровый половой инстинкт, влечение двух полов друг к другу в целях воспроизводства, под давлением уродливых социально-экономических отношений, особенно при господстве капитализма, выродился в нездоровую похоть. Половой акт превратился в самодовлеющую цель, в способ доставить себе еще одно «лишнее наслаждение», в похоть, обостряемую излишествами, извращениям, вредным подхлестыванием плоти. Мужчина не потому сходится с женщиной, что здоровое половое влечение властно потянуло его к данной женщине, а наоборот, мужчина ищет женщину, не испытывая еще никакой половой потребности, с тем, чтобы, благодаря близости этой женщины, вызвать половое влечение и таким образом доставить себе наслаждение самим фактом полового акта. На этом построена проституция. Если близость к женщине не вызывает ожидаемого возбуждения, пресыщенные половыми излишествами люди прибегают ко всякого рода извращениям.

Это—уклонение биологического инстинкта, лежащего в основе любви между полами, в сторону нездоровой похоти, уводящее инстинкт далеко в сторону от своего первоисточника.

С другой стороны, телесное влечение двух полов за тысячелетия социальной жизни человечества и смены культур обросло целым наслоением духовно-душевных переживаний.

---

[1]) Другим природно-биологическим источником любви является инстинкт материнства, забота о детеныше со стороны женщины. Переплетаясь и перекрещиваясь между собою, оба инстинкта создавали природную базу для развития, при помощи социального общения, сложных переживаний любви.

Любовь в ее теперешнем виде—это очень сложное состояние души, давно оторвавшееся от своего первоисточника—биологического инстинкта воспроизводства и нередко резко ему противоречащее. Любовь—это конгломерат, сложное соединение из дружбы, страсти, материнской нежности, влюбленности, созвучности духа, жалости, преклонения, привычки и многих, многих других оттенков чувств и переживаний. Все труднее при такой сложности оттенков и самой любви установить прямую связь между голосом природы «Эросом бескрылым» (телесным влечением пола) и «Эросом крылатым» (влечением тела, перемешанным с духовно-душевными эмоциями). Любовь-дружба, в которой нет и атома физического влечения, духовная любовь к делу, к идее, безликая любовь к коллективу,—все это явления, свидетельствующие о том, насколько чувство любви оторвалось от своей биологической базы, насколько оно стало «одухотворенным».

Но этого мало. Нередко между различными проявлениями чувства любви возникает кричащее противоречие, начинается борьба. Любовь к «любимому делу» (не просто к делу, а именно к «любимому») не умещается с любовью к избраннику или избраннице сердца [1]); любовь к коллективу борется с чувством любви к мужу, к жене, к детям. Любовь-дружба противоречит одновременной любви-страсти. В одном случае в любви преобладает созвучие духовное, в другом—любовь построена на «созвучии тела».

Любовь стала многогранна и многострунна. То, что в области любовных эмоций (чувствований) переживает современный человек, в котором культурные фазы в течение тысячелетий воспитывали и заостряли различные оттенки любви, совершенно не умещается в слишком общее и потому неточное слово—любовь [2]).

Многогранность любви, при господстве буржуазной идеологии и буржуазно-капиталистического быта, создает ряд тяжелых и неразрешимых душевных драм. Уже с конца XIX века многогранность в любви сделалась излюбленной темой писателей-психологов. «Любовь к двум» даже «к трем» занимала и смущала своей «загадочностью» многих вдумчи-

[1]. Конфликт нередкий, особенно у женщин в современную переходную эпоху.

[2]) Новому человечеству придется найти и новые слова, чтобы выразить те многообразные оттенки душевных ощущений, какими лишь в грубой форме передаются такие состояния души, как любовь, страсть, увлечение, влюбленность, дружба. Все многочисленные полутона, весь сложный узор души, получающийся от скрещивания всех этих разнородных чувств, совершенно не передаются этими закостенелыми понятиями и расплывчатыми определениями.

вых представителей буржуазной культуры. Эту сложность души, это раздвоение чувства пытался еще в 60-х годах вскрыть наш русский мыслитель-публицист А. Герцен (Искандер) с своем романе «Кто виноват?» К разрешению этой проблемы подходил и Чернышевский в своей социальной повести «Что делать!» На двойственности чувства, на расщеплении любви часто останавливаются крупнейшие писатели Скандинавии—Гамсун, Ибсен, Бьернсен [1]), Гейерстам. К ней возвращаются не раз французские беллетристы последнего столетия; о ней пишет близкий к коммунизму по духу Ромэн Роллан и далекий от нас Метерлинк [2]). Эту сложную проблему, эту «загадку любви» пытались в жизненной практике разрешить такие гении в поэзии, как Гете и Байрон, такие смелые пионеры в области взаимоотношений полов, как Жорж Занд; ее познал на собственном опыте автор романа «Кто виноват?»—Герцен и многие, многие другие великие мыслители, поэты, общественные деятели... Под тяжестью «загадки двойственной любви» и сейчас гнутся плечи многих «не великих» людей, тщетно ищущих ключ к ее разрешению в пределах буржуазного мышления. А между тем—ключ в руках пролетариата. Распутать эту сложную проблему чувства может только идеология и быт нового трудового человечества.

Мы говорим здесь о двойственности любви, о сложностях «крылатого Эроса», но такую двойственность нельзя смешивать с половыми сношениями без Эроса одного мужчины со многими женщинами или одной женщины со многими мужчинами. Полигамия (многоженство), в которой не участвует чувство, может повлечь за собою ряд неблагоприятных, вредных последствий (раннее истощение организма, увеличение шансов на венерические заболевания в современных условиях и т. д.), но «душевных драм» такие связи, как бы запутаны они ни были, еще не создают. «Драма», конфликты начинаются тогда, когда налицо любовь в ее разнородных оттенках и проявлениях. Одного женщина любит «верхами души», с ним созвучны ее мысли, стремления, желания; к другому ее властно влечет сила телесного сродства. К одной женщине мужчина испытывает чувство бережливой нежности, заботливой жалости, в другой он находит поддержку и понимание лучших стремлений своего «я». Которой же из двух должен он отдать полноту Эроса? И почему он должен рвать, калечить свою душу, если полноту бытия даст только наличие и той, и другой душевной скрепы?

---

[1]) „Хромая Гульда".
[2]) „Аглавена и Селизетта".

При буржуазном строе такое раздвоение души и чувства влечет за собою неизбежные страдания. Тысячелетиями воспитывала культура, построенная на институте собственности, в людях убеждения, что и чувство любви должно иметь, как база, принцип собственности. Буржуазная идеология учила, вдалбливала в голову людей, что любовь, при том взаимная, дает право на обладание сердцем любимого человека *целиком и безраздельно*. Подобный идеал, такая исключительность в любви вытекала естественно из установленной формы парного брака и из буржуазного идеала «всепоглощающей любви» двух супругов. Но может ли такой идеал отвечать интересам рабочего класса? Не является ли, наоборот, важным и желательным с точки зрения пролетарской идеологии, чтобы чувства людей становились богаче, многоструннее? Не является ли многострунность души и многогранность духа именно тем моментом, который облегчает наростание и воспитание сложной, переплетающейся сети духовно-душевных уз, которыми скрепляется общественно-трудовой коллектив? Чем больше таких нитей протянуто от души к душе, от сердца к сердцу, от ума к уму—тем прочнее внедряется дух солидарности и легче осуществляется идеал рабочего класса—товарищество и единство.

Исключительность в любви, как и «всепоглощение» любовью—не могут быть идеалом любви, определяющим отношения между полами с точки зрения пролетарской идеологии. Наоборот, пролетариат, учитывая многогранность и многострунность «крылатого Эроса», не приходит от этого открытия в неописуемый ужас и моральное негодование, на подобие лицемерной морали буржуазии. Наоборот, пролетариат стремится это явление (результат сложных социальных причин) направить в такое русло, которое отвечало бы его классовым задачам в момент борьбы и в момент строительства коммунистического общества.

Многогранность любви сама по себе не противоречит интересам пролетариата. Напротив, она облегчает торжество того идеала любви во взаимных отношениях между полами, который уже оформляется и выкристаллизовывается в недрах рабочего класса. А именно: любви-товарищества.

Родовое человечество представляло себе любовь в виде родственной привязанности (любовь сестер и братьев, любовь к родителям). Антично-языческая культура выше всего ставила любовь-дружбу. Феодальный мир возводил в идеал «духовную» влюбленность рыцаря, любовь, оторванную от брака и не связанную с утолением плота. Идеалом любви бур-

жуазной морали являлась любовь законобрачной, супружеской пары.

Идеал любви рабочего класса, вытекающий из трудового сотрудничества и духовно-волевой солидарности членов рабочего класса, мужчин и женщин, естественно, по форме и по содержанию отличается от понятия любви других культурных эпох. Но что же такое «любовь-товарищество»? Не значит ли это, что суровая идеология рабочего класса, вырабатываемая в боевой атмосфере борьбы за рабочую диктатуру, собирается беспощадно изгнать из взаимного общения полов нежнокрылый, трепетный Эрос? Ничего подобного. Идеология рабочего класса не только не упраздняет «крылатый Эрос», а расчищает путь к признанию ценности любви, как психосоциальной силы.

Лицемерная мораль буржуазной культуры беспощадно вырывала перья из пестрых, многоцветных крыльев Эроса, обязывая Эрос посещать лишь «законобрачную пару». Вне супружества буржуазная идеология отводила место только общипанному бескрылому Эросу—минутному половому влечению полов в форме купленных (проституции) или краденых ласк (адюльтеру-прелюбодеянию).

Мораль рабочего класса, поскольку она уже выкристаллизовалась, напротив, отчетливо отбрасывает *внешнюю форму*, в которую выливается любовное общение полов. Для классовых задач рабочего класса совершенно безразлично—принимает ли любовь форму длительного и оформленного союза или выражается в виде преходящей связи. Идеология рабочего класса не ставит никаких формальных границ любви. Но зато идеология трудового класса уже сейчас вдумчиво относится к *содержанию* любви, к оттенкам чувств и переживаний, связывающих два пола. И в этом смысле *идеология рабочего класса гораздо строже и беспощаднее будет преследовать «бескрылый Эрос» (похоть, одностороннее удовлетворение плоти при помощи проституции, превращение «полового акта» в самодовлеющую цель из разряда «легких удовольствий»), чем это делала буржуазная мораль.* «Бескрылый Эрос» противоречит интересам рабочего класса. Во-первых, он неизбежно влечет за собою излишества, а следовательно телесное истощение, что понижает запас трудовой энергии в человечестве. Во-вторых, он беднит душу, препятствуя развитию и укреплению душевных связей и симпатических чувствований. В третьих, он обычно покоится на неравенстве прав во взаимных отношениях полов, на зависи-

мости женщины от мужчины, на мужском самодовлении или нечуткости, что несомненно действует понижающе на развитие чувства товарищества. Совершенно обратно действует наличие «Эроса крылатого».

Разумеется в основе «крылатого Эроса» лежит тоже влечение пола к полу, как и при Эросе бескрылом, но разница та, что в человеке, испытывающем любовь к другому человеку, пробуждаются и проявляются как раз те свойства души, которые нужны для строителей новой культуры: чуткость, отзывчивость, желание помочь другому. Буржуазная идеология требовала, чтобы все эти свойства человек проявлял по отношению только к избраннице или избраннику сердца, к одному единственному человеку. Пролетарская идеология дорожит главным образом тем, чтобы данные свойства были разбужены и воспитаны в человеке и проявились бы в общении не только с одним избраником сердца, но и при общении со всеми членами коллектива.

Безразлично пролетариату также, какие оттенки и грани преобладают в «крылатом Эросе»: нежные ли тона влюбленности, жаркие ли краски страсти или общность и созвучие духа. Важно лишь одно, чтобы при всех этих оттенках в любовь привходили те душевно-духовные элементы, какие служат к развитию и закреплению чувства товарищества.

Признание взаимных прав и умение считаться с личностью другого, даже в любви, стойкая взаимная поддержка, чуткое участие и внимательная отзывчивость на запросы друг друга, при общности интересов или стремлений—таков идеал любви-товарищества, который выковывается пролетарской идеологией, взамен отживающему идеалу, «всепоглощающей» и «всеисключающей» супружеской любви буржуазной культуры.

Любовь-товарищество—это идеал, который нужен пролетариату в ответственный и трудный период борьбы за диктатуру и утверждение своей диктатуры. Но не подлежит сомнению, что в осуществленном коммунистическом обществе, любовь, «крылатый Эрос», предстанет в ином, преображенном и совершенно незнакомом нам виде. К тому времени «симпатические скрепы» между всеми членами нового общества вырастут и окрепнут, «любовная потенция» подымется, и любовь-солидарность явится таким же двигателем, каким конкуренция и себялюбие являлись для буржуазного строя. Коллективизм духа и воли победит индивидуалистическое самодовление. Исчезнет «холод душевного одиночества», от которого люди, при буржуазной культуре, искали нередко спасения в любви и браке; вырастут многообразные нити, пере

плетающие людей между собою душевной и духовной спайкой. Изменятся чувства людей в сторону роста общественности, и без следа пропадет затерянное в памяти былых веков неравенство между полами и какая бы то ни было зависимость женщины от мужчины.

В этом новом, коллективистическом по духу и эмоциям обществе на фоне радостного единения и товарищеского общения всех членов трудового творческого коллектива Эрос займет почетное место, как переживание, преумножающее человеческую радость. Каков будет этот новый преображенный Эрос? Самая смелая фантазия бессильна охватить его облик. Но ясно одно: чем крепче будет спаяно новое человечество прочными узами солидарности, тем выше будет его духовно-душевная связь во всех областях жизни, творчества, общения, тем меньше места останется для любви в современном смысле слова. Современная любовь всегда грешит тем, что, поглощая мысли и чувства «любящих сердец», вместе с тем изолирует, выделяет любящую пару из коллектива. Такое выделение «любящей пары», моральная изоляция от коллектива, в котором интересы, задачи, стремления всех членов переплетены в густую сеть, станет не только излишней, но психологически неосуществимой. В этом новом мире признанная, нормальная и желательная форма общения полов будет вероятно покоиться на здоровом, свободном, естественном (без извращений и излишеств) влечении полов, на «преображенном Эросе».

Но пока мы находимся еще на переломе двух культур. И в этот переломный период, сопряженный с жаркими схватками двух миров на всех фронтах, включая фронт идеологический, пролетариат заинтересован в том, чтобы всеми мерами облегчить скорейшее накопление запасов «симпатических чувствований». В этот период моральным идеалом, определяющим общение полов, является не оголенный инстинкт пола, а многогранные любовно-товарищеские переживания как мужчины, так и женщины. Эти переживания, чтобы отвечать складывающимся требованиям новой пролетарской морали, должны покоиться на трех основных положениях:

1) равенства во взаимных отношениях (без мужского самодовления и рабского растворения своей личности в любви со стороны женщины),

2) взаимное признание прав другого, без претензии владеть безраздельно сердцем и душою другого (чувство собственности, взращенное буржуазной культурой),

3) товарищеская чуткость, умение прислушаться и понять работу души близкого и любимого человека (буржуазная культура требовала эту чуткость в любви только со стороны женщины).

Но, провозглашая права «крылатого Эроса» (любви), идеология рабочего класса вместе с тем подчиняет любовь членов трудового коллектива друг к другу более властному чувству—любви-долгу к коллективу. Как бы велика ни была любовь, связывающая два пола, как бы много сердечных и духовных скреп ни связывало их между собою, подобные же скрепы со всем коллективом должны быть еще более крепкими и многочисленными, еще более органическими. Буржуазная мораль требовала: все—для любимого человека. Мораль пролетариата предписывает: все—для коллектива.

Но мне слышится ваш вопрос: Пусть так. Пусть любовное общение, на почве окрепшего духа товарищества, станет идеалом рабочего класса. Но не наложит ли этот идеал, эта новая «моральная мерка» любви опять тяжелую руку на любовные переживания? Не сомнет ли, не искалечит ли нежных крыльев «пугливого Эроса»? Освободив любовь от оков буржуазной морали, не сковываем ли мы ее новыми цепями?

Да, вы правы. Идеология пролетариата, отбрасывая буржуазную «мораль» в области любовно-брачных отношений, тем не менее неизбежно вырабатывает свою классовую мораль, свои новые правила общения полов, которые ближе отвечают задачам рабочего класса, воспитывает чувства членов своего класса в известном направлении и этим накладывает известные цепи и на чувство. Поскольку дело идет о любви, взращенной буржуазной культурой, несомненно пролетариат повыщипает многие перышки из крыльев Эроса буржуазной формации. Но сожалеть о том, что трудовой класс наложит свою печать и на отношения между полами, чтобы привести чувство любви в соответствие со своей задачей, значит не уметь глядеть в будущее. Ясно, что на место прежних перышков в крыльях Эроса идеология восходящего класса сумеет взрастить новые перья невиданной еще красоты, силы и яркости. Не забывайте, что любовь неизбежно видоизменяется и преображается вместе с изменением культурно-хозяйственной базы человечества.

Если в любовном общении ослабеет слепая, требовательная, всепоглощающая страсть, если отомрет чувство собственности и эгоистическое желание «навсегда» закрепить за собою любимого, если исчезнет самодовление мужчины и преступное отречение от своего «я» со стороны женщины, то зато

разовьются другие ценные моменты в любви. Окрепнет уважение к личности другого, умение считаться с чужими правами, разовьется взаимная душевная чуткость, вырастет стремление выявлять любовь не только в поцелуях и об'ятиях, но и в слитности действия, в единстве воли, в совместном творчестве.

Задача пролетарской идеологии—не изгнать Эроса из социального общения, а лишь перевооружить его колчан стрелами новой формации, воспитать чувство любви между полами в духе величайшей новой психической силы—товарищеской солидарности.

П. Виноградская

КРЫЛАТЫЙ ЭРОС ТОВАРИЩА КОЛЛОНТАЙ

Свою статью, под названием «Дорогу крылатому эросу» [1]) (и это все письма к трудящейся молодежи! *П. В.*), тов. Коллонтай начинает так:

«Вы спрашиваете меня, мой юный товарищ, какое место пролетарская идеология отводит «любви»? Вас смущает, что сейчас трудовая молодежь «больше занята любовью и всякими вопросами, связанными с ней», чем большими задачами, которые стоят перед трудовой республикой. Если так (мне издалека судить об этом трудно), то давайте поищем об'яснений данному явлению, и тогда нам легче будет найти с вами ответ и на первый вопрос, какое место занимает любовь в идеологии рабочего класса?»

И далее:

«...Чем острее борьба двух идеологий, чем больше областей она захватывает, тем неизбежней встают перед человечеством все новые и новые «загадки жизни»—проблемы, на которые удовлетворительный ответ может дать только идеология рабочего класса.

К числу таких проблем относится и затронутый вами вопрос: «загадка любви», другими словами, вопрос взаимоотношений полов—загадка старая, как само человеческое общество. На разных ступенях своего исторического развития человечество по-разному подходило к ее разрешению. «Загадка» остается, ключи меняются. Эти ключи зависят от эпохи, от класса, от «духа времени» (культуры)».

В предыдущем письме о морали т. Коллонтай передавала вопросы своего корреспондента своими словами, так что

---

[1]) См. „Молодая Гвардия" № 3, май 1923, стр. 111—124.

были некоторые основания думать, что вообще и цитировать было нечего. Но в этой статье вопрос «юного товарища» заключен в ковычки, так что дело может итти о реальном письме. Если это письмо принадлежит живому человеку из Советской России, то мы, я думаю, с полного согласия подавляющего большинства нашей истинно пролетарской учащейся молодежи, можем утверждать, что оно является клеветой на молодежь. Быть может, есть отдельные лица из числа молодежи, в том числе возможно и партийной молодежи, для которой половые вопросы затмили все, заслонили собой все остальные проблемы, в том числе и проблему еле-еле только начатой и лишь в одной стране доведенной до победы пролетарской революции. Но было бы грубой неправдой утверждать, что такое настроение характерно для «всей трудовой молодежи» или большинства ее. Если же тов. Коллонтай нужно дело изобразить таким образом, что она пишет на свои излюбленные «эротические темы» не по собственному влечению, а потому, что она спровоцирована на это самой молодежью, то она могла бы обойтись без цитат из писем, извращающих положение дел в России. Фантазии у нее на это, наверно, хватило бы.

Между тем тов. Коллонтай, вместо того, чтобы проверить, как в действительности обстоит дело, с места в карьер об'являет: «давайте поищем об'яснения».

Хорошее занятие: искать об'яснения для того, чего нет! У читателя невольно может появиться вопрос, а не поискать ли об'яснения, почему тов. Коллонтай так рвется дать это «об'яснение» и все ли обстоит благополучно с ее марксизмом и коммунизмом? Почему это тов. Коллонтай так упорно хочет быть Вербицкой в нашей коммунистической журналистике и всюду и везде выпячивает половую проблему? Неужели старой опытной коммунистке больше и писать не о чем? Неужели у нас уже во всех областях жизни такой расцвет, что только и осталось, как расправить крылья эросу; или до ее ушей и сознания доходят только одни те вопросы, которые умеет ставить социалистическая интеллигентская обывательница, а то, что думает, что чувствует в данное время настоящая массовая работница (не из истеричек и слабонервных мещан) ей неизвестно?

Тов. Коллонтай оговаривается, что ей «издали» из Норвегии не видно, насколько действительно вопросы любви являются животрепещущими теперь в среде молодежи. Это не помешало ей, однако, подхватить версию о том, что молодежь по уши погружена в любовь, в искании «счастья».

Как же фактически обстоит дело у нас с вопросами любви и пола среди молодежи, рабочих и работниц.

Изменилось ли что-нибудь со времени гражданской войны? Несомненно, и тут произошли изменения, сдвиги и перевороты, как произошли они во всей обстановке жизни в период временного затишья в гражданской войне, или, вернее сказать, в период изменения форм борьбы с буржуазией при Нэпе. Революция раскрепостила все силы каждого индивидуума из трудящихся классов как физические, так и умственные и дала больший простор выявлению всех их. Однако она сама же и не дала реализовать «свободы» в строительстве новых форм жизни, пока борьба не окончена. В период острой классовой борьбы с его лозунгами и требованием: «война до полной победы», вся воля и все внимание масс были сконцентрированы на вопросах непосредственной борьбы с врагом. Но внутри указанный выше процесс распада старых форм уже вполне созрел. Вся половая жизнь с ее проблемами была таким образом лишь отодвинута на второй план, и лишь теперь эти вопросы второго порядка начинают играть более заметную роль (если их не снимет снова с очереди германская революция). Более заметную роль—так нужно выразиться, чтобы не впасть в ошибки и преувеличения. Только и всего.

Что вопросы любви начинают интересовать учащуюся молодежь больше, чем раньше,—это бесспорно. Любопытный материал в этом отношении представляет собой анкета о половой жизни, проведенная у свердловцев [1]). Но от этого интереса до увлечения половыми проблемами вплоть до забвения дела учебы и основных задач пролетарской борьбы — дистанция огромного размера. Мы знаем, наоборот, что учащаяся молодежь большую часть сил отдает учебе, несмотря на тяжелые материальные условия, в которых находится наша пролетарская учащаяся молодежь и коммунистическое студенчество. и если у них есть интерес к половым проблемам, то зато есть удвоенный интерес к материализму, утроенный к экономике и т. п. Доказательством может служить хотя бы тот же журнал Свердловского университета, в котором была помещена упомянутая выше статья. Этот журнал, очевидно, исходя именно из потребностей учащейся молодежи и ее запросов, посвящает научным вопросам почти все свои страницы и лишь самую ничтожную часть уделяет вопросам пола.

И в рабочем быту вопросы пола и проблемы новой семьи выдвигаются в гораздо большей мере, чем раньше. Но было бы

---

[1]) См. „Записки Коммунистического университета им. Свердлова“, январь 1923 г., том I.

грубейшей несправедливостью утверждать, что мы имеем здесь налицо господство «Санинских» упадочных настроений и интересов. Нам известен случай, когда коммунист—старый член партии—стрелял из-за ревности в беспартийного. Далее, не так давно в Москве двое из слушателей Военной академии дрались на дуэли из-за женщины. Факт, сам по себе заслуживающий, конечно, внимания. Его надо учесть среди других изменений кон'юнктуры в общественном настроении. Но было бы клеветой обвинять весь кадровый состав Красной армии в том, что среди него начало господствовать бреттерство и дуэлянтские замашки вообще. О том, что думает на этот счет б о л ь ш и н с т в о наших красных командиров, лучше всего свидетельствует письмо коллектива коммунистов той же Военной академии, опубликованное затем в «Правде».

Несомненно, с другой стороны, что старые скрепы в области семьи и половых отношений находятся теперь в процессе ломки и непрерывных изменений всюду там, где их разлагает новая экономика и обогнавшая кое в чем экономику психика людей. Но это разложение идет крайне медленно. Переход от военного коммунизма к Нэпу скорее замедлил (временно, по крайней мере), чем ускорил этот процесс. Если учащееся пролетарское студенчество и молодежь вообще довольно бурно на практике протестуют против старых мелко-буржуазных заповедей в области половых отношений, доходя даже до форм беспорядочных половых сношений и пытаясь даже принципиально обосновать это, то, вообще говоря, это лишь маленький участок на классовом теле пролетариата и далеко не характерный для общего положения. А все это скорее говорит лишь о небрежно-неряшливом отношении к вопросам половой жизни и невнимательном, нетоварищеском отношении к женщине, потому что (в условиях данного времени) ведь исключительно ей приходится в итоге иметь дело с плодами любви. Но повторяю, это отнюдь еще не значит, что половые вопросы привлекают к себе усиленное внимание молодежи и отвлекают ее от главного. Часто это говорит скорей об обратном, о господстве «бескрылого эроса», украшение которого павлиньими перьями тов. Коллонтай провозглашает очередной задачей марксизма и пролетарской идеологии.

Надо иметь далее в виду, что благодаря совместному обучению молодежи обоих полов в школе, благодаря их совместному участию во всех видах спорта и, наконец, общему сглаживанию искусственно поставленных перегородок между мужчинами и женщинами во всей нашей общественной жизни, благодаря общему духу более товарищеского (хотя еще далеко недостаточно товарищеского) отношения к женщине—у нас

и сама любовь, и женское тело совсем не являются тем запретным плодом, тем райским яблоком, предметом всяких вздохов и затаенных мечтаний, каким оно являлось в прошлом. Когда художники ренессанса на полотне своих картин пели гимны прекрасному женскому телу, нарушая этикет христианского аскетизма и заповедь «борьбы с плотью», когда подобные мотивы звучали во всей освободительной буржуазной литературе следующих веков, то все это было естественно, понятно, необходимо и прогрессивно. Но теперь-то ведь иные времена, иные нравы, иные песни. Запретные плоды давно стали всем доступными, отношения между полами совсем другие—они гораздо более рационализированы; в такой обстановке Жорж-Зандовский пафос тов. Коллонтай, ее выпячивание проблем любви, ее показная ходульная революционность в этой области производят смешное и жалкое впечатление.

Проблема любви не имеет в нашей жизни и одной десятой того значения в сравнении с тем, какое этому хочет придать в своих статьях тов. Коллонтай, зря растрачивая здесь свой пафос и энтузиазм. Поистине стрельба по воробьям из пушек.

То же, что действительно является важным, и что связано с проблемой пола помимо эротики, как например: вопросы семьи, вопрос о детях, о потомстве вообще—вопросы, больше всего волнующие рабочих и особенно работниц, то эти вопросы тов. Коллонтай обходит молчанием. Но об этом ниже.

Статья тов. Коллонтай об истинно-пролетарском и истинно-коммунистическом эросе не только доказывает, что она не знает обстановки в Советской России, но *что она неверно оценивает и общую социально-политическую обстановку вообще, а потому и обстановку на фронте своего эроса.* Указав на то, что, по сравнению с периодом военного коммунизма, «сейчас картина меняется», она пишет: «теперь, когда революция в России одержала верх и укрепилась, когда атмосфера революционной схватки перестала поглощать человека целиком и без остатка, нежнокрылый эрос, загнанный временно в терновик пренебрежения, снова начинает пред'являть свои права. Он хмурится на осмелевшего бескрылого эроса—инстинкт воспроизводства, но прикрашенный чарами любви. Бескрылый эрос перестает удовлетворять душевным запросам. Скапливается избыточная душевная энергия, которую современные люди, даже представители трудового класса, еще не умеют приложить к духовной и душевной жизни коллектива. Эта избыточная энергия души ищет приложения в любовных переживаниях. Многострунная лира пестрокрылого божка любви

покрывает однострунный голос бескрылого эроса... Женщина и мужчина сейчас не только «сходятся», не только завязывают скоропреходящую связь для утоления полового инстинкта, как это чаще всего было в годы революции, но и начинают снова переживать «любовные романы», познавая все муки любви, всю окрыленность счастья, взаимного влюбления».

Один стиль этого литературного шедевра чего стоит! Тов. Коллонтай считает таким образом, что обстановка теперь в России такова, что уже пора заняться «крылатым эросом» и зовет в области половых отношений устраиваться по-иному. Как —конкретно мы это разберем дальше. Правда, она, по привычке, выше говорит, что затишье—«временное и относительное», а по выводам и практическим предложениям выходит, что изменение коренное. Такая оценка общего положения есть вреднейшая иллюзия, недопустимость которой так ярко сейчас поддерживается событиями в Германии. И нужно сказать, что ошибка тов. Коллонтай отнюдь не является только ее индивидуальной ошибкой. В обстановке Нэпа за какие-нибудь три года перемирия у нас значительное количество наших товарищей укрепилось в психологии «мирного обновления». Както упускается из виду и забывается, что пролетарская революция победила лишь на одном участке, участке далеко не самом важном как в экономическом, так и в культурном отношении. Все у нас по привычке повторяют, что главные бои впереди, что опасности, угрожающие нам, огромны. Тем не менее, на практике многие поступают так, как будто бы дело социализма вообще уже, если не совсем, то наполовину, в шляпе. Не мешает поэтому всем и в частности пропагандистам новой эпохи в области эроса вспомнить прекрасные слова [1]) тов. Троцкого на этот счет, хотя и сказанные им по другому поводу: «Мы попрежнему солдаты в походе. У нас дневка. Надо выстирать рубаху, постричь и причесать волосы и, первым долгом, прочистить и смазать винтовку. Вся нынешняя хозяйственно-культурная работа есть не что иное, как приведение себя в некоторый порядок меж двух боев и походов. Главные бои впереди—и, может быть, не так уж далеко»...

Если бы спросить тов. Коллонтай, согласна ли она с этими строками, то она, пожалуй, обидится даже на вопрос. Еще бы, ведь она такая «левая»! И в то же время у нее не хватает, повидимому, логики продумать до конца, что означают политически ее теперешние усиленные разговоры о новом периоде в области эроса. Ей не хватает марксистского и коммунистиче-

[1]) См. „Правда“ № 207 от 14 сентября 1923 г.—„Пролетарская культура и пролетарское искусство“.

ского чутья понять, что независимо от существа ее мыслей самое уже выпячивание и подчеркивание этой проблемы является грубой политической ошибкой. Ошибкой является это и с точки зрения тех реальных условий, в которых приходится пока жить и работать нашим рабочим и коммунистам, рядовым коммунисткам и работницам, и из которых выскочить нельзя [1]). Подумать только, чем рекомендуется заниматься, над чем ломать голову? У нас нужда, нищета, низкая заработная плата, элементарные потребности рабочих масс далеко не удовлетворены, более половины страны безграмотных, учащаяся молодежь живет часто в ужасающих жилищах и материальных условиях: ей не хватает пищи, одежды, нет достаточно учебников, тысячи из них на почве переутомления умственного и недоедания болеет туберкулезом и нервным расстройством. Нужно еще многие годы работать, чтобы началось как следует социалистическое накопление, чтобы можно было обстроиться, одеться, воспитать сотни тысяч беспризорных людей и т. д. А думы тов. Коллонтай о другом—«нежнокрылый эрос, изволите ли видеть, снова начинает пред'являть свои права», «избыточная энергия души ищет приложения в духовно-душевных переживаниях», «многострунная лира пестрокрылого божка любви» и т. д., и т. д.

Можно с уверенностью сказать, что на все эти ламентации тов. Коллонтай наша сознательная молодежь (не из «гимназистов» и нэпманских сынков) ответит не на «многострунной лире», а подует в однозвучный инструмент, который зовется «свисток». И нас еще, пожалуй, будут обвинять в том, что мы зря употребляем перо там, где нужен этот простой инструмент. Однако, если мы будем продолжать и дальше всерьез разбирать писания нашего уважаемого полпреда в Норвегии, то потому, что тов. Коллонтай пользуется еще некоторым уважением в определенных кругах работниц и молодежи, и ее поклонники и поклонницы будут требовать возражений по существу.

Кстати, мне кажется, что если последние писания тов. Коллонтай перевести бы на немецкий язык и дать прочитать немецким работницам и коммунисткам, то они сочтут нас, печатающих эти вещи в коммунистических органах молодежи и женщин, либо сумасшедшими, либо подумают всерьез, что мы начинаем быстро вырождаться. Стоит лишь вспомнить, что́ на очереди дня у истерзанного, измученного германского проле-

[1]) Достаточно хотя бы указать на то, что не всегда муж, разлюбивший жену и бросивший семью, считает себя обязанным материально поддерживать детей. „Брошенная“ жена, пока государство не может в массовом масштабе осуществить дело воспитания детей, вынуждена нередко обращаться к суду за защитой. А таких процессов у нас теперь много. Где же тут до крылатого эроса?

тариата, чтобы представить себе, какой величайшей бестактностью в интернациональном масштабе является подобная литература, выходящая из-под пера одного из недавних видных вождей международного коммунистического движения женщин-работниц.

Тов. Коллонтай и в будущем обществе видит то, что ей хочется видеть, и, несмотря на то, что она (это уже вошло у нас в привычку) и твердит, что нельзя пророчествовать насчет будущего, однако, успокоивши свою марксистскую совесть этой фразой, она все же никак не может удержаться от любопытства, чтобы не заглянуть в это будущее и широко о нем распространиться. Она пишет:

«В этом новом коллективистическом по духу и эмоциям обществе, на фоне радостного единения и товарищеского общения всех членов трудового творческого коллектива эрос займет почетное место, как переживание, преумножающее человеческую радость. Каков будет этот новый преображенный эрос? Самая смелая фантазия бессильна охватить его облик. Но ясно одно: чем крепче будет спаяно человечество прочными узами солидарности, тем выше будет *его духовно-душевная связь во всех* областях жизни, творчество, общение, тем меньше места останется для любви в современном смысле слова. Современная любовь всегда грешит тем, что, поглощая мысли и чувства «любящих сердец», вместе с тем изолирует, выделяет любящую пару из коллектива. Такое выделение «любящей пары», моральная изоляция от коллектива, в котором интересы, задачи, стремления всех членов переплетены в густую сеть, станет не только излишней, но психологически не осуществимой. В этом новом мире признанная, нормальная и желательная форма общения полов будет, вероятно, покоиться на здоровом, свободном, естественном (без извращения и излишества) влечении полов, на «*преображенном* эросе».

Итак, тов. Коллонтай готова, в интересах пропаганды своего взгляда на эрос, не только всю историю исказить, но и все будущее перекроить по своему вкусу. В коммунистическом обществе, оказывается, отношения между полами обязательно будут складываться «по Коллонтай». Насчет вкусов вообще не спорят, так гласит пословица, но по поводу всяких попыток навязать будущему обществу наши теперешние и к тому же личные вкусы мы всячески должны протестовать. В этом отношении вполне прав тов. Преображенский, когда он пишет в своей брошюре [1]:

[1]) „О морали и классовых нормах“, стр. 97—98, Госиздат, 1923 г.

«Конкретно, можно ли с точки зрения пролетарских интересов поставить и дать ответ на вопрос, какие формы общения полов больше совместимы, если не с теперешними социальными отношениями и социальными интересами, то с отношениями социалистического общества: моногамия, кратковременные связи или так называемое беспорядочное половое общение. До сих пор защитники той или иной точки зрения в этом вопросе скорее обосновывали всевозможными аргументами свои личные вкусы и привычки в этой области, чем давали правильный социологически и классово-обоснованный ответ. Кому больше нравился несколько филистерский личный семейный быт Маркса и кто, по своим наклонностям, предпочитал моногамию, тот пытался возвести в догмат и норму моногамную форму брака, подбирая медицинские и социальные аргументы. Те, которые склонны к обратному, пытаются выдать «быстротечные браки» и «половой коммунизм» за естественную форму брака в будущем обществе, при чем иногда проведение на практике этого типа общения между полами с гордостью рассматриваются, как «протест на деле» против мещанской семейной морали настоящего.

В действительности же вся такая постановка вопроса сводится к тому, что люди рекомендуют коммунистическому обществу свои личные вкусы и выдают свои личные симпатии за об'ективную необходимость»[1].

Итак, побывав в будущем обществе и заглянув вместе с тов. Коллонтай через очки эротического фактора в средневековье, вернемся к нашей реальной земле. И здесь, оказывается, мы, узкие, односторонние марксисты, совсем недооцениваем новый фактор истории, открытый тов. Коллонтай в самом деле.

«...Новое трудовое коммунистическое общество строится на принципе товарищества-солидарности. Но что такое солидар-

---

[1]) Но если т. Коллонтай принципиально неправильно ставит вопрос о многогранной любви (т. е. сожительство одновременно со многими), поскольку вопрос лежит вне области регламентации со стороны партии, то столь же неверной, но с другого конца, является моральная заповедь т. Сорина по отношению к коммунистам, которых он поучает коммунистическому благочестию: „не живи сразу с тремя женами" (см. „Правда" № 237 от 19/X: „Азбучные истины").

Ко всем прочим нелегким обязанностям контрольных комиссий тов. Сорин прибавляет еще новую: прослеживать и подсчитывать, сколько у каждого коммуниста имеется жен, помимо полагающейся на каждого одной „законной", и обратно—у коммунисток мужей. Но этим самым т. Сорин выдает свою старомодную точку зрения на брак, как на хозяйственно-семейный союз, при котором сожительство с тремя одновременно должно потребовать утроенных расходов со стороны мужа (как у мусульман). А между тем, такое сожительство со многими как со стороны мужчины, так и со стороны женщины может быть у нас совершенно не связано с материальными последствиями, и в этом случае подобные браки не задевали бы коллектив и лежали бы вне моральной регулировки.

ность? Это не только сознание общности интересов, но и духовно-душевная связь, устанавливаемая между членами трудового коллектива. Общественный строй, построенный на солидарности и сотрудничестве, требует, однако, чтобы данное общество обладало высоко развитой потенцией любви, т.-е. способностью людей переживать симпатические чувствования»... «Но все эти симпатические чувствования—чуткость, сочувствие, отзывчивость, вытекают из одного общего источника—способности любить»... А далее мы находим такие строки: «Безразлично пролетариату, также, какие оттенки и грани преобладают в крылатом эросе: нежные ли тона влюбленности, жаркие ли краски страсти или общность и созвучие духа. Важно лишь одно, чтобы при всех этих оттенках в любовь привходили те душевно-духовные элементы, какие служат к развитию и закреплению чувства товарищества».

Мы думаем, что пролетариату «важно», во-первых, чтобы со словами пролетарская идеология не обращалась, как с бесхозяйными имуществами и не трепали их по всем поводам. Надо потерять всякое чувство коммунистической ответственности, чтобы выдавать свои эротические измышления и «духовно-душевное» пустословие за элементы пролетарской идеологии.

Во-вторых, мы узнаем здесь, что строющееся коммунистическое общество базируется не на определеной производственной основе и трудовых связях, строго отвечающих этой основе, а на «потенции любви». Я думаю, что даже для эс-эров нашего времени это было бы слишком. (Надо думать, что это не описка). А если не описка, то тов. Коллонтай собирается, видно, дополнить Маркса из арсенала Михайловского, Крапоткина, Толстого и евангелия Иоанна. Как видим, успевая в вопросах дипломатии, тов. Коллонтай находится явно на ущербе по части марксизма.

Что же рекомендует тов. Коллонтай рабочим, работницам, коммунистам, коммунисткам и нашей молодежи?

Вся ее статья есть сплошная мораль по части половых отношений. И история средневековья критически пересмотрена в сущности ради этой морали. Рекомендует же она следующее:

«Многогранность любви сама по себе не противоречит интересам пролетариата. Напротив, она облегчает торжество того идеала любви во взаимных отношениях между полами, которое уже оформляется и выкристаллизовывается в недрах рабочего класса. А именно любви-товарищества».

Под многогранностью любви здесь понимается сожительство одного мужчины с несколькими женщинами, и наоборот. Мы отнюдь не думаем выступать против такой «многогранности» в любви. Но одно необходимо сказать: потребность в сожительстве одновременно со многими есть прежде всего дело темперамента, продукт чисто суб'ективных свойств и вкусов человека. Но возможность широкого осуществления таких личных вкусов зависит раньше всего от экономики, от того, насколько далеко шагнуло вперед строительство социализма, как велик прибавочный продукт общества, одним словом, зависит от того, насколько коллектив совершил уже скачок из царства необходимости в царство свободы.

Возможно вполне, что в будущем обществе, где успехи производства дадут возможность развернуть в полной мере все стороны человеческой личности, каждому будет предоставлено столько свободы, в жизни и поступках, что формы взаимоотношений полов будут определяться почти всецело личными склонностями людей, их темпераментом и т. п. Однако, надо думать, что и там, вероятно, будут регулирующие начала в виде того, какие формы общения, с медицинской точки зрения и с точки зрения евгеники, представляются наилучшими.

Но, переносясь в обстановку наших будней, нашей реальной действительности, мы должны сказать, что все вопросы рационализации половых отношений, прежде всего упираются (при нашей бедности, безработице, особенно среди женщин, отсутствии общественного воспитания) в вопрос о семье, в вопрос о детях. Об этом вопросе наш автор усердно молчит, ограничиваясь областью чисто психологических рассуждений о любви и неизменно приплетая сюда «пролетарские интересы», «пролетарскую идеологию» и т. д. Молчать же об этом, значит молчать о самом главном, о самом больном, что глубочайшим образом волнует женщину-работницу, всякую женщину, вообще, а также, разумеется, и мужскую половину. В статье тов. Коллонтай говорится о целой дюжине всяких эросов: «эрос бескрылый», «эрос выщипанный», «пугливый эрос», «преображенный эрос», «нежнокрылый эрос» и т. д., и т. д. Это лишь маленький букетик. Но в статье ни слова о естественных последствиях этих наикрылатых, наиразноцветных эросов—о плодах любви, о детях. А между тем именно в них-то теперь все дело. Надо действительно потерять всякое чувство действительности, чтобы об этом не знать и об этом не вспомнить. Массы отнюдь не разделяют того взгляда, будто полная любовь существует лишь для самой любви, и что мужчина и женщина должны обязательно смотреть друг на друга, как на об'ект наслаждения. Разве любовь,—взятая в социально-био-

логическом разрезе—это какое-то искусство ради искусства? Разве она не является прелюдией к воспроизводству—деторождению? Нелишне будет тут указать на тот факт, что на юбилейном вечере, устроенном отделом работниц ЦК в память трехлетия существования журнала «Коммунистка», некоторые работницы в своих речах выражали протест против того, что в журнале печатались подобные статьи, как статьи тов. Коллонтай. При чем одна из них указала, что статья тов. Коллонтай «Сестра» так чужда по духу работницам, что они вообще ее не поняли. Таким образом юбилей в честь «Коммунистки» неожиданно кончился критикой позиции тов. Коллонтай в области эроса. Одна работница женотдела в Донбассе совершенно правильно заметила также, сказав: «Перед нами не стоят вопросы любви. У нас стоит вопрос о детях. Вот в чем дело. А в каком положении дети? Больше полумиллиона беспризорных, находящихся на иждивении государства и содерживаемых в нищенских, безобразных, часто кошмарных условиях. Десятки тысяч детей рабочих и работниц некуда поместить из-за отсутствия достаточного количества яслей, детских домов и садов. Вопрос о социальном воспитании—вот центральный вопрос семьи и проблемы пола у нас сейчас». Но все эти вопросы, так глубоко волнующие трудящихся женщин, вопросы, на которые прежде всего ждут они ответа, тов. Коллонтай обходит упорным молчанием. Она занята исключительно психологией любви, суб'ективными переживаниями любящих, т.-е. она не думает о том, что если бы наши рабочие и работницы в массовом масштабе ушли головой в «пестрокрылый эрос» и утопали в роскоши «многогранной любви», то это для весьма многих из них означало бы увеличение семьи, прибавление новых детей, в то самое время, когда имеющихся некуда деть. Как же им в таком случае быть?

На этот вопрос они не получат ответа у тов. Коллонтай. Ибо она адресуется, повидимому, к тем, для кого эти вопросы не возникают. И в конце концов вся ее идеология эроса, сосредоточенная лишь на психологической стороне любви и игнорирующая все остальное в наших реальных советских условиях, есть лишь идеология «Keinkindersistem». Это идеология Жозефины из романа Эмиля Золя «Плодородие», этих типичнейших персонажей буржуазного вырождения, для которых, говоря словами Альфреда Мюссе: «L'amour est tout, la vie ou le soleil», а против деторождения меры приняты заранее. И сколько бы раз в своей статье тов. Коллонтай не упоминала: «пролетарская идеология», «пролетарская культура», «коллектив коммунистический» и т. п., сколько бы раз она ни оговаривалась насчет интересов «трудового коллектива», общий

тон ее статей именно таков—это буржуазная идеология культа любви, которую хотят навязать пролетариату и выдать за его продукт, в то время, когда в порядке дня его продлжают стоять культ-винтовки и социалистического накопления, а все условия жизни—лишь комфорт окопов третьей линии.

Правда, лишь у немногочисленных верхушечных групп, которые сравнительно материально лучше обеспечены и общие условия жизни которых лучше, есть большая возможность для культа личной жизни. Тут мы встречаемся иногда с попытками разрешить по-коммунистически проблему «многогранной любви», «об'единения любви к верхам души одной с любовью к телу другой и т. д.». Мы знаем в этой среде факты сожительства одного с двумя, тремя женщинами и наоборот, без проявления чувства ревности с чьей бы то ни было стороны (конечно, изжить ревность—это уже большой шаг вперед—и с этой стороны надо рассматривать такую форму, как прогрессивную). Но, во-первых, если любовь к одному человеку в наших условиях урывает время от общественной работы, то любовь к трем отнимает в три раза больше времени. А, как известно, у нас сейчас усиленная борьба за время, революция требует напряжения всех сил. Поэтому лозунг тов. Коллонтай даже и для верхушки этой не является своевременным, поскольку она связана с революцией [1]).

Мы живем в век великих социальных потрясений, в сравнении с которыми даже небывалое землетрясение в Японии окажется мелким и незначительным. Десятилетия революций и социалистических войн потребуют огромного напряжения пролетарских сил. Они потребуют людей, закаленных в своей сфере не хуже, чем та сталь, с помощью которой они будут

---

[1]) Не возражая по существу против „многогранной любви“ (ибо принципиально нельзя спорить о таких вещах, весь вопрос только в том, насколько это подходит к нашим теперешним реальным условиям), я должна показать на одном известном мне примере, как именно широкая „любовь ко многим“ протекает за счет уменьшения внимания к делам общественным. В родственной нам немецкой коммунистической партии один товарищ, сильно любивший свою „единственную“ жену, часто отнекивался от поездок в провинцию, не желая расставаться с женой. Товарищи решили настроить его в духе „новой морали“, и им удалось сагитировать насчет преимущества с коммунистической точки зрения любви ко многим,—они надеялись, что любовь ко многим рассеет любовь к одной. Но „пациент“, к сожалению, сильно привязался сразу к 9-и, которые к тому живут в разных городах, и теперь, когда его посылают в провинцию, он ездит охотно, но он вместо нужной одной провинции об'езжает все девять.

сводить счеты со старым миром. Наша партия умела воспитывать таких людей. Но и наша партия и предшествовавшее ей поколение революционных народников никогда не воспитывали шедшую за ними молодежь на проблемах любви. До того ли было! И теперь наша молодежь в лучшем случае ответит полным недоумением на попытки тов. Коллонтай воспитывать молодое поколение революции на вопросах любви, которой заполняли свое время паразиты Печорины и Онегины, сидя на спинах крепостных мужиков.

А. Б. Залкинд

ПОЛОВАЯ ЖИЗНЬ И СОВРЕМЕННАЯ МОЛОДЕЖЬ [1])

Среди всех вопросов миросозерцания и непосредственных переживаний одним из самых болезненных для молодежи всегда был вопрос половой. Наступали даже такие исторические эпохи, когда он пронизывал и подавлял собою все остальные стороны миропонимания и мироощущения молодежи. В условиях современной культуры, «der Mench sexualisiert das All» (человек окрашивает в половые тона весь мир), — говорил Ницше, большой специалист по уловлению самых тонких запахов разлагающегося буржуазного общества.

Соответствует ли такое значение половой жизни его истинному, об'ективному—биологическому и социальному содержанию? Если оно было огромным в условиях феодальной духоты и капиталистического хаоса, требуется ли воспроизводить его в той же его мощи и нам — обществу, переходящему к социализму?

Раздаются, оказывается, голоса, что это неизбежно. Весь вопрос будто бы лишь в том, чтобы ликвидировать половую неразбериху и рационализировать использование «гигантских богатств половой жизни». Существует ведь такое мнение, будто даже религиозные переживания, в виду огромной их чувственной силы, надо было бы не уничтожать, а использовать. По части религии, марксист, конечно, не станет задумываться,— ну, а половое, сексуальное — ведь это биология, «материализм»—здесь, пожалуй, действительно «огромное и ценное», над которым стоило бы поразмыслить... Стоит ли?

Не отрицая большого значения половой жизни, с самого начала необходимо все же оговориться, что, вместе с гнилыми

---

[1]) Эти строки лишь отчасти навеяны статьей т. Коллонтай: „Дорогу крылатому эросу“.

охвостьями старой культуры, мы, по детской еще нашей наивности и доверчивости, восприняли, между прочим, довольно значительные элементы и научной ее отрыжки. Такой отрыжкой является и преувеличение биологического и социального значения полового. В этом вопросе столько сейчас научного суеверия, при том совершенно автоматически принимаемого, что, право, диву даешься. Нужна энергичная борьба, нужен свежий воздух!

Общество буржуазной эксплоатации отличается не только колоссально-бестолковой растратой производительных сил, но и вытекающей из нее биологической дезорганизацией: огромной утечкой и неправильным устремлением энергий человеческих организмов, невороятной путаницей в способах и целях их использования. Когда человеческие организмы властью прогресса производительных сил стали все глубже отходить от непосредственного влияния природы и подпали под сокрушающее воздействие развертывающихся новых общественных соотношений,—это произвело ломку и в органическом существе человека, его инстинктах, влечениях, навыках,—ломку далеко не всегда по пути биологической целесообразности: буржуазное общество ведь меньше всего считалось с целесообразностью.

Среди прочей биологической путаницы, создаваемой капиталистическим хаосом, на одном из первых мест мы должны поставить веками нагроможденную гору переживаний и навыков, будто бы питающихся из полового источника. Чтобы понять основную логическую ошибку, коренящуюся у нас в отношении к этому вопросу, вспомним мысль Плеханова по другому поводу. Говоря о роли «великих личностей», он указывал на преувеличение размера дарований и мощи этих личностей, обусловленное тем, что последние в борьбе оттирали своих конкурентов и, заняв их место, сосредоточивая на себе исключительное внимание всех, казались тем самым, при помощи содействовавших им общественных условий, во много раз более «величественными», чем то было на деле. Совершенно так же обстоит и с половым вопросом. Расплющив целую серию естественно-биологических проявлений, извратив пищевые, двигательные, дыхательные устремления человеческих организмов антигигиенической обстановкой производства и эксплоатации и гнилой атмосферой «культурных» городов,—классовый строй создал все условия для должного направления энергетического фонда (суммы органических энергий).

Мы знаем в психологии особую закономерность, которую еще Рибо назвал «законом общего эмоционального знака».

Ряд разнородных, иногда глубоко чуждых друг другу, психических устремлений, если они связаны во времени каким-либо общим впечатлением и если эта связь часто повторялась, скрепляются в дальнейшем как нечто единое и воспроизводятся неотделимо одно от другого. Это же явление, развивающееся по вполне определенным законам, подтверждается и учением И. П. Павлова об условных рефлексах. Такого рода нагромождением совершенно разнородных элементов, происходящих из глубоко отличных источников, об'единенных лишь случайной технической связью,—«общим эмоциональным знаком»,—и является фонд современного полового опыта. Современная общественная жизнь, подавляя естественные биологические и социальные влечения, старательно нагнетает всю выдавленную ею из человеческих организмов энергию в сторону полового, удивительно ли, что в результате подобной «работы» нас постигло целое половое наводнение? Почему же и как это происходит?

Человеческое бытие слагается из трех элементов: непосредственно—биологическое его содержание (питание, дыхание и т. д.), социальные устремления (общение с другими людьми) и воспроизводство потомства (половая жизнь). Каждая из этих областей имеет свои движущие силы и свои питающие источники, действующие, конечно, не порознь, а совместно. Современное и глубоко диференцированное общество сделало все эти области неотрывными от непосредственных социальных условий,—«социализировало» их. Человек ест, дышит, спит, любит—не как человек вообще, а как человек определенной исторической эпохи и определенной общественной группы. Вполне очевидно, что глубина, продолжительность и ритмы сна сейчас не те, какие были двести лет назад, и в буржуазной серде они отличаются от пролетарской. То же относится к силе, ритму и содержанию пищевых, вкусовых влечений и других физиологических функций. Старая половая ритмика человека, повторявшая половую жизнь окружавшего животного царства и приурочивавшая половые влечения к определенным, биологически удобным климатическим и пищевым условиям,—сейчас, конечно, изменилась до неузнаваемости, получив такое количество добавочных и дезорганизующих раздражений, что извратила на три четверти основное свое назначение: вместо воспроизводства потомства—самодовлеющее наслаждение, подчиняющееся случайным настроениям и искусственным возбуждениям.

Исторический хаос расправлялся с этой областью совер-

шенно безнаказанно, чего, конечно, не могло быть с другими, более требовательными двумя элементами биологического бытия,—тем более, что культивировать ее было на руку эксплоатации, отвлекая значительную часть энергии трудовых масс от самых жгучих вопросов их существования. Человечество, начинающее, в процессе самоосвобождения, отрываться от религиозного дурмана, взамен подпадает под иго не менее жестокого врага—дурмана полового.

Потребности в еде, в воздухе и прочих элементах непосредственно-биологического бытия,—так же, как и стремление к общению, т. е. к классовой организации и классовой борьбе—слабеют, если отвлечь их в сторону полового гипноза, в сторону многообразных и тонко разветвленных половых соблазнов современного искусства и быта. Половой гнилью заражается и господствующий класс, поскольку отдельные его частички, начинавшие от непроизводительного избытка паразитировать, теряют свой классовый инстинкт—хищничество и впадают в блуд. Но главный смысл этой половой вакханалии—отравление ею трудящихся, начинка их такой расслабляющей, обессиливающей, при том утонченно изготовленной прослойкой, перед которой старая топорная работа религиозного околпачивания должна будет смиренно преклонить голову.

Пансексуализм (половая всепропитанность), питающийся подавлением свободного развертывания всех прочих биопсихологических сил, оказывается огромной социальной опасностью, при том тщательно замаскированной (методы идеологической маскировки ведь хорошо знакомы строю эксплоатации). Маскировка обманывает, успокаивает, соблазняет, и, к величайшему несчастью, начинает соблазнять даже тех, кому даны все возможности беспрепятственного всестороннего биопсихологического развития, молодежь советских республик,—республик, не знающих широкой эксплоатации и не нуждающихся в новом дурмане. Историческая инерция еще сильна.

Нужно сорвать половой фетишизм с современного сознания и поставить половое на должное, в общем довольно серьезное, но далеко не первое место. Надо отнять у полового все то, что, волей класса обманщика, оно украло у человеческого творчества.

Часть полового напряжения развилась за счет ущербленных обще-биологических влечений—питания и пр., заменив бесплодным наслаждением первоочередное физико-химическое обогащение организма. Это было выгодно классу эксплоататоров—«меньше корма нужно одурманенному рабу», но это же совершенно не выгодно для государ-

ства трудящихся, которому необходима вся сумма биологического богатства человечества, без урезки. Надо обескровленному половым перенапряжением организму вернуть его естественные влечения. Не дыхание, замирающее от влюбленного созерцания или распирающее грудь от любовной гонки, а естественное впитывание свободными от дурмана легкими свежего воздуха, не отравленного половыми миазмами. Не движения, кокетливо или властно пленяющие тот или иной пол, а свободные естественные двигательные проявления организма, сорвавшего с себя цепи полового навождения,—и т. д. и т. д.

Другая часть полового напряжения незаконно питается грубо урезанной коллективистической мощью человеческого организма,—его исконно-первичным стремлением к общению с себе подобными. Социальные чувствования, свободно развертывающиеся в организованное и боевое классовое сознание, встречают по пути построенную классовым врагом половую плотину, останавливаются, пропитываются гнилыми выделениями буржуазной похоти и вырождаются в грубый, углубленный эготизм[1]), лишь для видимости украшенный иногда социальной, революционной этикой. Грош ломаный—цена социальному героизму, питающемуся половым влечением: оно же может когда угодно его и погубить, изуродовать. Социальный героизм есть именно социальный, классовый героизм, побуждаемый классовыми движущими силами, а не половым, хотя бы и утонченным, «крылатым» вожделением, место которому—сбоку, роль которого—аккомпанимент, а не основная партия. Социальный героизм, рожденный «любовью», это—обокраденный любовью истинный героизм, лишь частичка которого, да и то кривая, возвращается классу. Половая любовь поневоле эготирует, «обличностняет» социальное, как бы классово родственны ни были влюбленные. Необходимо, чтобы коллектив больше тянул к себе, чем любовный партнер. Сейчас же коллективистическое тускнеет, но зато разбухает любовь.

Половое должно вернуть социальному классовому то, что им у последнего украдено, так как кража эта выгодна лишь строю эксплоатации, и больше никому.

«Но как же, скажут мне, так урезывать половое? Ведь оно питало фантазию, двигало творческие процессы! Великая власть его сказывалась ведь и в том, что человек делался

---

[1]) Сосредоточение на своей особе.

неузнаваемым в период именно полового созревания! Сколько героизма и новых ярких страстей рождало в нем это вновь появившееся, даже еще не осознанное им, половое! Сколько трагедий и уродств воспитала в нем жизнь, если не давала выхода его половому содержанию!»

Все эти возражения направлены не по адресу. Я не требую уничтожения полового,—я лишь ставлю его на место. Место же это значительно более скромное, чем то, которое оно занимает сейчас.

Богатство фантазии и творчества в переходном возрасте обусловлено вовсе не одним лишь появлением полового момента в организме, но и быстрым ростом других, не менее важных, органов внутренней секреции [1]) и основных общих функций. К сожалению, половое, именно в виду извращенного его толкования и кривого направления («закон общего эмоционального знака»), часто в этот период оказывается ущербляющим, кастрирующим [2]) творчество фактором, запутывая подростков в сеть хитросплетенного полового прозябания или полового хищничества, взамен широко социального его взлета. Трагедии возникают не потому, что не дают свободного выхода половому (хотя иногда, изредка, причина бывает и в этом, а потому, что не ставят во время его на место, не комбинируют его с другими, тоже, если не более первоочередными влечениями и функциями: не использовывают его рационально, а предоставляют самому себе, т. е., значит, не себе, а половой стихии современности с ее отравляющими и парализующими силами. Продуктивно же направленное, умело сочетаемое и общебиологическими и социальными стремлениями организма, половое не создаст трагедии, а будет одним из равноправных элементов общего творческого фонда (равноправных, не больше! Скромнее с половым,—иначе плохо будет с социальным!).

Отсюда ясно, что гомерически развернувшийся интерес нашей современной молодежи к половому представляет собой подлежащий срочной политико-педагогической ликвидации фетишизм буржуазной отрыжки. Общественная реакция старого строя, стиснув все прочие биопсихологические возможности молодежи, оставляла ее во власти лишь одних половых волнений со всеми их грязными и дикими проявлениями («окарки», онанизм, любовные самоубийства и пр.). Советская же общественность открывает слишком много путей для всех без исключения биопсихологических тяготений

---

[1]) Химические соки, выделяемые организмом.
[2]) Обеспложивающим.

молодежи, создавая для них углубленное социальное, коллективистическое русло, и потому нет нужды ни в явной, ни в утонченно замаскированной фетишизации полового.

Перевод же социального героизма, проявлений дружбы, творческой фантазии и прочих ценнейших свойств классовой психологии на язык «крылатого Эроса», окрашивая половой фетишизм в революционный цвет, грозит обескрылить революционность. Очень боюсь, что при культе «крылатого Эроса» у нас будут плохо строиться аэропланы. На эросе же, хотя бы и крылатом,—не полетишь.

P. S. Как видит читатель, я довольно далек от того толкования половой жизни, какое дает один из интереснейших и пародоксальнейших психопатологов современности, З. Фрейд, и с которым, видимо, очень считается тов. А. Коллонтай. Не отрицая огромного богатства половой жизни, о котором говорит Фрейд, я в то же время указываю, что оно не самостоятельно (на чем именно и настаивает Фрейд), а приобретено на три четверти паразитарно, путем отсасывания сил из прочих энергий,—при том с чрезвычайным вредом для организма и общества в целом. Надо предварительно отодрать от него то, что им украдено у других. Социально-биологические предпосылки для этого у нас имеются.

И. Степанов

ПРОБЛЕМА ПОЛА

Новые формы брака, созданные новым строем общественно-экономических отношений, должны отразиться на новых социальных учреждениях. Иначе женщина обрекается на рабство, не менее тяжелое, чем прежнее.

Мы совершенно забыли о женщине и детях. Настолько забыли, что для нас было неожиданностью, когда мы узнали, что женщины составляют всего 10 проц. членов РКП и что этот процент, несмотря на всю работу женотделов, повышается медленно.

Мы очень просто отмахнулись от досадного факта: «Женская отсталость—известное дело».

И не спросили себя, делается ли все необходимое для того, чтобы преодолеть консерватизм женской психики.

Теперь мы все чаще узнаем, что среди учащейся молодежи, иногда захватывая и рабочую молодежь, складывается затхлая атмосфера, в которой начинают усиленно трактовать вопросы, казалось бы навсегда похороненные с недоброй памятью 1907 и 1908 годами и среди этих вопросов на видное место выдвигаются пресловутые «проблемы пола».

И опять мы отделываемся психологическими об'яснениями: реакция величайшего нервного напряжения, некоторая упадочность, охватившая элементы, неспособные к упорной, настойчивой работе и т. д. А если хотим итти «глубже», то воображая, будто окончательно вбиваем осиновый кол в «упадочные настроения», говорим: «обычная интеллигентская болезнь», «мелко-буржуазная психика».

И опять нам невдомек, что следовало бы оглянуться кругом и спросить себя, делается ли что-нибудь для устранения условий, возрождающих и даже вновь порождающих мелкобуржуазную психику.

Да, мы настолько забыли о женщине и детях, что совершенно не замечаем того вопиющего противоречия, в каком новые формы брака оказались с нашими социальными учреждениями.

Новый характер всех общественных отношений, новый стиль жизни, созданный еще капитализмом, а вовсе не нами, давно сделали необходимыми новые формы брака. Они характеризуются нашей свободой, отсутствием всякого принуждения, будет ли то юридическое принуждение или власть экономических отношений. В принципе мы отделили брак от экономики, в принципе мы разрушили «семейный очаг», в котором воплощалась власть экономики, независимо от юридических норм, превращавшая брак во внешне-принудительный союз и осуждавшая женщину на всестороннее рабство. Мы разрушили лицемерие семейного очага, мы сказали, что брак должен быть союзом любви, а не юридическим или экономическим вынужденным союзом. Мы сказали, что брачные связи не должны превращаться в брачные «узы», т. е. в брачные цепи, которые связывают мужа с женой, как каторжника с каторжником.

Но мы провели резолюцию о браке таким образом, что от этого выиграл только мужчина, а женщина поставлена в трагическое положение.

Конечно, наш брат может с большим красноречием говорить о новых формах брака, не без больших приятностей для себя практиковать брачный союз, хотя бы «от перекрестка до перекрестка», и ко всему тому в качестве дополнительного удовольствия считать себя выдержанным и последовательным коммунистом: не чета этим несчастным женщинам с их консервативной психикой, изуродованной тысячелетним рабством около семейного очага.

Но я глубоко понимаю, если женщина в необходимой самообороне,—да, необходимой, необходимой по всем предшествующим условиям, — «психологически углубляет» вопрос и начинает нести околесицу и плести канитель о «вечных проблемах пола», об «извечной борьбе между полами». И столь же понятно для меня, что племенному поборнику новых форм брака не остается ничего иного, как продолжить преследование индивидуально-психологической области, в которую «она» хочет спрятаться. Не все, но многое в этих разговорах правильно—от мысли об общих последствиях всяких форм брака: и новых, и старых и совсем первобытных.

В 1918—1920 годах, в эпоху «военного коммунизма», многое было у нас по другому. Новорожденным выдавалась мануфактура, существовало детское питание, для которого

выдавались не только карточки, но и продукты в более или менее сносном количестве, было не мало детских яслей, домов и приютов.

Все мы, взрослые, голодали безумно, кошмарно. Но мы по справедливости могли сказать всему миру: дети—первые привилегированные граждане нашей республики. И мы могли сказать, что вступили на путь, который ведет к действительному освобождению любви от всех привходящих, калечащих и убивающих ее элементов и, прежде всего, к действительному освобождению любви от экономики, к действительному освобождению женщины от домашнего рабства. Мы знали, что это только первый принципиально важный, но практически очень слабый шаг к полному раскрепощению женщин. Но мы тогда помнили, что надо итти дальше, и надеялись, что скоро пойдем дальше в создании учреждений, при которых только и возможно гармоническое, красивое, человеческое, коммунистическое развитие новых форм брака.

А что происходит теперь? Не будем фальшивить, скажем прямо: женщина остается прикованной цепями к разрушенному семейному очагу, к развалинам семейного очага. Мужчина может, весело посвистывая, уйти от него, оставив женщину и ребят.

Пусть не приписывают мне пошлостей: пусть поймут так же прямо, как я пишу. Я хорошо знаю, что мужчина мог и раньше покидать и действительно покидал своих ребят на женщину: старые юридические нормы были бессильны принудительно удержать то, что утратило корни в экономических отношениях, в строе хозяйства. И столь же хорошо знаю, что новое законодательство не столько ввело, сколько просто признало фактическую легкую расторжимость браков, лицемерно прикрываемую в буржуазном обществе.

Раньше нравы требовали, чтобы отец нес свою долю тягостей по воспитанию ребенка, материально, целиком обеспечивал бы его воспитание. Теперь нравы этого не требуют от отца.

Закон, который в известных случаях давал право «искать отца» и вменять к нему иск, конечно, не давал никакой защиты как раз той женщине, которая наиболее нуждалась бы в общественной помощи, пролетарской женщине. Он нисколько не препятствовал тому, что «незаконный ребенок» часто был ступенью к проституции, в сущности, даже толкал в эту сторону, идиотски различая каких-то «законных» и «незаконных» детей и рождения. Но в редких случаях и он помогал женщине, наводя на отца страх «скандала».

Возрождать этот закон было бы верхом глупости, и никто об этом не думает. Что же делать?

Положение женщины мучительное.

Она живет под гнетущим страхом, что ее брак окажется для мужчин браком «от перекрестка до перекрестка» и что она слабая, беспомощная, мало зарабатывающая, будет оставлена одна, с ребенком, которого надо воспитывать, или с ребенком, которого еще надо как-то родить.

Если мать обращается в ясли, или детский дом, в настоящее время ей отвечают: «у этого ребенка есть мать, а мы берем круглых сирот». Они по своему правы: конечно, в первую очередь, приходится пристраивать совсем бесприютных. Но и мать по своему права, когда она думает, что лишения, нужда, роды в конец истощили ее, что ее заработка не хватает даже на ее собственное голодное существование, что нельзя работать и в то же время ухаживать за ребенком.

И по своему права всякая женщина, если она внимает рассказам о молодцах, которые успели расстаться с несколькими матерями своих детей—и продолжают дальше и дальше возвеличивать новые формы брака. И мало ее утешит, если мы скажем, что эти молодцы, хотя бы они обладали даром самого пламенного красноречия,—великие прохвосты.

Выражением морального негодования делу не поможешь. Надо глядеть в корень вещей. Надо делать, а не говорить.

Кое-что можно было бы изменить уже в самом непродолжительном времени.

Возьмем, например, нашу налоговую систему. Мы знаем, что она у нас вообще пока очень грубая, топорная, хаотическая. Главная беда—в слабости налогового аппарата. Надо скорее изменить его таким образом, чтобы сократить вред, причиняемый в настоящее время.

Не только государственное, но и партийное обложение не считается с семейным положением. Если муж получает оклад, скажем, по сотому разряду, а жена по восьмидесятому, то хотя бы у них не было ни одного ребенка, каждый из них платит столько же, сколько платит единственный добытчик в семье, работник того же разряда, обременный многочисленными детьми. Бездетная чета оказывается в самом привилегированном полжении,—раза в два богаче семейного человека.

Мы должны облегчить полжение тех, кто несет на себе расходы по воспитанию детей, мы не должны материально поощрять тех отцов, которые всемилостивейше оставляют своих детей на шее у матери, мы не должны излишне отпу-

тивать от семьи такими лишениями, от которых ее можно было бы освободить.

Конечно, это крошечная мера, паллиатив. Но она все же имела бы некоторое значение. Мы скорее должны провести ее в РКП, а затем и в области общегосударственного обложения.

А затем следует вспомнить о тех коренных мерах, о тех социальных учреждениях, которые упомянуты в начале статьи. Нельзя отделываться словами: «то была эпоха военного коммунизма, а теперь эпоха Нэп'а».

Во-первых, не надо так увлекаться; не надо до бесчувствия повторять: «военный», «военный коммунизм»; надо помнить, что в социальных учреждениях того времени было много коммунистического и что мы отказались от них или произвели большое сокращение не потому, что это были меры исключительно военного времени, а просто потому, что у нас не было средств на их содержание.

Во-вторых, коммунистам не подабает до самозабвения уходить в Нэп. Или следует постоянно помнить, что Нэп— всего лишь способ систематического продвижения к коммунизму, а не способ возрождения всестороннего капиталистического варварства, до величайшего порабощения женщины включительно и не способ превращения женщины в злополучный об'ект любовных наслаждений мужчины.

Надо смотреть, надо искать, надо вносить в дело коммунистическое понимание, надо действовать.

Надо помнить, что молодежь бьется в тисках противоречия между нашими принципами и нашими учреждениями. Надо помнить, что она калечится этим противоречием, что оно создает благоприятную почву для затхлой постановки затхлых индивидуально-этических и «глубоких» психологических вопросов,—таких, как «проблема пола» 1907 г. или проблема согласования личной жизни с общественной деятельностью и борьбой, отбрасывающая нас к первой половине девяностых годов прошлого века.

Надо не топтаться на месте и не итти назад, а продвигаться вперед: от Нэп'а и через Нэп не к буржуазному обществу, а к коммунизму,—еще при Нэп'е двигаться к коммунизму.

СОДЕРЖАНИЕ

III

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

